

Валентина Елисеева

Девушка, которую не помнят

Пролог

Может ли несчастье передаваться из поколения в поколение наследственным путем? Существует ли комбинация генов, которая с самого начала, еще до рождения на свет, в утробе матери однозначно определяет несчастливую судьбу человека? Действительно, в мире живут семьи, на которые горести и печали сыплются как из рога изобилия в каждом колене. Алеся Новикова готова была подтвердить под присягой, что ее проклятье имеет наследственную природу.

Судите сами: прабабка Алеси работала секретаршей в мелкой конторе в захолустном городке, но умудрилась попасться на глаза полковнику КГБ, который перетащил ее на престижную по тем временам работу в свое ведомство. Нет, полковник не женился на прабабке Алеси (он был давным-давно женат, а развод для человека его положения в советские годы был верным способом утратить это самое положение), а сделал ее своей тайной любовницей, лишив женщину надежды на нормальную семейную жизнь. Взамен полковник подарил любовнице внебрачную дочку, которую так и не признал своей, а также секретарскую работу в дознавательной службе КГБ крупного райцентра. Прабабка Алеси, вынужденная вести записи допросов, к тридцати годам тронулась умом от увиденных зверств и провела недолгий остаток своих дней в психлечебнице, забившись в угол и крича: «Не хочу видеть, не хочу слышать, МЕНЯ ЗДЕСЬ НЕТ!!!» Ее оставшаяся сиротой дочь с десяти лет воспитывалась в приюте.

Горькая жизнь бабки Алеси не стала слаще со временем, после того, как она покинула стены сиротского приюта: окончание техникума и работа на конвейере крупного завода, среди тысяч других столь же неприметных сотрудниц, давали мало шансов ухватить счастье за хвост. Привлекательность молодой женщины (на которую та втихаря рассчитывала, поглядывая в сторону холостого главного инженера их завода) сыграла против нее: инженер охотно провел с ней пару ночей, после чего женился на дочери весьма влиятельного и уважаемого человека, члена обкома КПСС. Инженер и после свадьбы желал продолжить тайные отношения, но бабка Алеси собрала вещи и сбежала в Ленинград, а на новом месте работы постаралась стать максимально незаметной для других «инженеров». Ей это вполне удалось — родившаяся от любовника дочка и статус матери-одиночки успешно отталкивали от нее приличных кавалеров.

Мать Алеси воспитывалась в строгости, с детства выслушивая поучительные истории о жизни ее старших родственниц. Ульяна Новикова незаметной серой мышкой бегала на занятия в школу, потом — на лекции филологического факультета института, еще позже — на работу в редакцию газеты, где работала корректором. Небольшую зарплату тратила на съем квартиры, чтобы не жить вместе с матерью, денег на косметику и наряды не оставалось, да Ульяна о них и не думала: сыта, как-то одета и то ладно. Увы, скромная одежда и робость не спасли ее в лихие девяностые годы от парочки насильников, встретившихся в зимнем вечернем саду перед домом. Подонков потом так и не нашли, а у Ульяны обнаружилась беременность. Против аборта резко высказались врачи, предупредив, что другого ребенка молодая женщина может никогда не понести. Бабка Алеси тогда сказала:

— Ничего, справишься. Видно, нам на роду написано в горести и одиночестве своих дочерей растить.

Бабка Зинаида как в воду глядела: в роду действительно родилась еще одна девочка — Алеся Новикова. И в четвертом поколении женщин Новиковых ген несчастья развился и мутировал в совершенно необычную форму...

Глава 1. Необычная малютка

Мать Алеси не обратила внимания на то, что каждое ее утро в роддоме начиналось со слов: «Ой, я и забыла, что вам ребенка в палату уже принесла», — сказанных очередной медсестрой, повторно заглядывающей в палату. На выписке из роддома Ульяну Новикову встретила мать, облившая слезами новорожденную и доставившая их на такси до квартиры, где был сервирован праздничный стол. Гостей не было — Ульяна не имела подруг, как и ее мать. Зинаида Новикова сообщила дочери, что будет им с внучкой помогать, что плату за квартиру она уже внесла за полгода вперед, так что Ульяне пока не о чем волноваться. Каждую секунду поглядывая на малютку, мирно сопящую в колыбели, две женщины отметили рождение нового поколения их рода, страстно желая новорожденной прорваться сквозь пелену родового несчастья. Поздно вечером Зинаида уехала к себе, а утром в квартире молодой матери Ульяны Новиковой раздался странный телефонный звонок:

— Дочь, ты когда малышку из роддома забирать собираешься? Что врачи говорят, когда ее выпишут? Я не запомнила вчера, когда тебя домой отвозила, — почему ее сразу не отпустили?

— К-как не отпустили? Алесья уже дома, — в замешательстве пролепетала Ульяна, смотря на бутылочки с кипяченой водой и гору привезенных матерью дорогуших памперсов, не понимая слов своей родительницы, которая вчера весь день ворковала над внучкой.

— Дочь, тебе не стыдно?! Неужели не могла сказать, что ее сегодня из роддома выпишут? Почему я должна узнавать о выписке внучки с опозданием? Я бы встретила вас как положено, с ребеночком бы помогла, а ты тайком ее домой забрала и матери родной — ни слова!

— Но... но...

— Никаких «но», я хочу увидеть внучку, так что немедленно выезжаю, никуда не уходи!

Ошеломленная Ульяна принялась выставлять из холодильника на стол оставшиеся со вчерашнего дня закуски и салаты. Зинаида приехала и восторгалась малюткой, словно вчера ее и не видала, и вообще о вчерашнем дне помнила лишь то, что не было напрямую связано с Алесей. Ульяна пожимала плечами и не выясняла отношения, сочтя, что оно того не стоит.

На следующий день Зинаида опять позвонила с утра:

— Дочь, тебе не стыдно? В роддоме говорят, что второй день, как Алесеньку домой выписали, а от тебя ни слуху ни духу! Совесть имей, мать не забывай! Я сейчас приеду, никуда не уходи, хочу посмотреть на внучку, которую ты от меня прятать вздумала!

— Мама, это розыгрыш такой, да? — решила спросить Ульяна. — Второй раз подряд как-то уже не смешно.

— Какой розыгрыш?! Я хочу увидеть внучку, имею право! — завопила Зинаида.

Приехав к дочери, она держалась с растерянной Ульяной холодно, в ответ на попытки спросить в чем дело отвечала гневным фырчанием. У Ульяны слезы на глаза наворачивались от нелепости ситуации, но она привыкла молчать — и молчала, принимая для себя неожиданные странности матери.

Первая догадка, что странности проявляет не мать, а новорожденная дочь, возникли у Ульяны, когда после отъезда Зинаиды к ней на квартиру заявила участковая педиатр, чтобы осмотреть ребенка, как оно по правилам положено.

— Так-с, это у вас доченька родилась? Я провожу патронаж новорожденных. Прелестная у вас девчушка, — ворковала пожилая женщина с добрым улыбчивым лицом. — И абсолютно здоровенькая, что сейчас редкость.

Педиатр долго рассказывала, как ухаживать за малюткой, горячо советовала кормить только грудью, а не бросаться сразу за молочными смесями, если вдруг покажется, что молока стало мало.

— Молочко прибудет, к груди прикладывайте только почаще, — говорила педиатр, осмотрев Алесю и вернув ее в кроватку.

— Хорошо, буду стараться на искусственное вскармливание не переходить, — пообещала Ульяна и проводила врачаху до двери.

Не успела она разогреть себе обед, как в дверь опять позвонили: вернулась та же врач-педиатр.

— Мапочка, вы не сообщили, где сейчас ваша малютка и когда я смогу ее осмотреть. Девочку бабушка на прогулку вывезла? Вы говорили, что мужа у вас нет...

Молча смотря в лицо врача, Ульяна не знала, что и сказать. Пригласила женщину пройти в квартиру и только ресницами хлопала, смотря, как пожилая педиатр заново осматривает ее дочь и слово в слово повторяет то, что произносила десять минут назад.

«Я сошла с ума? У меня навязчивые повторяющиеся галлюцинации? Недаром бабка в сумасшедшем доме померла?» — с ужасом думала молодая мать, машинально кивая головой и автоматически отвечая на вопросы педиатра, а потом проводя ее к двери. Педиатр в тот день возвращалась трижды, а на следующий день недовольно высказалась, почему малытки вчера весь день не было дома, и она, врач, не смогла осмотреть новорожденную!

После очередных звонков матери, визитов патронажной медицинской сестры, встреч с соседями Ульяна понемногу осознала страшное: ее дочь не помнили! Точнее, о ее существовании помнили ровно три минуты с того момента, как переставали слышать и видеть ее маленькую девочку. А после трех минут человек забывал все, что было напрямую связано с Алесей Новиковой. Записи в бумагах оставались (если они делались медсестрой или работником ЗАГСа, выписывающим свидетельство о рождении), а вот память о встрече с Алесей исчезала у людей полностью.

Если Ульяна заходила в небольшой продуктовый магазинчик на углу дома с малыткой на руках, то спустя пять минут после ухода продавщица могла окликнуть ее в окно:

— Ты в следующий раз лучше с малышкой в магазин заходи, не оставляй на улице, а не то украсть могут: слышала, сейчас часто детей воруют, киднеппинг процветает, во!

Примечательно, что если Ульяна заходила с дочерью в магазин детской одежды и проводила там всё время, примеряя на ребенка курточки и костюмчики, то продавцы забывали не только об Алесе, но и о ней самой, матери девочки-уникума. После долгого опыта таких забываний Ульяна пришла к верному выводу: люди забывали те события, что не могли бы сохраниться в их памяти без участия Алеси — ведь если женщина примеряет одежду на ребенка, то как можно помнить об этом, забыв о самом факте присутствия на примерке этого ребенка, верно? Если прошлое без Алеси выглядело бы нелепо, как фотография с вырезанным лицом, то это прошлое полностью стиралось из памяти людей со всеми сопутствующими фигурами и событиями. Если же отсутствие Алеси «в кадре воспоминаний» не нарушало логики событий, то забывалась только она и только то, что напрямую связывалось с ней.

Ульяна была единственным человеком, который всегда помнил о существовании в этом мире Алеси Новиковой! Зинаида Новикова так и не смогла простить дочери «утаивание» внучки. Она перестала приходить, звонила редко, а при визитах самой Ульяны с Алесей на руках разговаривала холодно, а потом помнила лишь то, «что дочь опять заявила одна, без внученьки». Соседи в небольшом двухэтажном домике, где все всех знают, вообще начали подозревать, что никакой девочки у Новиковой и вовсе нет, даже участкового милиционера несколько раз вызывали, чтобы тот разобрался в ситуации. Участковый приходил, глядел на девочку, брал с Ульяны объяснительную, что она ребенка в четырех стенах не держит, исправно с ней гуляет и по врачам ходит, делал запрос в поликлинику, убеждаясь, что девочке действительно ставят все положенные по возрасту прививки и она регулярно проходит медосмотры (эти факты, к счастью, записывались в карту ребенка сразу, до того, как она покидала кабинет врача), после чего благополучно забывал об этом и вновь приходил на разбирательство. Ульяне это так надоело, что она в итоге сняла недорогую студию в высотной новостройке, где соседям не было никакого дела друг до друга.

С работой у Ульяны тоже были сложности. Нанять няню она боялась: отвернется та на несколько минут от сидящей в песочнице девочки, чтобы поболтать с кем-нибудь, или Алесю в какой-нибудь беседке от присмотра на время скроется, и забудет няня напрочь о ее дочери и оставит ее одну на улице! С воспитателями в яслях такие же проблемы: они быстро забудут, что это девочка из их группы и оставят ее во дворе без присмотра или еще что. В итоге Ульяна договорилась в редакции, что работать станет на дому, а отредактированные статьи отправлять по электронной почте. Ей пошли навстречу — Ульяна Новикова была ценным сотрудником: грамотным, ответственным, исключительно неконфликтным. Помимо основной профессии, Ульяна занялась еще и подработкой в быстро развивающейся сфере интернета: делала рефераты нерадивым студентам и учащимся, выполняла за них контрольные работы по русскому языку и литературе, писала сочинения, принимая оплату на карту, а позже — на электронный кошелек.

Молодой женщине удавалось сводить концы с концами и детство маленькой Алеси было счастливым: рядом всегда находилась любимая мама, готовая сделать все, что угодно, для обожаемой дочурки, а больше Алесе никто и не требовался. Ульяна запечатлевала на фотоаппарат каждый шаг своей малышки и отправляла фотографии матери, чтобы бабушка могла помнить о внучке хотя бы так — по фотографиям. О фотографиях не забывали, так что вся жизнь Алеси была набором записей в различных бумагах, битком набитыми фотоальбомами и памятью ее матери, поскольку в памяти других людей она была лишь пустым пятном.

— Какое счастье, что в нашей стране ударными темпами развивается бюрократия и количество бумаг во всех сферах растет как на дрожжах, — грустно усмехалась Ульяна, — так тебя не смогут

насовсем забыть и вычеркнуть из жизни, доченька. Есть бумаги, свидетельство о рождении, паспорт и прочее — значит, и человек есть.

Когда появились первые социальные сети, Ульяна Новикова стала их яркой приверженкой, заполняя свои страницы множеством фотографий дочери, создавая Алесе мир, в котором ее **помнили**... Посты в сети, фото галерея, комментарии видны всем и не забываются моментально волшебным образом, их в любой момент можно открыть заново и просмотреть, вспомнить. Когда Ульяна решилась открыто признаться матери в обнаруженной у дочери аномалии, то именно с помощью фотографий они и провели эксперимент: Зинаида приехала в гости, сфотографировалась с Алесей, написала об этом комментарий на своей странице и сделала запись на листке бумаги, после чего ушла в магазин за хлебом. Просматривая свою страницу в соцсети после возвращения и читая строки, написанные собственной рукой, она признала существование невероятного феномена.

— Я все время прекрасно помню ее лицо, увиденное мной на фотографиях, но личная встреча полностью стирается из памяти и голосок ее тоже не помню. Запись на диктофоне — помню, а звучание голоса наяву — нет, — рассказывала Зинаида дочери. — Исчезают из памяти даже эмоции, которые охватывали меня при встрече с ней, я смотрю на фотографии и вижу совершенно незнакомого человека, которого видела лишь на фото. Может, стоит врачам о таком феномене сообщить?

— А что они смогут сделать, эти врачи? Этот случай явно не описан в специальной литературе, а я не хочу, чтобы мою дочь забрали в лабораторию в качестве подопытного образца, — возразила Ульяна.

Зинаида припомнила давние рассказы своей родной матери о застенках КГБ и согласилась, что фантастическую особенность Алеси надо держать в секрете. К счастью, это не представляло сложности: легко хранить секрет, о главном компоненте которого все свидетели забывают напрочь через три минуты.

Глава 2. Шарлатанское объявление

Первое грустное воспоминание детства было связано у Алеси со щенком овчарки: милым, толстым, косопалым щенком, смотревшим на нее преданным взглядом, высунув из пасти розовый язык.

— Мамочка, купи щеночка! — попросила пятилетняя Алеся, ничуть не сомневаясь, что мать сразу согласится и вручит ей все, что она пожелает.

Однако в этот раз мать побледнела, ухватила ее за руку и отвела подальше в сторону от продавца щенков, начавшем расхваливать своих собак и уговаривать на покупку.

— Нет, солнышко, собаку купить не могу, тем более эту — она же вырастет большой, будет дом охранять.

— Это хорошо, что большой и охранять меня будет, — поспешила заметить Алеся, но у матери слезы на глазах выступили и покатались по щекам. Алеся испугалась — никогда раньше она не видела, чтобы ее сильная и сдержанная мама плакала.

Ульяна присела перед дочерью и сказала тихо-тихо:

— Помнишь, ты три дня ходила в детский садик? Я думала, что тебе не помешает общение со сверстниками... Помнишь, как тебя все время спрашивали, кто ты такая? Как на второй и третий день ты пыталась заново знакомиться с девочками, а они уже успели передружиться между собой, а про тебя просто забыли, воспринимая, как новенькую?

— Да, и что? Зачем ты вспоминаешь про тех глупых девчонок? Они мне не нужны, я хочу щеночка!

— Алеся... щенок тоже будет тебя забывать, каждый день. А когда он вырастет в большую собаку-защитника и увидит утром тебя на охраняемой им территории... Алеся, он может напасть, поскольку **не будет помнить**, что ты его хозяйка, понимаешь?

— Нет, он меня вспомнит, вспомнит, вспомнит!!!

У Алеся началась истерика, она топала ножками и кричала, а несчастная плачущая Ульяна подхватила брыкающуюся дочь на руки и отнесла в такси, а дома напоила водой с валерьянкой и уложила спать.

С этого дня началась новая жизнь Алеси — жизнь, в которой она признала себя не такой, как все...

На шестой день рождения мать подарила ей котенка, а бабушка — волнистых попугайчиков в клетке.

— Кошки всегда добры к тому, кто их кормит в данный момент времени, они не набрасываются на незнакомцев, как собаки, — сказала мать.

— Попугайчики научатся произносить твоё имя. Они будут говорить его всегда, им не нужно для этого помнить того, кому это имя принадлежит, — сказала бабушка.

Впоследствии Алеся именно этот момент считала окончанием своего детства. Детства, когда еще веришь в сказки. Тот день рождения стал началом ее взрослой жизни, в которой сказкам места уже нет, также как нет места собакам, друзьям, очной школе и многим другим, привычным для других вещам. Школу Алеся заканчивала заочно, находясь на домашнем обучении и приходя к учителям раз в год для сдачи аттестационных экзаменов. В такие дни Ульяна всегда стояла в коридоре рядом с кабинетом, где сидела Алеся, — в ее обязанности входило следить за отлучающимися иногда учителями и своевременно напоминать им о том, что в пустом классе их ждет ребенок-заочник. Ребенок, о котором они успели забыть.

На кафедре английской филологии и перевода шел экзамен у студентов-заочников третьего курса. Профессор Атвуд закончил читать перевод художественного текста, выполненный студенткой Новиковой, и сказал небрежно:

— Неплохо, неплохо, я ставлю вам «удовлетворительно». — Он взял зачетку, намереваясь вписать в него тройку.

Алеся вцепилась в тонкую книжицу, мешая поставить в нее первую оценку столь низкого уровня.

— Почему «удовлетворительно»? Какие у меня ошибки? — спросила она.

— Особых ошибок нет, но я оцениваю всю работу студента во время сессии, а не только ответ на

экзамене. Вы, милочка, пропустили все мои лекции, хоть я предупреждал — заочникам, у которых и без того неприлично мало очных часов, ни одного занятия пропускать нельзя!

— Я не пропускала лекций, посмотрите в своем блокноте, где вы отмечали всех присутствовавших, — настаивала Алеся.

Она внутренним чутьем, никогда ее не подводившим, ощущала раздражение преподавателя, его возмущение назойливостью студентки-прогульщицы, которой вздумалось требовать высокий отметки. Профессор с недовольной гримасой раскрыл свой блокнот, увидел ряд плюсов напротив фамилии Новиковой, заметно удивился, поправил очки и сказал:

— Тем более вы больше «тройки» не заслуживаете: вы постоянно ходили и при этом умудрились совершенно ничем не запомниться ни на лекциях, ни на практических занятиях. Извините, но я не ставлю отличные оценки тем, кто тихой мышкой отсиживается в углу, пока остальные работают.

Алеся стиснула зубы и еле сдерживая слезы смотрела, как ей ставят жирный «уд», удостоверяя его профессорской подписью. От преподавателя буквально веяло злорадным удовлетворением. Идти жаловаться в деканат? О ее жалобе забудут, как только она закроет дверь, а письменное заявление отложат в сторону и тоже в итоге выбросят, ведь «никто не придет жаловаться повторно». Точнее, придти-то придет, но никто этого не запомнит, как не запомнил профессор ее многочисленных верных ответов, докладов и переводов с листа.

«Дискриминация связана не только с цветом кожи, — уныло думала Алеся, бредя домой через университетский сквер, — но и с паранормальными особенностями некоторых людей. Трудно бороться за свои права тому, кто не задерживается в чужой памяти. И лучше не вспоминать, как я пробовала летом устроиться на работу: меня искренне заверили, что берут и просят уже с утра выйти, но не успела я дойти до поворота коридора, как секретарь позвал следующего, пришедшего на собеседование. Нет, мама абсолютно права: мой единственный выход — это интернет. Виртуальный мир — это мой мир, в котором у меня тысячи друзей, помнящих обо мне, поздравляющих меня с праздниками и днем рождения, присылающих мне смешные картинки и видео, поддерживающих меня в трудные минуты, подкидывающих мне подработку. Мир, в котором я уже год успешно работаю переводчиком и даже неплохо зарабатываю на этом, не выходя из дома и не пытаясь заставить кого-то запомнить меня в лицо. Мир, в котором я успешно веду колонку юмора в мамином интернет-журнале и пишу фельетоны, пользующиеся неизменным успехом у читателей. Как говорится, если очень горько — улыбайтесь! Трагикомедия — это определенно мой жанр».

— Девушка, нельзя быть такой печальной в солнечный летний денек! Для Петербурга любой проблеск солнца — это повод для радости, — произнес за ее спиной приятный юношеский голос.

Алеся хорошо знала этот голос, он принадлежал Николаю Королькову с параллельного потока, жившему с родителями недалеко от университета в старом сталинском доме. Добродушному, милому парню с копной темно-рыжих кудрей и веселыми серыми глазами, любителю и защитнику животных, прекрасному шахматисту и активному члену театральной студии их университета. Кажется, Коля сейчас предпримет юбилейную, десятую по счету, попытку знакомства с ней в этом университетском сквере. И это только в сквере, а уж сколько всего их было — и не счесть...

Стоит отметить, что предыдущие девять попыток их уличного знакомства были весьма успешны: они успели сходить в океанариум, несколько раз посидеть в кафе, дважды покататься на катере по каналам Петербурга и раз — доехать на ракете до Петергофа, посетить выставки и просто прогуляться по набережной. Алеся помнила его любимые книги и фильмы, знала, как можно обыграть его в шахматы, памятуя о некоторых его слабостях в защите (она не раз сражалась с ним за клетчатой доской в шахматном клубе, хоть Коля и не помнил их увлекательных схваток), ходила на театрализованные представления, в которых он участвовал, и по мере возможности посещала все их репетиции, частенько замечая в сценках заболевших или прогуливающихся репетиции актеров. Режиссеры очень хвалили Алесю и всегда просили приходить еще, утверждая, что у нее несомненный актерский талант. Алеся приходила и вновь слышала те же речи и так далее по кругу... как всегда. Но она не бросала театральной студии, потому что ей нравилось хоть изредка почувствовать себя частью группы, а не одиночкой, и потому что в ней занимался Коля.

Словом, Алесе очень нравился Николай и она была бы счастлива сходить с ним и на второе, и на третье, и на десятое свидание... но все их встречи вынужденно были только первыми...

— Как вас зовут? — с улыбкой спросил Коля.

Алеся подняла усталый взгляд на его открытое симпатичное лицо, в который раз ощутила исходящую от него волну искренней заинтересованности и резко ответила:

— Извините, я не знаколюсь на улицах и очень спешу.

Опустив голову, она понеслась вперед. Сто десятое «знакомство» с одним и тем же милым парнем, с

которым действительно хочется близких отношений — это перебор даже для ее устойчивой к стрессам психики. Доставшаяся ей в наследство яркая внешность бабки и прабабки (большие синие глаза на кукольном личике и золотистые выющиеся волосы) привлекала мужские взгляды, но все ее знакомства так и оставались мимолетными короткими знакомствами из-за необычной врожденной особенности.

— Ты же не хочешь всю жизнь провести в одиночестве и остаться окруженной выводом кошек старой девой, — грустно сказала ей мать, утешая расплакавшуюся дома Алесю.

— Я не хочу поутру услышать от любимого мужчины, с которым провела ночь: «Ты кто? Извини, но я совершенно ничего не помню», — ответила Алеся. — Не хочу ощутить в нем равнодушие, недоумение, озабоченность тем, как откликнется случайная ночь с «незнакомкой». Мама, я вынуждена быть одинокой, просто вынуждена, у меня нет других вариантов. Это я всех помню, могу горячо влюбиться, если позволю себе подобную невероятную глупость, но как бы я ни старалась, меня-то все равно забудут! Забудут не только совместное прошлое, забудут сами чувства ко мне, понимаешь?! Я же ощущаю это!!! В чужих людях такое «обнуление» зародившихся за день чувств меня не задевает, но в родных и близких...

— Твоя дочь наверняка помнила бы тебя, — робко заикнулась мать.

— А ее? **Ее** будут помнить? Нет, мамочка, я не готова нести ответственность за появление на свет еще одного глубоко несчастного человека-невидимки. Даже бабушка, которая всё обо мне знает и очень старается любить меня всем сердцем, в каждую новую встречу смотрит на меня, как на далекого родственника, которого впервые узрели воочию. Нет, мама, проклятие нашего рода умрет вместе со мной.

Род Новиковых действительно начал быстро угасать. Летом, когда Алеся перешла на четвертый курс, умерла бабушка Зинаида. А осенью сильно заболела мать. Обычная простуда, перенесенная Ульяной Новиковой на ногах, резко перешла в двустороннюю пневмонию, которую врачи не сразу диагностировали. После недельного домашнего лечения слабенькими антибиотиками в таблетках, Ульяну увезли в больницу в тяжелейшем состоянии: начался отёк легких. Алеся просидела в больнице всю ночь, дожидаясь у дверей реанимационного отделения вердикта врачей, а утром бледный от бессонной ночи врач сообщил ей о смерти матери.

Уход из жизни близкого человека — это для любого боль и шок, а для Алеси это был и вечный приговор: оборвалась ее последняя ниточка с миром нормальных людей, был потерян единственный человек, который знал ее не только по фотографиям и постам в интернете. Как в страшном сне провела она следующие дни, организуя в одиночестве похороны матери. Хорошо, что клеркам в многочисленных конторах никого запоминать не надо — была бы у посетителя нужная бумажка. Вернувшись с кладбища в опустевшую квартиру, Алеся прижала к себе мурлыкающих кошек и с тихим воем закачалась из стороны в сторону.

За окном медленно опускались на уличную петербургскую грязь белые пушистые снежинки. На подоконнике спала рыжая кошка, а на толстой папке бумаг на столе — ее серо-рыжий котенок. Мирный и обыденный рабочий день был в самом разгаре. Алеся заканчивала небольшую зарисовку из жизни современных учителей для журнала, в котором работала, и сейчас описывала завершение школьного педсовета, слова директора, подводящего итоги:

— Наша задача — всячески помочь вышестоящему руководству разобраться в проблеме огромного объема всевозможной отчетности, на которую постоянно жалуются учителя и которая уже озвучена нашим министром образования. Да, проблема есть, руководство этого не отрицает, но оно желает понять суть и масштаб этой проблемы! Поэтому теперь каждый месяц учитель будет сдавать отчет о количестве и содержании всех отчетов, что он сдал за истекший месяц. Форма этого отчета пока произвольная, но к концу учебного года будет утверждена единая форма годового отчета об отчетах. И пока вы ее не заполните и не сдадите, в отпуск не уйдете. И не кричите, зачем еще один отчет, вы сами хотели уменьшить их количество, сами жаловались на всех углах, так что нечего теперь роптать, радуйтесь, что вас услышали! Идите и работайте, дорогие коллеги!

Поставив последний восклицательный знак, Алеся подумала, что в России писать фельетоны не так-то и сложно, достаточно осмотреться вокруг. В реальности происходит столько нелепого и трагикомического, что фантазия излишня.

«Мир магии ждет вас! Приходите и раскройте свой магический потенциал, профессор Каллинг и возглавляемый им Университет Магических Наук набирает новый поток студентов!» — гласило рекламное объявление, всплывшее вдруг на сайте редакции, в которой дистанционно работала Алеся.

«Что за ерунда? Босс никогда не соглашался публиковать у нас подобные сомнительные объявления», — подивилась Алеся и быстро настрочила в чате компании сообщение старшему айтишнику.

«Не вижу никакого объявления», — ответили ей.

Алеся кликнула рекламный слоган и скопировала адрес открывшейся страницы, отправив его айтишнику.

«Ссылка не рабочая», — пришел ответ.

То есть как не рабочая? Алеся еще раз перешла на сайт «Университета Магических Наук»: красиво оформленная главная страница с каким-то экзотическим островом в теплых морях и старинным зданием в стиле средневекового замка, список факультетов:

- колдовские зелья,
- управление стихиями,
- заклятия и заговоры,
- амулетное дело и артефакторика
- ментальная магия,
- целительство,

и тому подобное. Обещали: раскрытие магического потенциала, стопроцентное трудоустройство в рамках выбранной специализации, быстрый карьерный рост. Имелось также примечание, что университет берет на учебу людей с любым образованием и даже без него.

«Совсем без образования в **университет** берут? Вот это точно магия, иначе не скажешь! А если человек даже читать не умеет?» — удивленно пожала плечами Алеся. Нет, очевидно, что это чья-то нелепая шутка, но фраза про образование побивала все рекорды абсурда.

По центру красной строкой бежал адрес, по которому завтра в 17:00 следовало явиться всем, кто заинтересован в развитии своих магических сил: университет приглашал на день открытых дверей. Указанное место сбора находилось недалеко от Невского проспекта, в одном из старинных невысоких трехэтажных зданий. Алеся сделала скриншот экрана и добавила его в чат.

«Зачем прислала серый квадрат? Пародируешь Малевича? — пришел ответ с вереницей смайликов. — Ты там работаешь или коньяк распиваешь, Новикова? Новый фельетон на трезвую голову придумать не можешь, фантазия истощилась?»

Разозлившись на главного айтишника, Алеся отправила сообщения всем его коллегам. Их ответы в точности повторяли прежние: ссылки якобы не открывались, никакого магического университета-замка они на картинке не видели.

Сердце Алеся дрогнуло в предчувствии необычного. Кому, как не ей, верить в мистическое! Под информацией о Магическом Университете был открыт чат.

«Эй, народ, почему мои друзья не могут пройти по этой ссылке?» — писал некто Володя.

«У меня такая же хрень», — Олег.

«Одна из моих подруг смогла открыть страницу, а две другие — нет. Может, сбой какой?» — Жанна.

«А вы вообще верите в эту чушь про магию?» — Володя.

«Я — нет. Но хотела бы сходить глянуть, только одной страшновато. Кто пойдет? Может, объединимся?» — Оленька.

Весь день шарлатанское рекламное объявление мозолило Алесе глаза. Оно выскакивало на всех страницах, на которые переходила Алеся, заставляя думать, что Яндекс-директ недаром получает свои прибыли. Вечером в том же чате Алеся увидела, что пятеро ребят договорились встретиться у станции метро и вместе сходить на день открытых дверей «магического университета». Она твердо решила присоединиться.

Глава 3. Охотники на магов

Группку из четверых молодых людей в пуховиках и джинсах Алеся увидела сразу, как только вышла со станции метро «Гостиный Двор». На зимний Петербург опускались густые сумерки, расцвеченные яркой иллюминацией недавно отгремевших новогодних праздников. В свете гирлянд к группе подбежала еще одна девушка в шапке с помпоном, заговорила, все закивали и заулыбались. Алеся ускорила шаг и подошла, когда девушка в красной куртке довольным голосом сказала:

— Теперь все в сборе. Пошли?

— Можно, и я с вами? — спросила Алеся.

На нее удивленно уставились. Девушка в красном прищурилась и спросила:

— Куда это вы с нами?

— В магический университет, — усмехнулась Алеся, делая круглые глаза, — я видела в чате, что вы тут собираетесь.

— А почему не зарегистрировались на сайте и не сообщили заранее, что пойдете с нами? — со странным недовольством спросила девушка в красном, но тут же ослепительно заулыбалась и защебетала: — Ой, конечно, пойдете, вместе веселее. Вы сами объявление увидели или сказал кто?

И искоса брошенный пронзительный взгляд.

— Сама увидела, — ответила Алеся и могла бы поклясться, что девица в красном облегченно и довольно выдохнула. Эта же девица сообщила, что знает, куда идти (вроде как она внимательно изучила гугл-карты) и велела всем следовать за ней. По дороге выяснилось, что это та самая Оленька, которая и предложила в чате собраться вместе.

Помимо девицы в красном здесь было еще две девушки и два парня, вместе с Алесей их группа состояла из шести человек. Парни были широкоплечие, высокие и мускулистые, их лица внушали Алесе доверие и ей было не так страшно шагать по темным закоулкам за их широкими спинами. Один парень обернулся и весело подмигнул ей:

— Не трусьте, девчонки, в обиду не дадим, да, Олежек?

— А то, любого мага на лопатки уложим, — хмыкнул его товарищ. — Интересно, что они нам продемонстрируют, какое шоу? Точно шарлатаны какие-то, я на всякий случай паспорт и деньги с собой не брал и вам советую в камере хранения оставить, тут есть такие у метро. Знаете, как бывает: газом психотропным отравят, бумаги подписать заставят и будешь им миллионы и квартиру должен.

«Это предусмотрительно, я тоже паспорт и деньги не брала, только жетоны на метро», — молча кивнула в ответ на слова парня Алеся.

Одна из девушек резко затормозила.

— Я... я передумала, я не пойду, — протараторила она, развернулась и мигом скрылась, пробежав по переулку и выскочив в толпу на Невском.

— Зачем напугали девочку? — недовольно высказалась девица в красном. — Еще трусишки есть? Хотите, я вас за ручку возьму, чтобы не страшно было. Кстати, тут недалеко осталось, почти пришли.

Они завернули за угол и остановились перед ярко освещенным свежевыкрашенным домом с широким крыльцом и двустворчатыми высокими дверьми. Девица в красном первая взбежала по ступенькам и двери перед ней сами собой широко распахнулись.

— Тоже мне, фокус прошлого века: датчики движения на входе установили, — фыркнул Олег. — Смешно, Володя, честное слово.

— Чего застыли? Видите, газом никого не травят, — рассмеялась девушка в красном и шагнула в отделанный мрамором холл. — Ого, какая красота, вы только посмотрите! — воскликнула она и шагнула куда-то вправо, скрываясь из вида.

— Так-с, пошли, что ли, а то нехорошо так — договорились вместе, а сами эту наивняшку кинули на пороге, — тряхнул головой Володя.

И они всем скопом шагнули через порог. Двери за ними захлопнулись, свет погас, раздался громкий гул, завибрировал пол. Девушка рядом с Алесей тоненько завопила, парни ругнулись, Володя рывкнул:

— Держись, девчонки! — и крепко уцепился за руку Алеси сильной ладонью, удерживая ее от падения на пол. — Оля, ты где?

— Я рядом, не волнуйтесь, — на удивление невозмутимо и собранно прозвучал в крошечной темноте голос Оленьки, девушки в красной куртке. — Мы в портале. Просьба вести себя спокойно, когда прибудем на место, это в ваших же интересах.

— Каких еще интересах?!

— Ну как это, каких. В магических интересах, само собой, — со смешком прозвучал ответ Оленьки. — Искренне надеюсь, что магии в вас много, нашему миру крайне необходима магия и люди, ею обладающие. За понимание нашей речи и письменности не беспокойтесь, обучение в портале происходит автоматически.

Два парня и две девушки с Земли еще не успели обдумать этот ответ и «переварить» его, как дрожание пола прекратилось и... этот пол словно растаял под ногами, сменившись невысокой травой. В нос ударил запах летнего леса, уши наполнил шелест листьев. Крошечная мгла перед глазами уступила место полутьме и в мерцании звезд Алеси осмотрелась: они действительно стояли на лесной поляне.

— Олечек, это не Земное небо, — сдавленно прохрипел Володя, — ни в южном, ни в северном полушарии таких созвездий на небе нет.

— Какие звезды, Вова, — на небе **две** Луны!

Парни опустили руки, заморожено смотря на незнакомые звезды и луны, а Алесю будто в грудь толкнули: тревожное предчувствие заставило ее резко отпрыгнуть в сторону, упасть на землю и откатиться под низкие кусты.

И вовремя: на оставшихся троих ребят упала серебристая сеть, спеленав их в один шевелящийся и матерящийся кокон.

— Я же просила вести себя спокойно! — раздраженно прикрикнула Оленька, выступая на поляну. — Сейчас за вами придут, а пока вас накрыло антимагической защитой, чтобы вы не наделали глупостей сгоряча. Та-аак, а где вторая девчонка?!

«Бежать!» — вспыхнула четкая мысль в голове ошарашенной и дезориентированной Алеси. Она встала на четвереньки, метнулась прочь в глубину леса из кустов, поднялась в полный рост и побежала что есть мочи под злые вопли Оленьки.

— Ищейки Хальера тебя всё равно найдут и поймают, дурища! Из-под земли достанут, ненормальная! — вопила девица, заманивая их в...

А куда, собственно? В портал и другой мир? Да-аа, это тебе не психотропный газ в лицо и квартира в залог, это похуже будет. Ох, повезло той девке, что вовремя на Невский проспект сбежала, а ей, Алесе, теперь неизвестно как до дома добираться, тут вряд ли прямая ветка метро до Купчино доведет.

Земля под ногами резко ушла вниз и Алеси покатила кубарем по склону, смачно шмякнувшись в ледяной илистый ручей. Дрожа, она старалась выкарабкаться на противоположную сторону, но глинистый берег скользил под руками и приходилось ползти на животе, периодически срываясь вниз и с головы до ног вымазываясь в глине. Крики Оленьки стихли, но это больше напугало, чем успокоило, и, выкарабкавшись наконец на берег, Алеси шустро забралась на невысокое дерево и спряталась в его пышной кроне, сочтя, что нестишься сломя голову по ночному лесу чужого мира — это безумие, а так есть шанс, что ее не найдут. И хороший шанс: три минуты с момента ее бегства уже должны были пройти.

«Хотелось бы сперва разобраться в ситуации, а потом уж полагаться на гостеприимность аборигенов, — клацая зубами, думала Алеси. — Хорошо, что тут теплая погода, лето, наверное, так что скоро согреюсь».

Она посмотрела в сторону поляны, на которую их перенесло порталом: там загорелся яркий свет, замелькали тени, еле слышно долетали звуки множества голосов. Очень хотелось услышать речи, но согласиться ради этого обмотать себя сетью, как рыбу, — нет уж, увольте, она привыкла жить свободным человеком! Сам факт того, что их хитростью заманили в западню и мигом скрутили, лишив свободы выбора, говорил о темной подоплеке всего происходящего.

На поляне полыхнуло особенно ярко, раздался лай собак, и Алеся сжалась в комочек, мысленно подводя неутешительные итоги своей жизни: сейчас ее затравят псами, скрутят, как остальных ребят, и...

Что «и...» она не знала, но понимала, что ничего хорошего это «и...» не сулит. На куртке, шапке, джинсах и даже лице коркою застывала глина, превращая ее в монстра компании Marvel, но шевельнуться и утереть лицо Алеся боялась.

«От глины еще никто не помирал, одноклассники специально глиняные маски для лица покупали, говорили — очень эффект от них хороший», — посмеивалась над собой Алеся, чтобы не помереть от страха.

Лай собак приближался. Три огромные лохматые псыны прыгнули в ручей, забежали по нему туда-обратно и взвыли, сгрудившись на противоположном от Алеся берегу. Высокий мужской силуэт вышел на берег, ловко спустился вниз к ручью, перепрыгнул его и встал в пяти метрах от замершей на верхушке дерева Алеся. Вслед за ним появились еще двое мужчин, Оленька в распахнутой куртке и тоже встали под деревом.

— Ир Хальер, я еще раз извиняюсь за дезинформацию, — робко пролепетала Оленька, обращаясь к первому и самому высокому, мощному силуэту.

— Охотница Олейра, десять минут назад вы дали сигнал, что сбежала одна из пойманных вами девушек, так? — пророкотал густой, глубокий, чуть хрипловатый голос.

Ох, какой голос, Алеся чуть из глиняной оболочки своей не выскочила и с дерева не рухнула, чтобы пасть ниц перед обладателем такого голоса. Никогда раньше она не замечала за собой увлеченности мужскими голосами, предпочитая видеть глаза и выражение лиц, но оказывается, она просто не слышала раньше настолько завлекающий голос: завораживающий, как глас сирены, только в мужском эквиваленте. К сожалению, в свете звезд не было возможности рассмотреть лица, они представлялись лишь бледными одинаковыми пятнами.

Девушка Олейра почему-то страшно перепугалась, судорожно сглотнула, склонилась в низком поклоне и пробормотала дрожащим голосом:

— Да, я случайно дала сигнал, но девушки не было, прекрасно помню, что не было!

— Выражайтесь точнее: вы не помните, что она была. Приборы показывают, что вместе с вами было перемещено четыре крупных, живых физических объекта.

— Может, приборы сбились? Я же помню, что не было второй девушки! И датчики магии при переходе зафиксировали лишь три магических аур!

Высокий мужчина, названный иром Хальером, хмыкнул:

— Дарэн, не бери на службу идиотов, даже очень смазливых идиотов, сто раз тебя об этом просил. Как можно доверять глупцам ловить иномирных магов? Олейра, запахов на поляне тоже четыре: два мужских и два женских, не считая вашего. Собаки взяли след, который привел нас сюда, на берег ручья. Очевидно, что ваша беглянка догадалась обмазаться подвернувшейся ей глиной, чтобы скрыть свой запах и сбить любых ищеек со следа, а потом двинулась вверх или вниз по ручью, теперь установить это невозможно. Предположу, что она еще с поляны учуяла здесь воду, раз сразу побежала в верном направлении. Очень сообразительная, изворотливая, бдительная девушка: не стала глазеть по сторонам на неведомый мир и тарашиться на небо, как другие, а миготом отскочила от сети, моментально определилась с направлением побега и стратегией действий, успела подчистить вам память и скрыть не только свой запах, но и яркий след своей магии, так что найти ее теперь будет нелегко.

«Ого, какая я крутая супервумен, оказывается», — поразились богатой мужской фантазии Алеся, сидя на дереве и вцепившись в шершавый ствол обеими руками.

На берег ручья вышла еще группа мужчины, один из них перепрыгнул ручей, подходя к Хальеру. Алеся вспомнила, что Оленька, на поверку оказавшаяся Олейрой, называла Хальера главой ищеек, а этот самый глава сейчас спрашивал у пришедшего:

— Удалось составить словесный портрет, опросив ее одномирников?

«Ха, такой фокус спустя три минуты после моего ухода ни один Копперфильд не провернул бы», — впервые порадовалась своему проклятью Алеся.

— Нет, ир, все трое искренне уверяют, что второй девушки не было, — отрапортовал мужчина. — Наш менталист проверил их память, все чисто, их действительно было всего трое, скрытых воспоминаний нет, следы воздействия ментальной магии тоже не обнаружены.

— Сбой приборов, — облегченно выдохнул мужчина по имени Дарэн и Олейра заметно повеселела. — Беглянки нет, собаки погнались за каким-нибудь зайцем.

«Да-да, вы совершенно правы», — чуть было не поддакнула Алеся и лишь в последний момент прикусила язычок.

Хальер скептически хмыкнул и укоризненно покачал головой.

— Забыли, что охотитесь на иномирных магов, способности которых могут быть самыми невероятными? Вы специально заманиваете к нам людей с магическими дарованиями, мечтая заполучить в свои ручки какой-нибудь уникальный экземпляр, но как только случилось нечто из ряда вон выходящее, вы тут же списываете все на ошибку приборов. Нет, тупоголовые мои сотрудники, вы только что упустили тот самый уникальный объект, за которым веками охотились — мага, чьи способности невозможно уложить в имеющиеся шаблоны. Эта девица как минимум сильнейший менталист, раз за долю секунды сумела сориентироваться, сбежать, да еще так качественно свой образ во всех головах подчистить. Магическую ауру она тоже предусмотрительно скрыла и наши приборы слепы, как подземные черви, и не могут найти ее. Остается надеяться, что ее магический резерв не очень велик и его не хватит на то, чтобы стирать память о себе всем встречным.

«Не надейся, лично я давно на это не надеюсь. Меня в многомиллионном городе никто никогда запомнить не мог, причем без всякой магии», — позлорадствовала про себя Алеся.

— Плохо, что у нас не осталось никакого носителя ее запаха: ни перчатки оброненной, ни платка, а слабый след в воздухе к утру окончательно рассеется. Так, всех пойманных магов отправить в Греблин, распределить по способностям, раскидать по зонам и допросить под глубоким гипнозом о беглянке — авось, наши маги смогут вернуть им воспоминания о ней.

«Маги действительно это могут? Хочу, хочу к магам, хочу к тем, кто поможет меня помнить!!!» — В душе Алеся всколыхнулась новая надежда, но была быстро придавлена инстинктом самосохранения: не понравились ей слова про зоны и допросы. Лучше жить свободно среди не помнящих ее соседей, чем сидеть под надзором отлично помнящих ее тюремщиков.

— Повсюду выставить патрули, приказать населению сел и деревень сообщать немедленно обо всех появившихся чужачках, — продолжал Хальер.

— Патрулям проверять незнакомок на магию?

— Да, если она увидит, что ищут человека без способностей, то перестанет скрывать магическую ауру, поэтому ищем любую никому не знакомую женщину, с магией или без. Ищем, находим, обезвреживаем и немедленно отправляем в Греблин под строжайший присмотр! Не хочу задумываться о том, каких дел может наворотить сильный, но совершенно необученный маг-менталист с таким мощным даром в нашем мире, особенно, имея облик слабенькой невинной девушки. Так что ройте землю носом, но схватите ее немедленно!

— Да, ир, будет исполнено, — дружно склонились все в поклонах.

— Действуйте, а я отправляюсь на доклад к сиру.

Глава ищеек развернулся и ушел, Олейра побежала за ним следом, а его люди свистнули собак, разделились и двинулись двумя группами: вверх и вниз по ручью. Вскоре поляна вдалеке опять осветилась ярким светом и Алесе показалось, что в небо взмыл какой-то аппарат, похожий на летающую тарелку.

Она так и осталась сидеть на дереве, как глиняный истукан, не зная, что же ей теперь делать: в чужом мире, без денег, жилья, знакомых, скрывающейся от местной стражи и приговоренной к заточению в каком-то Греблине (жуткое и дурацкое название!), где держат сворованных из других миров магов.

«Получается, мои спутники были магами? Но сами они об этом вряд ли знали, а вот реклама та была непростой, не зря ее видела только малая толика людей. А я случайно со своей паранормальной способностью под раздачу попала, их приборы никогда меня и не заметят, поскольку я не маг. Может, так им и сказать: отпустите до дому до хаты, нету во мне магии, я простая попаданка, на кой я вам сдалась? Угу, так они меня и отпустят... Интересно, а зачем им чужие маги? Ох, не за добрым делом, это точно!»

Решив, что утро вечера мудренее, Алеся так и осталась спать на дереве, привязав себя к стволу длинным шарфом, чтобы не упасть.

«Проснусь утром в своей постельке и подивлюсь этому причудливому сну», — подумала она, проваливаясь в мир сновидений.

Глава 4. Первые дни в бегах

Проснулась Алеся от ощущения, что ее запихнули в духовку и запекают в гусятнице в собственном соку. Солнце палило немилосердно и лишь густая крона дерева уберегла ее до сих пор от солнечного удара, а вот тепловой удар был на подходе: покрывающая Алеся корка глины нагрелась и начала твердеть, как камень, а зимний пуховик, теплый свитер под ним и джинсы на байке никак не подходили иномирному лету.

Прислушавшись и не уловив никаких звуков, Алеся рискнула слезть с дерева и умыться в ручье, сколупав с лица и рук застывшую глину. Сбросив верхнюю одежду, она осталась в утепленных джинсах, футболке и ботинках на меху (увы, шорты и кроссовки она с собой не прихватила, собираясь пройти по зимнему Петербургу). Куртку и свитер она застирала, прополоскала и разложила на ветках кустов на просушку — неизвестно, как сложится дальнейшая жизнь, если придется ночевать в лесу, то одежда лишней не будет.

Природа была очень похожа на земную: хвойные и лиственные деревья, насекомые, птицы, бабочки. И проблемы в лесу были знакомые...

«Сплошная несправедливость: никаких бонусов от переноса в другой мир, — молча злилась Алеся. — Кровососущих насекомых больше, чем на Земле, и комары, гады, меня помнят, в точности как дома! Черт, почему мое проклятье не действует на всевозможных кровопийц?! Хотя на три минуты под одеяло спрячься, хоть на десять — летают, сволочи, дожидаются. Получается, у комаров память развита лучше, чем у людей? Или они меньше отвлекаются от своей цели?»

Скрутив просохшую теплую одежду, обвязав ее своим длинным шарфом и подвесив за спину на манер рюкзака, Алеся осторожно двинулась на вчерашнюю поляну в слабой надежде, что межмировой портал работает там на постоянной основе. Нет, кроме вытоптанной множеством ног травы и выжженного пятна в центре ничего не нашлось. Побродив вокруг и не найдя ни следа своих спутников и своих же преследователей, Алеся задумалась, что ей теперь делать. Из окружающего поляну леса доносилось злобное рычание зверей, но жажда вынудила возвратиться к ручью, а голод — рискнуть съесть несколько крупных красных ягод, похожих на клубнику.

Спустя час Алеся благословляла свою осторожность, не давшую вволю наесться этих ягодок — ей было плохо, как никогда в жизни: рвало, мутило, кружилась голова и волнами накатывала слабость. Кажется, поднялась температура, так как следующие часы она провела в полубреду, а очнувшись ночью в испарине. Еле доползла до ручья, Алеся напилась и умылась, укрылась в густых кустах, замоталась в куртку и свитер и провалилась в сон, вяло размышляя, что в тюрьме, пожалуй, жилось бы получше и не приходилось бы со страхом прислушиваться к каждому шороху, ожидая нападения зверей. Останься у нее силы, она бы снова взобралась на дерево, но в нынешнем состоянии приходилось только молиться и лежать как можно тише.

Проснулась Алеся от ощущения, что на нее смотрят. Распахнув глаза и замерев, она разглядела в темноте под кустом какой-то темный ком. Невозможно было разглядеть, как выглядит это существо, но два желтых круглых мерцающих глаза, не мигая, смотрели на нее в упор. Обливаясь холодным потом от ужаса, Алеся ожидала нападения, пытаясь сообразить, как она будет отражать его и не в силах придумать что-то вразумительное, у нее ведь даже ножа с собой не было, а порывшись рядом в поиске толстой палкой она не смела, боясь пошевелить хоть пальцем. Почему она заблаговременно не запаслась хоть простейшими средствами защиты?!

Слыша лишь стрекотание ночных насекомых, отдаленное рычание других зверей и биение своей крови в висках, Алеся неотрывно смотрела в желтые глаза. Казалось, это молчаливое противостояние и испытание ее нервов на прочность тянулось вечно, но тут зверь поднялся, развернулся и исчез, махнув длинным хвостом. Силуэт зверя был размером с тигра, по крайней мере, так показалось в темноте испуганной девушке. Тихий всхлип вырвался из горла Алеся, но был тут же задушен прикушенным шарфом, чтобы не привлекать звуками новых хищников. Поднявшись на дрожащие ноги, Алеся бегом метнулась к прежнему дереву и взобралась на него, откуда только силы взялись, и правильно сделала: до рассвета она успела полюбоваться еще десятком крупных тварей, пришедших к ручью на водопой, а две похожих на тигра твари так и ходили под ее деревом всю ночь, грозно вой при приближении конкурентов, тоже желающих полакомиться засевшей на дереве девицей. Прошлой ночью ей повезло проспать такой парад, зато сегодня иномирный лес продемонстрировал гостю своих коренных обитателей.

«Надо выбираться к людям, я городской житель и не приспособлена для выживания в лесах, как спецназовец», — решила Алеся, любуясь восходом, разогнавшим ночных визитёров. Этот мир обогревался светом одной звезды, видимый диск которой был крупнее солнечного и имел более красный оттенок цвета, а небо казалось скорее бледно-сиреневым, чем голубым. Не рискуя съесть что-нибудь еще и терзаясь голодом, Алеся двинулась вниз по ручью — в том направлении лес был реже и впереди виднелся просвет.

Просветом оказалась большая поляна, на которой ручей растекался широкой лужицей, а потом снова нырял в лесную чащу, становясь уже и быстрее катя по камням свои журчащие волны. Один раз Алеся услышала вдалеке лай собак и испуганно взобралась на ближайшее дерево, но лай удалился и смолк, а она задумалась, не стоило ли позвать на помощь: приближался вечер, есть хотелось нестерпимо и жутко страшно было провести еще одну ночь в лесу. Но когда небо окрасилось багрянцем с красивыми фиолетовыми разводами слоистых облаков, ручей вывел ее к распаханному полю, покрытому ровными рядами высоких зеленых стеблей. Тут ручей обрывался, впадая в широкий и глубокий водоем явно искусственного происхождения, из которого выходили тонкие трубки, тянувшиеся по всему полю — похоже, это была оросительная система.

Словно в ответ на мысли Алеси что-то заскворчало в трубках и из них вырвались вверх фонтанчики воды, поливая всходы каплями мелкого дождя и зажигая над полем сотни мелких радуг.

«Красота! — восхитилась Алеся. — Жаль, эта красота не спасает от голода. Интересно, эти стебельки уже съедобны?»

От размышлений есть или не есть ее отвлекло мелодичное насвистывание — кто-то двигался к водоему. Подумав, что стражники вряд ли будут искать беглянку, свистя на всю округу, Алеся решила дожидаться идущего к ней человека. Этим человеком оказался молодой парень в серой рубаше и таких же шароварах, расшитых красно-синими узорами. Из-под лихо заломленной на затылок кепки с козырьком торчали лохмы длинных темно-русых волос, а лицо было привычного европейского типа: широкоскулое с круглыми большими глазами серого цвета, пухлыми губами и нормальными белыми зубами без всяких клыков. Словом, ничто не выдавало в парне жителя иного мира, только наряд казался старинным и домотканым (вероятно, он таким и был на самом деле).

При виде Алеси парень споткнулся, его глаза распахнулись так широко, что на миг показалось — сейчас выпадут из орбит. Джинсы и футболка явно повергли его в шок, как и затянутые в пучок на голове волосы, не покрытые ничем.

— Здравсьте, — выдавила Алеся, надеясь, что язык тут у всех один и тот же, и что именно его ей закачали в память при перемещении порталом.

Парень икнул, протер глаза, а потом испуганно охнул, развернулся и опрометью бросился бежать, крича:

— Магиня! Беглая магиня! Стража, на помощь! Иномирная магиня, спасайся, кто может!

«Ах, чтоб тебя!» — ругнулась Алеся, мигом ныряя в лес и бросаясь к очередному дереву. С его верхушки она наблюдала за бегом парня, радуясь, что поле вокруг пустынно и его вопли пока никто не слышит. Вдали виднелись большое село, странные большие ворота в чистом поле, дорога и какие-то люди на ней — к ним и мчался парень, визжа, как резанный поросенок, а Алеся с трепетом отсчитывала удары своего сердца: одна минута, две... Успеют его услышать? Если вопли долетят до стражников, то ей плохо придется — рассказы о ней из памяти не стирались, как личные встречи.

Три минуты.

Парень остановился посреди поля, почесал в затылке, осмотрелся по сторонам. Снова почесал в затылке, потом сплюнул раздраженно и повернул назад, а Алеся от облегчения даже расплакалась. Не успел! Да здравствует ее проклятье, в кой-то веки пригодилось!

В ночной тьме Алеся прокралась к крайней избе села, возле которой не были привязаны собаки. На заднем дворе сушилось белье, и она без зазрения совести умыкнула женский наряд: панталоны, сорочку, платье, головной платок. Прихватила полотенце, все носки и чулки, что нашлись, оставив на веревках только большие мужские рубахи и штаны.

«Извините, но выживаю, как могу, я не по собственной воле у вас в мире оказалась», — мысленно каялась Алеся, радуясь тому, что нашлась одежда подходящего размера и тому, что в этом мире не было видеокамер, которые могли бы записать ее первую кражу и обеспечить стражников Хальера фотографиями разыскиваемой, а местный суд — доказательствами ее неблагонадежности. В низком уровне научно-технического прогресса были свои преимущества.

«Зато нечего на магию надеяться, надо законы физики изучать, — фыркала про себя Алеся, переодеваясь в кустах в местную селянку, оставив на себе из собственных вещей только ботинки, а остальное свернув в тугой узел вместе с ворованным. — Надо портал найти, чтобы на Землю вернуться, в родную квартирку и виртуальный мир интернета, где у меня много друзей и работа, в том числе — не до конца переведенный роман, за который мне обещана кругленькая сумма. В этом мире задерживаться нечего: даже если ищейки Хальера не поймают и в Греблине своем не заточат, то тут у них интернета и соцсетей и в помине нет, а как мне жить без них? Вот именно — никак, вся жизнь превратится в череду трехминут, никаким делом заняться невозможно будет».

Алеся не рискнула улечься спать на сеновале рядом с обкраденной избой и двинулась обходить

село, заставляя просыпаться и зло лаять цепных псов, а особо ретивых селян выскакивать из домов с каким-то оружием в руках со словами: «Никак, лисы пожаловали, опять на курятник нацелились, воровки!»

На другом краю села нашлось нежилое помещение, источавшее такие аппетитные запахи свежих булок и хлеба, что у голодающей вторые сутки Алеси сжался несчастный желудок, и она жадно сглотнула, в напрасной надежде подергав ручку входной двери. Пекарня была крепко заперта на засов с висячим замком, а бить окошки, чтобы пробраться внутрь, было крайне неразумно: хозяйева утром обязательно позвали бы стражу, и те пустили бы собак по свежим следам незадачливой начинающей воровки. Побродив вокруг пекарни, Алеся устроилась на ночлег в соседнем сарае, где в углу было навалено сено, а вдоль стен стояли во множестве деревянные подносы для хлебов и железные противни. Алеся вырыла в сене глубокую яму, застелила ее своей курткой, укрылась свитером, чтобы меньше кололо сено, и заснула, мечтая о кусочке мягкого горячего хлеба, желательно — намазанного толстым слоем подтаивающего сливочного масла, пропитывающего ароматными каплями теплую краюху.

Проснувшись она во власти того же неотвязного видения, подкрепленного настоящими ароматами пекущегося хлеба: за стеной сарая слышались стуки дверей и печных заслонок, бренчала кухонная утварь, стучали ножи и скалки — в пекарне начался рабочий день, хоть утреннее небо только-только озарилось розово-сиреневой полоской рассвета.

«Надо на что-то решаться, а то с голоду помру, — уселась на сене Алеся, по мере возможности расчесывая пальцами спутавшиеся волосы, заплетая их в подобие косы, пряча под платок. — Удивительно, но в создавшейся ситуации мне пока остается только одно: опять использовать мое уникальное свойство быстро забываться, то самое, что в сердцах проклинала всю прошлую жизнь».

Опять свернув в тугой узел свои пожитки и держа их на шарфе за спиной, она скрылась за стогом сена и притаилась у стены сарая, смотря в щелку в этой стене, сбитой из необрезных досок. Пышнотелая служанка сновала с ведрами от двери пекарни до колодца во дворе, тучный мужик в огромном фартуке разгружал с телеги большие мешки, покрытые мелкой белой пылью, видимо — мукой.

«Конечно, мукой, не героинном же, чай ты не в современный мир попала», — хмыкнула про себя Алеся, наблюдая, как мужик взваливает очередной мешок на спину молодого дюжего парня и тот тащит груз в двери пекарни, которые Алеся видела только наполовину.

На глазах Алеси с лежащей в телеге груды было снято пять мешков, после чего из пекарни вышел толстый лысый дядька, тоже в фартуке, и отсчитал мельнику несколько звякнувших монет. Тот кивнул, кликнул своего помощника, мило ворковавшего с пышнотелой служаночкой, и уехал на своей телеге вдаль по дороге, наполнив округу стуком колес и копыт коня. Служанка, лишившись кавалера, отправилась вновь к колодцу, а хозяин пекарни, завязав на поясе мешок с деньгами, крикнул ей вдогонку:

— Валька, за опарой следи, если убежит — прибью тебя, дурищу неповоротливую! Я скоро буду.

Служанка согласно гугукнула в ответ и заскрипела воротом, опуская в колодец пустое грохочущее ведро на толстой цепи. Так, раз служанке велели и с водой успевать и за тестом следить, то больше никого в пекарне нет. Уловив момент, когда девица наклонилась над колодцем, Алеся тихо выскочила из сарая и прошмыгнула в двери пекарни. Запрещая себе отвлекаться на порубленную капусту на столе (овощ не был копией земного, но магически встроенный в память Алеси переводчик именовал его именно так) и большой кусок отварного мяса в миске, она огляделась.

Пекарня была небольшой, всего на три печки, в которых сейчас весело трещали дрова. Все окна и дверь были открыты нараспашку, чтобы жар от печей вытягивало на улицу, на полу стояли чаны с опарой, а на столах — разделанное на куски подходящее сдобное тесто — видно, для пирогов с начинкой. В самой пекарне спрятаться было негде, но слева от входа Алеся заметила еще одну дверь, полускрытую деревянными стеллажами с поддонами. За этой дверью оказался небольшой чулан, в котором стояло несколько тазов с булками и хлебом. Услышав приближающиеся тяжелые шаги и плещущуюся в ведрах воду, Алеся прошмыгнула в чулан и прикрыла дверь, не закрывая ее до конца: так в комнатку пробивался луч света и хорошо было слышно все, что происходит в пекарне. И пока служанка переливала воду в большую бочку, Алеся впилась зубами в белый батон, выхваченный из ближайшего таза. Вкуснота!

Пока девица совершала очередное паломничество к колодцу, Алеся умыкнула из большой стопки разнообразной утвари кувшин и наполнила его водой из бочки. Отрезала кусок вареного мяса с краю и перевернула мясо вниз, так чтобы свежий срез не сразу бросился в глаза, а успел потемнеть, как остальной кусок, после чего сытно позавтракала в своем чулане и запаслась провизией на будущее, сложив полтора десятка булок в найденный в чулане холщовый мешок. В тот же мешок кинула и узел с одеждой. За это время служанка перестала бродить с ведрами, а принялась вымешивать тесто в чанах и жарить капусту в широкой глубокой сковороде.

Вернувшийся хозяин принес таз со свежим творогом и принялся раскатывать куски теста, формируя из него большие круглые ватрушки и выкладывая их на противни, попутно говоря:

— После обеда Никос со свинарника за вчерашним хлебом забежит, не забудь как следует пересчитать деньги и смотри внимательней, чтобы все тазы в чулане освободила, а не как в прошлый раз! Мне недосуг разбираться потом, почему обещано было три мешка хлеба, а отдано только два.

Алеся опасливо покосилась на ополовиненный ею первый таз. Этот хлеб предназначался пороссятам, поскольку он вчерашний? Хорошо живут в этом мире, раз суточный хлеб идет только в свинарники на корм! В Петербургских магазинах и недельной давности булки покупаются и ничего — срок годности еще не считается истекшим. М-да, пороссячью пайку она заметно уменьшила... Надо бежать отсюда, пока не заметили, и что-нибудь придумать, чтоб охране о пропаже хлеба не сообщили.

Пока она ломала голову над извечным вопросом «что делать», в пекарню явились жена и две дочери хозяина, споро принявшиеся месить тесто и формировать его, а спустя час уже вытащили из печей первые готовые батоны белого хлеба и караваи черного, шумно задвигав поддонами у самой головы Алеси, выгружая выпечку на стеллажи у чулана.

— Валька, поворачивайся! Нам через четыре часа надо в город три сотни булок, пять сотен буханок черного хлеба и пятьдесят ватрушек отгрузить! — рявкнул хозяин пекарни, стоило служанке чуть замешкаться у стеллажей.

За стеной чулана опять забренчали и застучали, а Алеся умяла еще одну булку, размышляя:

«В маленьком селе, где всяк друг друга знает, мне не скрыться. Надо двигаться к городу и смешаться с его безликими толпами, это единственный вариант не попасться в лапы ищеек Хальера. Как осуществить этот "гениальный" план?»

Время двигалось к полудню. Судя по репликам за стеной, в пекарне успели управиться с городским заказом и уже не спеша пекли пироги и булки для местного населения, которое тонким ручейком текло за выпечкой к завтраку, а чуть позже — к обеду. Вот и семья хозяина ушла на обед, велев несчастной служанке пополнить бочку водой и перемыть кучу чанов и противней.

— Пироги с мясом есть не смей, бери с капустой и вареньем и не больше двух штук, а то из жалованья вычту, — напутствовал хозяин, уходя домой, и Алеся посочувствовала девушке. Как она умудрилась так располнеть при столь тяжелой работе и скудном питании?

Ответ нашелся быстро, когда девица доела второй разрешенный пирог и распахнула дверь чулана, протягивая руку к вчерашнему хлебу... да так и застыв с открытым ртом, уставившись на растерявшуюся от неожиданности Алесю.

К счастью Алеси, она очнулась первой. Шустро дернув на себя девицу, она прорычала со всей накопившейся злостью:

— Хоть слово вякнешь — магией сожгу, понятно?!

Девица побелела, как мел, и рухнула в обморок на порог чулана.

— Елки-палки, что ж ты такая впечатлительная-то? — простонала Алеся, с трудом затаскивая в чулан тяжелое тело. — Так, полежи тут, через три минуты все одно ничего не вспомнишь.

Алеся выскочила из чулана, закрыла дверь и заклинила ее так, будто стоявшая рядом кочерга случайно в пазы нижней задвижки упала и служанку в чулане заперла.

— Куда бежать?! — в панике бормотала Алеся, боясь, что кто-нибудь опять заглянет в пекарню за хлебом и увидит тут неизвестную девицу, находящуюся в розыске.

В ответ на ее опасения по подъездной дороге застучали колеса телеги.

— Эй, хозяйева, есть кто? Грузи заказ, мне некогда, до города еще долго добираться! — крикнул зычный голос.

Алеся перекрестилась и выпорхнула навстречу пожилому бородатому мужчине, слезавшему с длиннющей телеги, уже на две трети заполненной разнообразными съестными припасами.

— Это вам надо три сотни булок, пять сотен буханок черного хлеба и пятьдесят ватрушек отгрузить? — прощebetала она, подстегнув свою память.

— Мне, красоточка, мне. Новую служанку Хавор нанял? А старая где?

— На обед все ушли, меня оставили вас дожидаться. Куда грузить, не подскажете? В первый раз я на работу вышла.

— В первый раз вышла, а тебе уж всю пекарню на долгое время доверили? — удивился мужик.

— Так не чужая, чай, а родной сестры хозяйки дочка, — бодро врала Алеся, горячо молясь, чтобы мужик был городским, в местные родственные связи не посвященным.

Ей повезло: бородач хмыкнул понятливо и закивал.

— Ясно. Странно, что раньше тебя на селе не встречал — такую синеглазую красотку и в моих преклонных годах не позабудешь. — Мужик заодно усмехнулся, блеснув черными глазами, даже не подозревая, насколько он не прав в своей последней фразе. — Давай, помогу загрузить, ты из пекарни поддоны с хлебом носи, а я их сам расставлю, как надобно.

Быстро пересчитывая содержимое поддонов, Алеся в поте лица таскала их к телеге. На последней ходке очнувшись служанка, но Алеся вышла из пекарни, не обращая внимания на стуки и приглушенные тяжелой дверью крики из чулана и радуясь, что телега торговца стоит далеко, а на улице шумно от постоянно проезжающих по дороге телег, скачущих коней, орущих на все лады деревенских мальчишек и других громких звуков села у большого тракта. Загрузив последний поддон, она утерла лицо платком и попросила:

— До другого края села не подкинете? Раз вам я товар уже отгрузила, то успею еще как следует дома пообедать.

— А чего ж не подкинуть, подкину. Садись назад в конце телеги за своими булками.

— Ага, сейчас, только мешок один прихватчу и дверь прикрою.

Алеся взяла выданные мужиком монеты в холщовом мешочке, с умным видом «пересчитала» их (а на самом деле присмотрелась к местным денежным знакам). Заскочила в пекарню, спрятала мешочек с деньгами на столе под ковшом (чтобы служанку бедную не отдали под суд за кражу), плотно закрыла дверь, взяла мешок со своими вещами и вчерашним хлебом, украденным у поросят, и со спокойной совестью уселась на край телеги, поджав под себя ноги и хорошенько спрятавшись от возницы за горой поддонов с хлебом. Среда бела дня никто в закрытую пекарню не полезет и ничего не украдет, тут даже белье спокойно на улице по ночам висеть оставляют, да и мужик ничуть не удивился, что она просто двери закрыла — значит, проблем с воровством тут нет.

«Не было до моего появления, — поправились Алеся. — Ничего, я уже уезжаю, прощайте, дорогие жители этого села с неизвестным мне названием».

Помня о стражниках на дороге, Алеся влезла между поддонами с хлебом, загородившись ими со всех сторон и опирая на их края установленный над ее головой широкий поднос с ватрушками, накрытый чистой холстиной. Три минуты с момента ее посадки давно прошли, когда у выезда из села телегу остановили.

— Что, Митяй, все закупил? — спросил басом один из стражников.

— А то, всё по списку. Проверять будете?

— Так, чуток глянем. Скажи, никого чужого, незнакомого в селе не встречал?

— Не, откуда тут взяться незнакомым?

— Магиня иномирная вчера из портала убежать смогла, ищейки все село с утра перерывают, во все дома заходят, всех спрашивают, не происходило ли с ними чего-то необычного со вчерашнего вечера. Нам велено всех осматривать и обозы проверять. Если какую девку на дороге увидишь — сразу сообщай, свисток сигнальный при себе есть?

— А как не быть, я ж постоянно в разъездах, а на дорогах всякое бывает. Как же они магиню упустили? Отродясь такого не слышал, чтобы маги умудрялись от ищейек Хальера ускользнуть.

— Да-аа, говорят, ир в великой ярости, мне даже жалко эту беглую магиню — не поздоровится девке, когда ир ее поймает. Ладно, езжай и будь настороже. Никого не подвози, ясно? Мало ли, она и парнем переодеться может.

— Так я ж никого и не подвожу!

Шаги стражников послышались совсем рядом с притихшей Алесей. Дернули вверх холстину на ватрушках, небрежно кинули ее назад.

— Езжай, Митяй. И помни: кого незнакомого увидишь — сразу свисти! С иномирными магами

шутки плохи, сам знаешь.

Глава 5. Ночной разговор

Подслушанный разговор оставил на душе Алеси неприятный осадок. Ишь, в ярости этот Хальер, что она покорно лапки не сложила и сразу ему не сдалась! Нет уж, жизнь научила ее бороться до последнего, а пока все услышанное подтверждало ее догадки, что ничего хорошего в лапах ищеек ей не светит. Так и сидя в своем закутке среди поддонов, Алеся думала, как ей устроиться в незнакомом мире и как вернуться в свой, но додумалась только до одного разумного вывода: надо собирать информацию! Пока она знает так мало о реалиях этого мира, что нечего и пытаться строить какие-то планы.

Бородатый торговец изредка покрикивал и щелкал плетью, побуждая двух своих коней быстрее бежать по дороге, а едущая «зайцем» Алеся посматривала по сторонам сквозь небольшие просветы между поддонами. Ей на глаза попались замеченные ранее странные ворота, стоящие посреди поля. Теперь она смогла рассмотреть их вблизи.

Ворота были высотой в три человеческих роста, шириной в две телеги с гаком, выложены из больших каменных глыб. Развалин строений, к которым могли бы вести эти ворота, не было и в помине, зато к ним тянулась от центрального тракта широкая дорога, мощеная булыжником. И булыжник этой дороги, и камни ворот густо заросли мхом и лишайником, вьющимися растениями. На верхней перекладине ворот крепились птичьи гнезда, прикрывая растрескавшиеся, местами осыпающиеся камни и проплешины в соединяющем их растворе. Ворота и дорога явно были очень старыми и ими давно не пользовались. Может, остатки большого подворья, к которому вели ворота, сровняли с землей, а до этого монументального по меркам средневековья строения руки не дошли?

Величественные ворота скрылись за горизонтом. Алеся тряслась в телеге, надеясь, что на въезде в город досмотр будет таким же беглым, как и при выезде из села, но эти робкие надежды вдребезги разбились на следующем же посту, остановившем телегу.

— Здрав буди, Митяй! Что везешь?

— Да как обычно. Спешу, чтобы хлеб к концу рабочего дня по тавернам ближайшим пригородным развести, а то народу после работы краюхи хлеба не подадут.

— Ничего, городского хлеба купят.

— Городской куда как дороже. Так я ж и не только хлеб, я круп и мяса везу, молочных продуктов много, да ты сам знаешь, сколько лет на тракте меня видишь!

— Ты скажи, сам ли не видал кого?

— Не, магиню иномирную не видал, — хохотнул Митяй. — Можете обоз обыскивать, коли времени девать некуда.

— Чего его обыскивать, ты ж через час к городу подъедешь, а там такие проверки сейчас идут — ого-го! Ищейки с ног сбились, да эта магиня не глупа, ничем себя не обнаруживает, магией совсем не пользуется, так ее никак засечь-то и не могут. Вот только что наш лекарь амулет магический активировал, чтоб парня, пчелами сильно покусанного, вылечить, так сразу три ищейки подлетели, думали — беглянку свою словят на этом всплеске магии. Ты бы видел их разочарованные хари!

Стражник загоготал, поддерживаемый товарищами и торговцем, а у Алеси сердце в пятки так и ухнуло: в город пробраться будет нелегко.

— Я свой товар еще до городских кордонов по тавернам раскидаю, так что у меня обыскивать будет нечего, окромя пустой телеги.

«Ой-ей-ей, надо сбежать отсюда до того, как он начнет разгружать товар. Теперь, когда ему рассказали о беглой магине, мне не удастся состряпать убедительную историю, оправдывающую мое присутствие в его телеге — он и слушать меня не станет, сразу в свой магический свисток дуть начнет, — лихорадочно соображала Алеся. — Будем надеяться на удачу, пока она меня тут не подводила, если не считать самого переноса меня в чужой враждебный мир».

Как только Михей встал у первой таверны и понес в нее первый поддон с хлебом, начав разбирать Алесиное прикрытие, девушка осторожно выглянула на дорогу и, улучив момент, под прикрытием большой телеги метнулась в густые придорожные кусты. Переведа дух, замерев, прислушиваясь и приглядываясь к происходящему вокруг, она решила ждать наступления темноты. Торговец Михей скоро уехал, возле таверны постоянно крутились какие-то люди, и Алеся сидела в кустах тише мышки, уминая очередную булку из своих запасов. Когда солнце село и вокруг разлилась благословенная темнота, народ повалил в таверну, оставив улицу опустевшей. Движение телег по дороге тоже приостановилось до утра, только стражники ходили с фонарями по обочинам, перекикиваясь друг с другом. Как только мимо прошел очередной патруль, Алеся выползла из

кустов, отряхнулась и пошла к сеновалу рядом с конюшнями, который успела присмотреть за долгое время сидения в кустах.

Во дворе таверны она столкнулась с несколькими людьми, но особого внимания на нее не обратили: обычная селянка, закутанная в платок, мирно идущая по своим делам. Таверна была хороша тем, что в ней было много проезжих, которые не знали в лицо местных жителей и которых эти жители тоже не знали. Конечно, Алеся не рискнула бы остановиться на постой в таверне даже будь у нее деньги, подозревая, что ищейки сидят там по всем углам и точно обратят внимание на одинокую девушку: вряд ли в этом мире женщины могут свободно путешествовать без спутников, да еще молодые селянки. Алеся планировала опять зарыться в сено и обмозговать варианты проникновения в город, где ей не придется уже так сильно прятаться ото всех: не будут же ищейки допрашивать на улицах большого города всех женщин и проверять их личность. Или будут? Интересно, в этом мире есть аналоги паспортов? Если да, то ей крупно не повезло.

На сеновале Алеся устроилась без проблем, если кто ее и заметил, то благополучно забыл об этом. Тяжелые мысли не давали ей заснуть, доносившиеся из таверны пьяные вопли тоже не способствовали крепкому сну и добавляли опасений за свою жизнь и не только, заставляя все глубже зарываться в пахучее сено. Ближе к полуночи ее уединение было нарушено двумя заявившимися на сеновал пьяными мужиками, качающимися, как катера на большой волне, и прижимающими к груди бутылки с каким-то вонючим спиртосодержащим пойлом.

— Ты мне рот не затыкай, я им всё, гадам, в лицо скажу! — бубнил первый мужик, более пьяный, чем его товарищ, который вел его под руку, подталкивая вперед.

Второй мужик, покачнувшись и чуть не уронив друга-собутельника, закрыл за собой дверь на сеновал и сказал, отпуская товарища:

— Тут скажи, Ильмар, только не громко. В сарае ищейки вряд ли по углам попрятались, а в таверне их тьма-тьмушая, уши греют, магиню беглую ищут.

Названный Ильмаром завалился у подножья стога, в котором пряталась Алеся, и залился пьяными слезами:

— А моя девочка убежать не сумела. Выпили ее досуха, сволочи, и бросили на берегу реки, как смятый листок! И как мою девоньку угораздило магией народиться, а? Жёнка-то обрадовалась вначале, мечтала — известной магией дочка станет, а не так-то вышло: высосали из нее весь невеликий магический резерв, да еще и жизненную силу до кучи забрали. Почему жизнь-то ей не оставили, а?! Жизни-то зачем лишать?! Она только жить начинала, замуж собиралась...

— Сам знаешь — маг жизненную энергию тоже в магию преобразовать может, — вздохнул второй мужик. — Эх, горе какое, что у Улинки магические способности в юности пробудились, если бы не это, то без специальной проверки никто и не заподозрил бы в ней наличие магического резерва. Жена-то пришла в себя после смерти дочери?

— Повесилась жена от горя сразу после похорон, пока я пьяный на улице валялся. — Мужик приложился к бутылки, забулькал. Всхлипнул, утер рот рукавом.

— Не знал. Прости, брат, давно меня дома не было, а ты и вестей не слал. Теперь-то ясно, почему. Я так и думал, что-то неладно у тебя в доме. Расследование было, известно, кто племянницу мою сгубил?

— Не-а, то никому не ведомо, темнят ищейки чертовы. Прискакали, носами поводили, поспрашивали, почему сразу дочь к ним не привели, как только магию в ней заподозрили. Рыскали тут, рыскали, да так ничего и не сказали. Я так думаю, отлично знают они, какой маг мою дочь убил, да высокого полета птица тот маг, потому и молчат, как рыбы, дело временно приостановили за отсутствием улики. Может, сам ир Хальер мою Улинку выпил досуха.

Второй мужик поперхнулся пойлом и бросился первому рот рукой закрывать.

— Молчи, дурень, и думать того не смей! Стниёшь в казематах подземных и косточек твоих не найдут! Я стражником десять лет отработал, много таких-то разговорчивых повидал. О главе тайной канцелярии не поминай всуе, лучше богохульствуй, чем имя это произноси, бог-то подалече ира будет. Много слухов об ире ходит, один другого страшнее, поговаривают, ему и прикасаться к магу не надо, чтобы осушить его подчистую, он одним только голосом может так голову вскружить, что магия сама по воздуху к нему перетечёт, во как! Своего главу даже самые свирепые ищейки до дрожи боятся, это я тебе точно говорю, своими глазами видел, своими ушами слышал.

«Вон оно как, голос-то и впрямь у Хальера непростой, то-то так необычно на меня подействовал. Значит, ищейками командует очень сильный маг, а магию можно «выпить» из другого мага. Ох, догадываюсь теперь, зачем охотники иномирных магов ловят, для чего они местным требуются: пополняют свой резерв за счет похищения чужого, — поежилась в сене Алеся. — Во мне магии нет,

но они, оказывается, могут жизненную силу выпить, отчего человек умирает... Ужас какой, мамочки! Бежать отсюда, бежать без оглядки!»

Отец погубленной девушки отрывал от себя руки брата и божился, что прямо сейчас пойдет бить морды всем ищейкам и требовать у них имя убийцы дочери, кричал сиплым голосом:

— И пусть казнят меня, пусть сгнию, но за дочь мою невинную отомщу!

Второй мужик в итоге плюнул и ткнул его лицом в сено. Вопли стали приглушенными, сменились кашлем и отплевыванием, а бывший стражник бурчал недовольно:

— Как не вовремя эта магиня сбежала, всю округу ищейки наводнили, слово молвить страшно. Эти маги с пустым резервом, что ищейками работают, реагируют на любой всплеск магии, как голодные псы на запах свежего мяса, и злы они как эти самые псы. Долетит до них хоть одно худое слово про их главу, и устроят они кровавую расправу. Брат, утомонился?

— Да, пусти.

Первый мужик уселся ровно, потряс головой, вытряхивая из нее соломинки. Хлебнул еще из горла и сказал озлобленно:

— Желаю этой магине сбежать от чертовых ищеек, чтоб никогда ее не нашли! Пусть локотки себе, сволочи, покусает, что не смогли иномирную девку до смерти осушить.

Его брат хмыкнул:

— Кто ж иномирного мага сразу осушает, это ж всё одно, как дойную корову зарезать. Это наши пустышки не могут самостоятельно свой резерв пополнить, только на чужой силе паразитируют, а иномирные маги способны самовосстанавливаться: если их кормить хорошо, на свежем воздухе на острове держать, то магию много лет доить понемногу можно.

Алесе поплохело. Оказывается, быстрая смерть — еще не худший вариант из всех возможных. Долгое рабство в качестве магической батарейки — вот удел тех, кого вместе с ней заманили в этот мир.

«Эх, будь я и впрямь сильным магом, как предположил этот Хальер, пошла бы спасать соотечественников, а так — какой из меня герой, самой бы где схорониться. Боже, как меня угораздило на рекламу жульническую повестись, в магический университет поехать?! «Мир магии ждет вас!» Это правда: еще как ждёт, только не в роли студента. Мамочка, я хочу домой, в мой собственный мир, пусть тоже жестокий и жуликоватый, но понятный и привычный мир!»

Пока Алеся горевала об оставленном Петербурге, брошенных в квартире кошках, уютном виртуальном мире интернета в квартире со всеми удобствами, мужики допили свои бутылки и более трезвый поволок второго во двор, приговаривая:

— Домой пошли, а то опять разорешься благим матом и ночью твои вопли хорошо слышны будут. В доме стены толстые, не то что стены сеновала из хлипких досок с щелями, да и от таверны подальше.

После их ухода Алесе удалось-таки заснуть. На рассвете, как только закричали петухи (точнее, похожие на них птицы, который внедренный магией в ее память переводчик назвал петухами), она ужом проскользнула к ближайшей телеге, накрытой тентом от дождя, запряталась в нее, проделала дырку в углу, чтобы следить за местностью и не пропустить приближение к городу, и стала ждать отправления. Что ей делать дальше, когда покажутся посты проверок, она не знала, но брести до города по лесам, полным хищного зверья, не хотела тем более. Пока оставался слабый шанс, что стражники на заставах будут проверять обозы спустя рукава — ведь торговцев и прочего люда в город едет много, на въезде точно будет толчея и «пробка», а в большой толпе легко затеряться и проскочить мимо досматривающих.

Глава 6. Ир Хальер начинает поиск

Ранним утром в столичном управлении тайной канцелярии высокий, широкоплечий темноволосый маг внимательно читал отчеты подчиненных, делая пометки на большом листе, номеруя их в порядке очереди и ставя соответствующие цифры на карте местности. На стене висела большая карта страны, на которой было воткнуто несколько флажков, особенно густо они расположились у города Кресси: тут друг на друге лепилось четыре флажка.

В дверь постучали. Маг поднял голову и дверь сама собой отворилась перед вошедшими.

— Здравия желаю! — хором сказали все.

Молодые сотрудники имперского сыска старались не смотреть на изуродованное шрамами ожогов лицо своего главы, а единственная пришедшая женщина робко забилась в самый дальний угол, и вовсе не смея поднять глаза от пола.

— Ир Хальер, доставлена вся руководящая верхушка группы, работающей у Кресси. Вы хотели лично опросить их, — доложил мужчина средних лет в должности первого дознавателя тайной канцелярии.

Темноволосый маг поднялся. Яркие синие глаза его прищурились.

— Да, мне хотелось посмотреть, на что способно новое поколение сыщиков, которых вы растите себе на замену. Старший группы, сделайте шаг вперед, представьтесь и доложите свое мнение о ситуации в доверенном вам районе поисков.

Молодой парень сглотнул, встал напротив замершего с другой стороны стола ира Хальера, старательно смотря на ту половину его лица, что была гладкой и не тронута ожогами. Лицо главы тайной канцелярии с правой стороны было лицом красивого мужчины с высокими скулами, квадратным подбородком, легкой щетиной, а слева его черты искажались уродливыми пересекающимися, выпуклыми, ломаными шрамами, избороздившими всю щеку от левого глаза до нижней челюсти. Эта вторая половина лица казалась мертвой, оживляясь лишь пронзительным синим взглядом и взмахами густых черных ресниц.

Старший группы назвал свое имя и начал докладывать:

— Никаких вспышек магической активности неопознанного происхождения не зафиксировано. Необычное происшествие выявлено одно: наш сотрудник услышал, как орут на местного парня, слишком долго пробывшего на поле, куда был послан за забытыми вилами. Отец парня желал знать, почему сын провалился черт-те где и парень ответил, что он бегом вернулся с края поля до середины, а потом возвращался назад. Зачем бежал к дому без вил — не помнит. Беседа с парнем ничего нового не добавила: он знает лишь, что вдруг из мочи побежал назад к дороге, потом опомнился и поворотил обратно. Полагаем, что он столкнулся с иномирной магией, но забыл об этом, пока бежал с донесением. Полагаем, что магию напугали его крики и она вернулась в лес, после чего вышла в другом районе, поскольку иных странных происшествий, позволивших бы заподозрить действия иномирного мага, не обнаружено.

— У кого-нибудь есть альтернативное мнение? Дополнения? — обратился Хальер к другим членам поисковой группы.

— Возможно, магия попала в лапы диким зверям, тот лес кишит опасными хищниками, — робко сказал один из группы.

Синие глаза грозно потемнели, ир тихо прорычал:

— Вы забыли, что охотитесь за сильным менталистом? Да магия любому зверю легко внушит, что она — бревно или коряга, кочка на ровной земле, совершенно несъедобный объект. Звери ей неопасны, только глупцы могут рассматривать подобный вариант!

В глазах ищек мелькнуло сомнение, смешанное с ошеломлением.

— Нашим менталистам такое не под силу, — вырвалось у старшего группы и глава тайной канцелярии вскипел:

— Вы ловите *НЕ НАШЕГО* менталиста, бестолочи!

Гневный голос Хальера прозвучал бархатной лаской, стал обволакивающим, густым, сладким, как патока. Синие глаза его загорелись, как неоновые лампочки, воздух в кабинете задрожал, словно от высокого напряжения. Ищейки слаженно шагнули назад, а единственная женщина в группе вдруг раскраснелась, губы ее приоткрылись, будто в ожидании жаркого поцелуя, глаза широко распахнулись и она со сладострастным стоном качнулась вперед, протягивая руки к магу. Только

контрастом к томному жаждущему виду в распахнутых глазах промелькнул смертный ужас, и женщина тоненько испуганно завывала.

Первый дознаватель тайной канцелярии осторожно положил руку на плечо ира, прошептал:

— Прошу вас, у них пуст резерв, вы тянете жизненную силу.

Хальер с трудом выдохнул, прикрыл глаза, забарабанил пальцами по столу.

— Девуцу — вон из кабинета, — резко приказал он.

Сотрудница сыска, спотыкаясь, вылетела за дверь. Хальер вскинул взгляд на оставшихся, спросил:

— Еще идеи есть?

Все отрицательно качнули головами. Ир разочарованно цокнул языком и заговорил:

— Хорошо, хоть на слова парня внимание обратили. В селе, расположенном близко к месту открытия портала, которое вдоль и поперек прочесали ваши люди, за одно утро случилось несколько происшествий: украли женскую одежду, служанка пекарни оказалась заперта в чулане из-за неудачно упавшей кочерги, и еще один интересный момент, связанный с этой пекарней, явно ускользнул от вашего внимания. Можете сообразить, к чему веду?

Лица ищеек отразили бурную работу мысли, которая, к сожалению, осталась безрезультатной. Хальер хмыкнул и продолжил:

— Согласно опросам работников пекарни, выяснено следующее: служанка утром работала, как обычно, никого кроме мельника с подсобным рабочим, хозяев пекарни и их дочерей не видела. Потом осталась в одиночестве на обеде, пошла в чулан за вчерашним хлебом, чтобы сгрузить его в мешки для свинарника, там от духоты потеряла сознание, упала, и оказалась за закрытой дверью. Заклинившую дверь кочергу убрал вернувшийся с обеда хозяин, выпустил служанку и до вечера она работала только с ним, видела лишь знакомого парня из свинарника, забиравшего мешки со старым хлебом. Так?

— Да, — подтвердил старший группы.

— Теперь показания хозяина: утром работал, видел того же мельника с помощником, ушел на обед, вернулся, работал, никого постороннего, кроме Никоса из свинарника, больше не видел. Так?

— Да, — недоуменно пожал плечами парень.

— Отлично. А вот показания стражников, относящиеся к тому самому обеденному времени: мимо проезжал с обозом торговец Митяй. В деревню он въезжал с той стороны, где постов еще не было, поэтому о беглой магине ничего не знал, а на выезде сообщил, что никого постороннего не видел. Обоз его был гружен крупами, мясом, молоком и прочими продуктами, а главное — свежим хлебом из местной пекарни. Ничто не настораживает?

Ищейки нахмурились, а первый дознаватель присвистнул:

— Кто отгрузил ему хлеб? Пекарня в селе одна-единственная, заявления о краже хозяин пекарни не делал, следовательно — деньги за хлеб получил. Но ни он сам, ни служанка не сообщили о том, что встречались с торговцем и отдавали ему хлеб.

— Забыли рассказать? — предположил один из ищеек.

— Идиоты, — вздохнул Хальер. — Нет, не забыли. Просто их допрашивали отдельно, хозяин думает, что хлеб отдала служанка, а служанка — что хозяин отгрузил товар и сообщил об этом нам. Деньги за хлеб наверняка где-нибудь на видном месте оставлены были, хозяин их забрал и всё. Торговец Митяй двигался к Кресси, так что немедленно выдвигайтесь к городу: вечером до закрытия ворот ничего подозрительного на въезде в город не зафиксировано, Митяй проехал с пустым обозом, так что она попырует пробраться в город сегодня. Магиня не хуже нас понимает, что в многотысячном городе отыскать ее будет очень и очень сложно. Другие группы тоже ориентируйте на Кресси: в других районах ничего необычного нет, четкий след беглой магини просматривается только в этом направлении.

Группа ищеек покинула кабинет. Ир Хальер поднял со стола магический амулет связи:

— Готовьте скребл, я немедленно вылетаю в Кресси. Лоурес, твой доклад про бунтовщиков-подпольщиков послушаю завтра.

— Полагаете, что поимка иномирной магини сейчас важнее? — удивленно спросил первый дознаватель.

— Полагаю, что горе-бунтовщики давно в курсе ее побега, к тому же их верхушка окопалась именно в Кресси. Как думаешь, они уже начали ее разыскивать?

Первый дознаватель выдал экспрессивную серию отборного мата, завершившуюся злой фразой:

— Если этим сволочам подпольщикам начнет помогать сильный иномирный маг, способный к автономному восстановлению своей магии, тяжело нам придется.

— То-то и оно, друг мой Лоурес, то-то и оно...

— Позвольте, я с вами, ир. Как-никак я тоже менталист, хоть и не иномирный.

В проделанную в тенте дырку Алеся увидела приближающуюся длинную очередь телег, выстроившуюся у городских ворот. За обозом, в котором она ехала, тут же пристроились следующие телеги. Солнце поднялось высоко над горизонтом, под тентом становилось нестерпимо душно. Алеся увидела, как торговец, к которому она прибилась, слез с передка своей колымаги, походил у коней, потерев их подпруги, и отошел к столпившимся на обочине мужикам, курившим трубки и неспешно поругивавших ищеек, стражников, беглых магинь и прочих людей и обстоятельства, мешающие им быстро и без помех въехать в город.

Поправив платок на голове и опустив его пониже на глаза, она закинула за спину мешок с остатками хлеба и вещами и незаметно выскользнула из телеги. На свежем воздухе вдохнула полной грудью и медленно побрела вперед, внимательно присматриваясь к окружающей ее действительности.

Первое, что бросилось в глаза: это еще одни исполинские ворота в чистом поле, в три раза превышающие по размеру те, что она ранее видела у села. Ворота были в таком же плачевном состоянии: потрескавшиеся, осыпающиеся, заселенные птицами и растениями. От них тоже вела к дороге широченная полоса гладкого, стершегося булыжника.

«Жаль, что нельзя спросить у прохожих, что это: все равнодушно скользят взглядами мимо этих ворот и ни слова про них не говорят, а мой вопрос привлечет ко мне слишком много ненужного внимания», — думала Алеся.

Дорога в город была запружена не только телегами, но и конными каретами, а еще мимо очереди пролетела одна изящная безлошадная повозка, формой похожая на яйцо: нижняя часть этого горизонтально расположенного «яйца» матово поблескивала металлом, а верхняя была прозрачной и внутри виднелось два ряда сидений: два спереди и два сзади, как в небольшой машине. Колес у «яйца» не было, оно словно парило над дорогой на невидимой воздушной подушке.

— Глайдер, — услышала Алеся, а в голове прозвучал перевод: «автомобиль на магической тяге».

Ого, кто-то может позволить себе такие машинки! Речи работяг и торговцев быстро ознакомили ее с красочностью местного нелитературного жаргона: простой народ недолюбливал «рейтов», разъезжающих на магических видах транспорта. «Рейтами» называли местную знать и помещиков. Помимо глайдеров был и еще один вид не гужевого транспорта: в небе прочертила полосу летающая тарелка и опустилась за городской стеной.

— Ого, какая-то большая шишка на скребле прилетела, — ахнули люди, проследив за исчезновением тарелки за башнями крепостной стены. — Кто-то из иров пожаловал.

«Ага, звание «ир» выше простого «рейта», — запоминала Алеся. — Тот высокий мужчина с потрясающим голосом, что меня ищет, влиятельная фигура в этом мире, аристократ. Удивительно, что он сам по лесу шарил, когда его сотрудица Олейра меня упустила».

Если не считать продвинутой магической технику (порталы, скреблы, глайдеры), которая явно не была здесь широко распространена, то в остальном научно-технический прогресс, похоже, был на стадии начала роста промышленности. Алеся не была уверена, что тут уже успели изобрести паровую машину, а про электричество точно не слыхивали. Речи людей, мимо которых она продвигалась к воротам, и речи людей, шагавших вместе с ней (для не обремененных повозками и множеством вещей была отдельная очередь на вход в город), сводились к местным сплетням и жалобам на жизнь. Похотливые рейты были охочи до деревенских девок, злобные помещики могли назначить огромный штраф за убитого в их лесах зайца, новая прядильная машина улучшенной конструкции стоит так дорого, что за десять лет цеху ее покупку не оправдать, у такого-то жена сбежала с любовником в город, бросив мужа с тремя детьми, и так далее и тому подобное. Люди поминали черта и дьявола, бога и ангелов, так что здешняя религия была схожа с земной, раз находились аналоги этих земных понятий в местном словаре.

Приблизившись к городским воротам на расстояние двухсот метров, Алеся сосредоточилась на

происходящем на посту стражников. Голоса людей вокруг нее стали приглушенной, понизились до шепотков:

— Ишь, сколько ищеек нагнали, даже подростков и парней на магию проверяют. Ой, а этого мальчика куда повели? Проверять, мужик ли он?! Вот умора! Ой, и девку куда-то в сторону потащили, мать сзади бежит, руки заламывает. Говорят, к менталистам ее поволокли, память считывать будут? Одиноких осматривают пристальней, чем прочих, вопросов много задают: откуда родом, кто в родном селе в стражниках ходит, кто священником при храме состоит.

Присматриваясь и прислушиваясь, Алеся четко осознала: в город она так просто не пройдет. Одиноких женщин в толпе было мало, в основном — пожилые, но и тех стражники сразу отводили куда-то на проверку. Одиноких же девиц не было вообще, на нее уже тут, вдали от ворот, бросали подозрительные взгляды, как бы она ни горбилась и ни опускала долу яркие глаза, ни убирала под платок золотистые локоны. Да, в этом средневековье молодая дева, путешествующая в одиночку, была слишком необычным явлением, ее и расспрашивать про родное село не будут, сразу к магам на проверку воспоминаний отведут, а это — гиблое дело, Алеся не имела ни малейшего представления как считывается память человека и как можно создать в голове ложные воспоминания. Да и кто из землян это знает?! Похоже, что и в этом мире противостоять магам-менталистам никто не мог.

«Засада, надо продумывать план «Б». Увы, у меня и план «А» был блаженный: незаметно просочиться в толпе, а уж другие варианты вовсе в голову не идут. Стена окружает весь город, на ней круглосуточно дежурит стража, наверняка магическая сигнализация по периметру протянута, да мне и без сигнализации на семиметровые гладкие стены не влезть, я не боец спецназа, я мирный переводчик, даже пока не дипломированный! Кругом незнакомцы, которые иномирной магии помогать не станут — магов тут все боятся, чужих еще больше, чем своих. Стоит попроситься к кому-то в группу и меня сразу сдадут ищейкам, как говорится: своя шкура ближе к телу. Думай, Алеся, думай, ты — дитя прогрессивного мира, так неужели не обхитришь темных, необразованных жителей средневековья?»

Активно ввертевшись в гущу толпы, Алеся сдвинулась ближе к обозам, лихорадочно выискивая взглядом что-нибудь, способное помочь ей. Она сомневалась, что сможет прятаться по сеновалам до тех пор, пока ее перестанут искать — уже шли разговоры, что все дома и сараи в округе ищейки начали перерывать вверх дном, а все поселения наглухо оцеплены только что прибывшими новыми отрядами.

«Что же делать?!» — начала паниковать Алеся, уже готовясь дать задний ход и взять время на обдумывание нового плана, когда увидела их.

Переводчик в голове именовал этих парнокопытных «пони», но эти животные на вид были столь же далеки от своих земных собратьев, как собаки чау-чау от волков. Пони этого мира были выше и шерсть у них была длинной-длинной, свисая со спин почти до земли. Алеся смутно припомнила, что на Земле обитают подобные длинношерстные ослы, только не знала их название. Как бы то ни было, сейчас перед ней важно вышагивал небольшой табун этих пони, погонщик которых шагал сбоку, не глядя на своих подопечных, поскольку смотрел исключительно на внушительный бюст едущей рядом торговки, поощрительно ему улыбающейся.

Вознеся мольбу богине удачи, Алеся затесалась среди табуна. Ее маневр окружающие люди заметили и закричали:

— Выходи, глупая, запачкаешься, а то и потопчут!

Погонщик тоже отвлекся от бюста своей спутницы и погрозил ей плеткой.

— Да-да, сейчас, я уронила монетку из кошелька! Найду и выйду, — крикнула в ответ Алеся и пригнулась, запрятавшись за спины животных, скрываясь от взора людей.

Согнувшись в три погибели и поднырнув под одного пони, она начала обратный отсчет.

Одна минута.

Ее не окликают.

Две минуты.

— Что-то девка долго возится, — недовольно говорит погонщик. — Пойду, за руку вытащу ее, пока ее не потоптали. — И заходит в табун, толкаясь между животными. — Где она, не видите?

— Не-а.

— Кажись, там, правее, ближе к переду, — отвечают ему зеваки, бредущие рядом с табуном.

— Куда подевалась? — ворчит погонщик и начинает наклоняться.

Три минуты...

— Эй, ты чего там ищешь? Мешок золота под брюхо коню привязал, да забыл которому? — смеются зеваки, а погонщик распрямляется, смущенно чешет затылок и выходит из табуна.

Алеся облегченно выдыхает, смаргивает слезинку и шагает под брюхом пони, слегка придерживаясь за длинную шерсть и благословляя флегматичность этих животных, спокойно реагирующих на пешехода под пузом.

Глава 7. Прорыв в город

Ир Хальер наблюдал за длинным потоком людей,двигающихся через ворота, с высоты крепостной стены. Датчики магии, установленные на входе, молчали, да на них не сильно и рассчитывали, зная, что иномирная магиня уже обманула переносные определители магии, установленные на выходе из одноразового портала. Женщин в этом потоке было мало, молодых женщин — еще меньше, а одиноких молодых женщин и вовсе не было, чего и следовало ожидать. Стража досматривала всех, кто мог бы сойти за переодетую женщину.

— Охотники приводят к portalу только молодых магов, да и система их завлечения срабатывает только на молодых и одаренных людей, — напомнил первый дознаватель. — Зачем осматривают пожилых?

— Мало ли, — отмахнулся Хальер, не отрывая взгляд от людского потока. — Переодеться в старуху не сложно, как и парнем нарядиться. Опрашивают всех?

— Да, не сомневайтесь, чужой в нашем мире человек сразу будет выявлен, не сможет на вопросы сходу ответить, ей просто неоткуда почерпнуть столько информации. Ир, вы же знаете, что охотники ловят магов только в тех мирах, где магии не обучаются, где в нее официально не верят, так как идут по другому пути эволюционного развития. До появления в нашем мире эти пойманные вообще в магию и магов не верят, так что сейчас беглая девица должна быть растеряна и дезориентирована. Я искренне удивляюсь, что она так быстро в роли мага-менталиста освоилась, лично я много лет обучался всему, что умею.

Хальер в ответ хмыкнул, а Лоурес продолжил:

— Думаете, наши штатные менталисты смогут «прочитать ее»? Что-то я в этом уже сомневаюсь...

— Я тоже, но сам факт их неспособности «взломать» ее и будет доказательством ее магической силы, не так ли?

Лоурес обескуражено раскрыл рот, потом тряхнул головой и кивнул, осматривая внимательным взглядом всех входящих в город.

Под воротами замелькали спины длиннорунных пони, которых гнал покрикивающий погонщик. Погонщика остановили, стали спрашивать, кто он и откуда, а табун потихоньку продвигался в город. Промеж животных никого не было видно. Хальер вытянул руку в сторону табуна и запустил заклинание, зависшее прозрачной пеленой перед носом первого парнокопытного, равнодушно шагнувшего в эту пелену. Заклинание прошло сквозь весь строй пони, и ир Хальер сорвался со стены, слетая вниз, как на крыльях.

— Оцепить табун! Держите девицу! — рявкнул он.

При первых звуках его голоса из гущи животных выскочила встрепанная тонкая фигурка в сбившемся платке и метнулась в узкий переулок. Стражники и ищейки на миг остолбенели от неожиданности и в этот краткий миг, на крутом повороте дороги, беглая магиня обернулась.

Над толпой взбудораженных людей столкнулись два синих взгляда.

Время словно остановилось.

Хальер впился глазами в юное нежное личико в форме овала, обрамленное завитками золотистых волос, в перепуганные огромные очи.

Алеся уставилась в чеканное лицо мужчины, отдавшего приказ схватить ее до ужаса знакомым заволаживающим голосом. Так вот ты какой, глава тайной канцелярии!

«Поразительно молод для столь ответственной высокой должности, — промелькнула отстраненная мысль. — Что за странное мертвенное клеймо на левой щеке? Знак избранности?» — еще успела удивиться она, крепко запоминая лицо своего главного преследователя.

И бросилась бежать.

Мимо пронеслось голубоватое марево явно магической природы, от которого она своевременно инстинктивно шархнулась в сторону. Ей вослед спустили собак и гулкий лай своры разнесся по городским переулкам. Еще одно заклинание чуть не задело ее! Как он умудряется настигать ее, не видя из-за угла?!

Спиною чувствуя очередную налетающую сзади магическую атаку и преследующих ее собак, Алеся дернулась прочь, к краю дороги и свалилась в сточную канаву. Грязная вонючая жижа убежала в широкую воронку и в нее, не раздумывая, прыгнула Алеся.

К счастью, колодец не был глубок и она не расшиблась. Система канализации пронизала недра земли под городом лабиринтом нескончаемых туннелей, вырытых во всех направлениях. Задышавшись от стоящего здесь смрада и подавляя рвотные позывы, Алеся помчалась, оскальзываясь, куда глаза глядят. По спине бил намокший сверток с вещами, привязанный к плечам, его некогда было сбросить. Собаки были над местом ее спуска, не решаясь прыгнуть в подземные ходы, а может — псам отказал их чуткий нюх в этой вони и они просто потеряли ее след. Зато человеческие голоса скоро загремели под сводами.

«Три минуты, даже меньше осталось. Мне надо продержаться еще немного и они отстанут», — твердила себе Алеся, сворачивая все в новые и новые проходы. Мимо нее пробегали крупные крысы, несколько раз она упала на колени, ее одежда пропиталась сточными водами, вызывая нестерпимое желание нырнуть под чистый душ или взвыть от невозможности сделать это и немедленно очиститься.

Под землей становилось все темнее, Алеся уже с трудом видела, где она бредет. Голоса преследователей наконец-то стихли: три минуты прошли. Разглядев вдали крохотный огонек, она двинулась к нему.

Это оказался выход наружу, причем выход давно заросший кустами и корнями деревьев, доходящими до дна сливного колодца. Хватаясь за эти корни, Алеся выползла на свет в каком-то бедном квартале города — вокруг стояли покосившиеся здания и бегала чумазая босоногая детвора.

— Кикимора! — завизжали дети и бросились наутек.

Взрослого население за этими обратными сторонами домов не наблюдалось, а одно здание привлекло взгляд Алеся разбитым окном, покосившейся, висящей на одной петле дверью и сильно заросшим задним крыльцом.

«Нежилое. Можно спрятаться».

Она протиснулась в косо висящую дверь, с обратной стороны выровняла ее и, собравшись с силами, задвинула изнутри массивную задвижку, вынуждая дверь висеть прямо. После чего забилась в пыльный угол за грязной закопченной печью и разрыдалась, сдерживая громкие всхлипы и со страхом вслушиваясь в каждый шорох. Под окна вернулись дети, затеяв очередную игру. Они уже напрочь забыли про «кикимору».

Ей стоит этому радоваться? Как жить в этом мире???

Ночью, убедившись, что ей удалось улизнуть от врагов, Алеся потихоньку наносила в найденную в доме ржавую железную ванну воды из бочек, стоявших у черного входа соседних домов. Скорее всего, эта вода была стратегическим запасом на случай пожара и хорошо прогрелась днем на летнем солнце. Алеся с каждой бочки взяла по несколько ведер (два старых ведра валялись у ванны), чтобы убыль уровня воды можно было списать на естественные причины. Взять больше поостереглась.

Она тщательно вымылась найденным куском старого-престарого мыла и завернулась в полуистлевшую простыню, вытащенную из трухлявого шкафа. На то, чтобы выстирать наряд селянки, ушло последнее ведро воды, а остальную одежду пришлось пока запрятать в кошмарно грязном виде.

Вышагивая по брошенному дому в белой простыне, как неприкаянное привидение, Алеся развешивала на просушку одежду и осматривала свои временные владения: холл с передней и задней дверью, одну комнату, небольшую кухню с выходом в ванную комнатку, которую скорее следовало назвать помывочным закутком. В доме имелись остатки мебели: колченогие стулья, шатающиеся столы, два древних шкафа, деревянная кровать, застеленная полусгнившим матрасом. Этот матрас Алеся выкинула в угол, найдя в шкафу в спальне несколько более-менее сохранившихся шерстяных одеял.

Она застелила кровать этими колючими одеялами, безрадостно представляя себе, какой плесневелый душок пойдет от нее утром после ночи, проведенной в такой постели. За окнами прогрохотали тяжелые шаги стражников, крикнувших кому-то:

— Почему не в доме после полуночи? В караулку захотел?

М-да, здесь еще и комендантский час действует, надо запомнить. Его ради нее ввели или всегда так?

Голодная до полубморочного состояния (есть хлеб, пропитанный канализационными водами, было невозможно, и она сразу выкинула его птицам на улицу), она укладывалась спать, ожесточенно думая:

«На какие средства мне здесь жить? Переводчик английского языка тут точно никому не требуется, человек, свободно владеющий компьютером и технологиями заработка в интернете — тоже. Остается работа в газете внештатным сотрудником, если таковые имеются, но прежде чем писать шутливые рассказы о местной жизни, надо сперва разобраться в особенностях этой самой жизни. Какие еще варианты? Я даже служанкой работать не смогу, хозяева к вечеру напроочь забудут, что должны мне зарплату за день. Ох, как я зла!!! Вывод один: если не можешь заниматься бизнесом, в котором важна репутация и то, что тебя помнят, следует заняться бизнесом, в котором важно, чтобы тебя **не** помнили. Напрасно вы затравили меня, как бешеного зверя, и заставили стать маргинальным элементом. Хотите увидеть русскую женщину, борющуюся за место под солнцем? Увидите! Жалобная книга ира Хальера начнет работать круглосуточно!»

Пока Алеся пробиралась по лабиринтам подземной канализации, глава тайной канцелярии задумчиво взирает на возвращающихся к нему озадаченных подчиненных, покрытых вонючими разводами сточных вод. Лоурес уже несколько минут тер лоб, бормоча: «Почему сработала сигнализация, кого все догоняют?!», так что дальнейшее развитие событий Хальер уже угадывал.

— Что скажете? — спросил он у своих ищек.

— Э-эээ, в городской канализации ничего нет, — ответили ему.

— А что вы в ней искали?

Страх в глазах сотрудников сыска ответил за них — они не помнили. Больше десятка человек не помнили, какого рожна нырнули в канализационный колодец!

— Думайте, — холодно бросил Хальер, — я не могу один думать за всю сыскную службу.

Лоурес перестал тереть лоб, оглянулся на орущую звуковую сигнализацию тревоги, посмотрел на толпы растерянных людей, сгрудившихся в воротах, на стражников, перекрывшим им вход в город, проговорил:

— Я помню, что вы проверяли магией табун длиннорунных пони, потом слетели вниз и закричали, куда-то указывая. Стражники включили сигнал тревоги, поднялась суета, побежали по переулку собаки и наши ищейки. Зачем побежали — не помню.

Лоурес вздохнул и заключил:

— Почему не помню, догадываюсь — мы опять упустили иномирную магину. Вот же пёс облезлый, и блоки мои ментальные против нее не устояли, и датчики магии на входе не сработали! Черт, я даже не почувствовал, как меня «взломали»! Что вы помните, ир?

— Что меня крайне поразило существование в природе мыслящего пони.

— Ах, вот что вы проверяли! Да, аура разумного существа сильно отличается от ауры животного. Девица спряталась под брюхом длиннорунного пони, хитро.

Досада на лица перепачканных ищек не поддавалась описанию. Найди они сейчас беглую магину — свернули бы ей шею без раздумий и страха быть казненными. Они преданно уставились на своего главу, ожидая дальнейших указаний.

— Здесь несколько сотен свидетелей — опросить всех, выяснить, кто что помнит, — приказал Хальер, направляясь к своему скреблу.

Лоурес оживился, радостно кивнул, шагая за ним:

— Верно. Можно будет составить словесный портрет, она никак не могла стереть память всем, людей было слишком много. Магиня наверняка сосредоточилась только на ищейках.

— Полагаешь? — насмешливо протянул Хальер.

— Конечно. Свой предел магических способностей есть у каждого мага, а у менталистов он и вовсе не велик.

— Посмотрим...

Поздно вечером в дворцовые апартаменты ира Хальера пришел неутешительный результат опросов в Кресси:

— НИКТО, в смысле — совсем-совсем никто, НИЧЕГО, в смысле — совсем-совсем ничего, не помнит о девице, — мрачно сообщил Лоурес. — Искать незнамо как выглядящую девушку в городе с населением пятьдесят тысяч человек — это все равно, что перерывать стог сена в поиске иголки.

— Она себя еще проявит, — ответил Хальер, лениво поигрывая золотистым коньяком в широком бокале. — Ей надо будет на что-то жить и вряд ли магиня наймется служанкой полы тереть: она попробует заработать на магии. Усильте контроль за нелегальным оборотом магических амулетов, в первую очередь — амулетов-накопителей, зарядить которые можно без специального обучения.

— Да, ир, перетряхнем весь черный рынок магии. Не поверите, но после сегодняшнего я вспомнил несколько молитв, которым меня матушка в детстве учила: мы упустили настолько сильного менталиста, что дрожь по спине проходит, когда я думаю о ее возможностях!

— Не вздумайте сообщить кому-либо об этих потенциальных возможностях, Лоурес! — строго прикрикнул Хальер. — Группу Дарэна я также предупредил, чтобы держали язык за зубами и о моих предположениях о возможностях беглянки не распространялись. Наши ищейки и охотники плохо разбираются в ментальной магии, остальные — еще хуже, так что пусть все продолжают думать, что мы ловим обычного слабенького менталиста, вроде наших, только что очень хитрого и увертливого. Если пойдут слухи о её невероятной силе — среди населения поднимется паника.

— Я понял, ир, все сделаю, как вы сказали. Она еще не умеет профессионально управляться с магией, мы ее обязательно схватим и отправим в Греблин! С острова она уже никуда не денется.

— Нет, — кратко отрезал Хальер.

— Что — нет? — не понял Лоурес.

— Если ищейки ее схватят, то приведут ко мне. Это ясно?

Застывший взор синих глаз остановился на первом дознавателе. Лоурес сглотнул и промолчал, глава тайной канцелярии порой и его пугал до судорог. Не хотел бы Лоурес оказаться на месте этой беглой магини!

— Вы сомневаетесь, что ищейки ее все-таки схватят? — только спросил он.

— Я надеюсь, что доберусь до нее раньше них. Сам, лично.

Лицо главы исказила полуулыбка — левая сторона его лица вынужденно оставалась неподвижной, превращая улыбку в жуткую пародию, словно он недобро скалился каким-то зловещим своим замыслом.

Глава 8. Старуха ворожея

Проснулась Алеся от голодных спазмов своего желудка. Господи, сколько дней она в этом мире? Неужели всего третьи сутки? От нее скоро кожа и кости останутся, если срочно не предпринять что-нибудь.

Говорят, что голод обостряет разум, но у Алеся он всегда сопровождался таким туманом в голове, что никакой полет — даже полет мысли и фантазии — не мог состояться по погодным условиям. Так что оставалось уповать на русскую народную мудрость, гласившую: «на деле Бог ума прибавит».

«Боже, если ума на мою долю не хватит, то хоть манны кинь, я, когда поем, сама что-нибудь соображу», — пробовала договориться Алеся с высшими силами, рассматривая «сокровища» двух шкафов: небольшую кучку одежды, что могла раньше принадлежать только очень пожилой женщине.

Кучка состояла из поеденного молью черного шерстяного пальто, черных перчаток, широкого длинного платья темно-коричневого цвета из грубой материи, трех темных шалей (которым та же моль добавила кружевных узоров), опять-таки темных головных платков и черной шляпы с густой вуалью, в которой только на кладбище ходить. Обувь, увы, не нашлось, так что меховые ботинки становились у Алеся уже привычной летней обувкой, и хорошо, под низким подолом обуви не видна и подозрений не вызывает.

Помня, что старуха, бродящая по улицам в одиночестве, в этом мире привлекает меньше заинтересованных взглядов, чем молодая девица, занимающаяся тем же самым, Алеся намотала поверх своего платья селянки все шали (две для прикрытия юбки, третью поверх плеч), нацепила поверх темного платка черную шляпу с рваной вуалью и полностью скрыла свое лицо и светлый наряд. Щеки и лоб на всякий случай извозила сажей, чтобы в прорехах вуали скрыть молодую кожу, а на руки натянула перчатки. Помянула добрым словом театральную студию Петербургского университета, сгорбилась, оперлась на клюку, найденную под кроватью, и узрела в мутном треснутом зеркале в холле настоящую нищую старую бродяжку. Не забывая ковылять, хромать и горбиться, она вышла на разведку, выскользнув из дома через задний ход, как только вездесущие дети убежали из поля видимости.

Маскарад работал отлично: ни стражники, ни прочие люди в форме в упор не замечали ее, а если паче чаяния бросали в ее сторону случайный взгляд, то тут же брезгливо отводили его. Голодно сглатывая, Алеся проходила мимо таверн, источавших вкусные ароматы свежей выпечки и жареного мяса. В этих же тавернах на вторых и третьих этажах сдавались комнаты, посуточно и на длительный срок, и даже с «ванной в номере», как было указано на рекламных вывесках у входов. Ближе к центру города стали встречаться и риэлторские конторы, которые тоже предлагали арендовать дом (*«очень дешево, от десяти грохов в месяц»*), комнаты в доме (*«цена в зависимости от размера, меблированные апартаменты дороже»*) или купить все перечисленное.

«Увы, снимать жилье мне не по карману. Хорошо, что в бедных районах, куда меня привела прогулка по канализации, брошенных полуразвалившихся домов много и жить в них можно абсолютно бесплатно. Эх, если бы еще поесть можно было бесплатно! Зачем клумбы развели и декоративные деревца насадили — лучше бы по всему городу яблони и груши росли, да капуста вместо цветов. Интересно, в Петербурге бездомные тоже злятся на бесконечные тополя, мечтая о яблоках? Что же делать? Милостыню просить? Помнится, ее на паперти просят... Где тут паперть, господа?»

Богатые центральные районы города продемонстрировали попаданке библиотеки и театры, банки и роскошные витрины ювелиров, сады и скверы, а предлагаемые варианты блюд в кафе и ресторанах поражали разнообразием, то и дело бросались в глаза вывески: «Иномирная кухня. Чудом сохранившиеся рецепты!» На рекламных картинках где-то изображалось нечто похожее на пиццы и суши, но большую часть ассортимента Алесе идентифицировать не удалось, это было что-то совсем уж иномирное, на Земле еще не придуманное.

В архитектуре превалировали двух- и трехэтажные дома с колоннами и высокими крытыми крыльцами, встречалось что-то вроде музеев и какие-то культовые сооружения, похожие на китайские пагоды, но входы в них были закрыты, на их лестницах попрошайки не сидели, а стоило Алесе остановиться в задумчивости, не заняться ли нищенством, как к ней тут же направился стражник. Пришлось ей ковылять дальше. Да, нищие работали только в районах победнее, с центральных улиц их сгоняли, как неугодный мусор.

Прислушиваясь и приглядываясь к незнакомому миру, стараясь разобраться, как тут устроена жизнь, Алеся обратила внимание, что к многочисленным стражникам, патрулирующим улицы, люди относятся нормально, дружелюбно общаются с ними, называют по именам. На глазах у Алеся один широкоплечий, могучего телосложения стражник выскочил на дорогу, по которой скакали люди на лошадях, катили кареты и скользили редкие глайдеры, и громким свистом и взмахами рук

остановил движение экипажей, чтобы увести с проезжей части выскочившего на нее мальчика. Тут же подбежала взмыленная мать ребенка с годовалой девочкой на руках:

— Ох, спасибо огромное, Силантий! Совсем от рук отбился мой негодник, чуть отвлекусь на младшую, как тут же убегает. Твои-то детишки как?

— Нормально, растут понемногу, — открыто улыбнулся стражник и потрепал широкой ладонью кучерявую мальчишескую головку.

— Ты на сутки на дежурство заступил?

— Да, и потом толком отдохнуть не дадут — магиню беглую в нашем городе ищут.

— Слыхала, слыхала. У нас с ночи ищейки по всему кварталу рыскают, вынюхивают все, расспрашивают, покоя от них нет.

— Работа у них такая.

Женщина с детьми презрительно фыркнула. Ищейек, в отличие от стражников, тут откровенно не любили и побаивались. Алеся припомнила подслушанный на сеновале разговор: в ищейки набирали только магов. Правда, как говорили, магов с пустым магическим резервом, но все одно — не простых людей.

— Откуда их взялось столько, этих ищейек, что весь город наводнили? — проворчала недовольно женщина.

— Со всех соседних районов согнали. Ищейкам со способностями менталистов даже магические резервы за счет амулетов с иномирной магией всклень пополнили — им велено память всех подозрительных особ проверять. Рассадили их по всем нашим постам и велели приводить к ним всех: и парней незнакомых, и старух, и прочих, если кто-то покажется подозрительным. К примеру, спрашивать у нас будет куда пройти, как что-то найти или слова произносить будет незнакомые.

Алеся согнулась ниже и поскорей захромала прочь. Хорошо, что ее не угораздило о чем-то стражников спросить!

«Странный мир: **маги без магии**, никогда такого не слыхала. Если у кого-то вдруг сами собой пробуждаются магические силы, то это чудо, а обычно подпитываются магией, отобранной у магов, сворованной в других мирах. Как же этот мир развивался до того, как смогли построить первый межмировой портал, чтобы начать красть чужих магов? Откуда взяли магию для этого портала? Тайна, покрытая мраком... Портал же явно должен на магии работать, никаких электростанций тут в помине нет, единственный источник энергии во всех машинах — магия. Ладно, сейчас не до высоких материй, не до межмировых порталов, но как решу первоочередные задачи, в библиотеку загляну, историю этого мира прочитаю. Противников надо изучать изнутри, начиная с прошлого, которое, как известно, определяет настоящее».

А настоящее пока не радовало. Хорошо хоть идея переодеться старухой была абсолютно правильной, Алеся убедилась в этом, заметив, что по улицам без сопровождения гуляет лишь одна категория женщин — тех, кого в литературе именуют блудницами. Накрашенные и разнаряженные девушки украшали собой центральные улицы, призывно улыбаясь мужчинам и демонстрируя им стройные ножки под приподнятым подолом. Других одиноких праздно гуляющих девиц в городе не наблюдалось.

«Но не праздных довольно много: полomoйки с швабрами и ведрами переходят из подъезда в подъезд, служанки с озабоченными лицами снуют, горничные и камеристки в подобии униформы ходят, но тоже чаще всего не одни, а в сопровождении слуг мужского пола».

До центральной площади Алеся немного не дошла, только на высокий многоярусный фонтан издали полюбовалась. Причина, почему она не взглянула на фонтан вблизи, была проста: на нее уже на подступах стали покрикивать и пихать на обочину, общая суть всех претензий сводилась к фразе: «Куда прёшь, старая карга, не видишь, что здесь люди ходят?» То есть, нищая старуха вроде как не человек. Что ж, в родном мире этот тезис высказывается не так открыто, но жизнь одинокой бедной бабки в большинстве стран примерно такая же. Проблема в том, что эта бабка все еще хочет есть...

В конце улицы показалась кавалькада из пяти мужчин, движущаяся по направлению к центральной площади. Воронье кони в богатой сбруе мерно постукивали подковами по брусчатке, на отделанных золотыми позументами камзолах сверкали солнечные лучи, покачивались плюмажи из ярких перьев на широкополых шляпах, над головами развевался какой-то штандарт. Движение на улице вдруг замерло: люди остановились на тротуарах, всматриваясь в всадников, прошел шепот:

— Принц Леван. Сын императора. Благодетель наш! Ах, какой красавец!

(Последнее с придыханием произносили все девицы в возрасте от шестнадцати до сорока.)

«Ого, высочайшая особа со свитой пожаловала», — поняла Алеся, и ей тоже захотелось глянуть на настоящего принца. Она шагнула к самому тротуару, прикрывая лицо от солнца и сию минуту рассмотреть мужчин через плотную вуаль.

Принц узнавался сразу, безошибочно: это был самый молодой и улыбочный из всех пятерых всадников, ехавший впереди и благосклонно кивавший своим подданным, махавший рукой в ответ на приветственные крики. Принц действительно был поразительно красив, как на картинке в сборнике волшебных сказок: русые локоны выбивались из-под шляпы, огромные лучистые серые глаза смотрели добродушно и приветливо из-под густых ресниц, красивой формы полные губы улыбались, лицо поражало гармонией черт. У беглой попаданки аж дух захватило от такого идеального облика иномирного принца, кроме как «О-ооо...» в голову ничего не приходило.

Забыв, что она не в родном Петербурге и глаза не на известного киноактера, Алеся шагнула чуточку ближе.

— Куда тебя несет, старая перечница, не мозоль сиру глаза своим вонючим тряпьем! — раздраженно прорычал над ухом стражник, ухватывая ее за рукав и оттягивая подальше, резко возвращая Алеся в реальность из мира розовых грез.

В реальность, в которой она была не невестой прекрасного принца, а всего лишь потенциальной жертвой главного злодея.

Красавец под императорским штандартом проехал мимо по своим важным делам под ахи и вздохи горожан, толковавших о доброте, отзывчивости и море прочих положительных качеств императорского сынка, осчастливившего своим появлением их городок.

— Так-то оно так, младший принц — прекрасный человек, но хорошо, что не он наследует трон отца: при нем вся голытьба распустилась бы и на свет божий из своих углов повылазила, пользуясь его добротой, — проворчал стражник своему напарнику, вновь отталкивая Алеся дальше на обочину тротуара. — Каждый должен знать свое место!

«Ну-ну, я могла бы поверить в добренького принца, если бы законы, принятые в его стране, не позволяли бы похищать людей, а потом ловить их, затравливая собаками, — усмехаясь, попятилась прочь Алеся, подчиняясь раздраженному жесту стражника. — Я смотрю, императорской семейке удобно иметь под рукой ира Хальера: чуть что — вот злодей, а мы — добрые, белые и пушистые».

Развернувшись в обратном направлении, Алеся вернулась в менее благополучные районы, по ароматным запахам копченостей нашла базар. Расхаживая среди палаток, продающих всякую снедь, она надеялась, что кто-то из торговков и торговцев отвернется и ей удастся стащить пирожок, но бывалые торгаши как раз за нищими старухами и следили в оба глаза, а когда Алеся пошла обходить ряды во второй раз, ее начали прогонять от подносов с едой. Толк от ее хождения по базару пока был один: она запомнила названия местных монет, которые успела разглядеть как следует еще при продаже хлеба Митяю, а теперь видела, как ими расплачиваются, какую сдачу дают, сколько все стоит.

Самой мелкой монеткой был тогрох: медный кружочек. Пятнадцать тогрохов составляли один грох (серебряный квадратик), а пятнадцать грохов — один рох (золотая шестиугольная пластинка). Словом, чем короче название — тем выше номинал. Видать, богатые бизнесмены и тут не любят воздух по-пустому сотрясать.

Чувствуя, что от жары под несколькими слоями одежды и голода она скоро упадет в обморок, Алеся отошла к длинным лавкам у ограды базара и присела в теньке, смотря на красочную жизнь большого чуждого города, как на массовку и декорации к историческому фильму.

Цыгане жили и тут. В ярких пышных нарядах, звеня браслетами, они танцевали под гитару и приставали к прохожим с предложениями погадать, наворожить удачу в делах, продать им золото и купить у них «отличнейшее вино, сделанное по древнему цыганскому рецепту». Старая цыганка в наряде, похожем на Алесин, числилась у них великой прорицательницей и восседала в красном шатре, куда зазывали наивных клиентов молоденькие цыганочки.

Алеся смотрела, как то и дело очередной посетитель скрывается в шатре, и чувствовала, что Господь так решил прибавить ей ума, заодно забрав излишки совести. Пора начинать бизнес, в котором важно начисто стереться из памяти клиентов.

Пройдя на другой конец огромного базара, дабы не провоцировать цыган на жестокую расправу с конкуренткой, она вытащила ближе к центральному проходу высокий ящик, уселась на него и заговорила громко скрипучим голосом:

— Кому счастья наворожить — подходи, я — потомственная ворожея в десятом поколении!

Народ вокруг загоготал, тыкая в нее пальцами и крича, что бабка совсем сбрендилa. Смеялись все: и торговцы, и грузчики, и чистильщики обуви, и покупатели, пришедшие за товаром.

Щеки Алеси загорелись пунцовым румянцем под разводами сажи, но она не сдалась и несколько раз повторила свой призыв.

Детвора заулюлюкала, скача вокруг, строя рожи и крича:

— Ворожея из дурдома, ворожея из дурдома!

Толпа народа возле Алеси набралась приличная: бесплатный цирк ценят во всех мирах.

«Внимание потенциальных клиентов я завоевала, можно считать, что первый шаг в новой карьере сделан», — подбадривала себя оголодавшая попаданка, прекрасно понимая, что без оравы цыган-зазывал, то бишь без пиар-менеджеров по-земному, бизнес мигом не раскрутишь.

«Ничего, я — ребенок двадцать первого века, о рекламных акциях знаю побольше табора цыган», — ухмыльнулась Алесья и перешла к интерактивному взаимодействию: привстав, ухватила за рукав нарядно одетую девуцу с круглыми наивными глазками, таращившуюся на нее в компании двух пожилых матрон:

— Поверь старому человеку, девушка-красавица, а чтоб не сомневалась, я тебе двойную цену верну, коли недовольна моей ворожкой останешься, — громко проскрипела Алесья.

Толпа примолкла, мигом наострив ушки. Ага, халяву тоже ценят во всех мирах! Одна из дуэний молодой девушки, удерживаемой Алесей, презрительно фыркнула:

— Какую еще двойную цену? Чё за вздор мелешь, сумасшедшая старуха?

— Я о том толкую, что коли мое пожелание девуце-красавице встретить богатого жениха через полчаса не исполнится, то вместо одного отданного вами за ворожбу гроха верну два гроха.

Последние слова она постаралась сказать максимально громко. По толпе опять пронеслись смешки, но скорее потрясенные, чем пренебрежительные.

— Тьфу, совсем спятила, — поморщилась дуэнья. — Да и откуда у тебя второй грох?

— Ты чужие грохи не считай, красава, а своим ты никак не рискуешь — кто ж мне даст уйти с этого ящика раньше, чем через полчаса? Уж свою монету ты по-любому вернёшь, верно?

Шепотки вокруг стали громче. Толпа заволновалась, задние ряды стали напирать на передние, требуя пересказать им слова старухи, которую плоховато слышно издали.

— А бабка-то не совсем полоумная, дело говорит, — присвистнул мужик с рыжей бородой, стоявший впритык к Алесе. — Лично прослежу, чтобы эта шарлатанка тут полчаса просидела, и уж стрясу с нее второй грох, даже если для этого придется сдать ее кости собакам на корм. Пусть знает, как честной народ душить!

Вокруг громко загомонили, соглашаясь. Вперед протолкались еще три мужика и крикнули сурово:

— Верно, Климентий, посторожим старуху. Нас тут все знают, мужики мы порядочные, никого никогда не обманывали, так что не опасайтесь, женщины, с вашей монетой карга старая не убежит. Давай, бабка, ворожи, а мы посмотрим, что ты за магиня у нас великая.

Народ опять захохотал. Круглоглазая девушка, покраснев, как помидор, протянула Алесе ладошку и та принялась чертить на ней линии и зигзаги и загадочно бормотать сложные заклинания, периодически повышая голос, чтобы зрелище увлекло народ. Придумывать заклинания было не трудно — она просто читала «Бородино» Лермонтова на родном русском языке, таинственно порывая и пофыркивая по сторонам и меняя рубленное звучание фраз плавным. Потом, грозно заывая: «Я свободен, словно птица в небесах! Я свободен, я забыл, что значит страх!», Алесья обошла вокруг девушки, чуток помахивая, как черными крыльями, своими шальями, следя, чтобы они, не дай бог, не слетели. Еще раз спасибо вам, преподаватели актерского мастерства!

Ворожила она никак не менее пяти минут, честно отрабатывая свой будущий обед красочным шоу. Потом велела девуце:

— Шагай на центральную площадь, как обойдешь три раза вокруг фонтана, так и встретишь своего суженого.

Девуца покивала, а мужики почесали в затылках и сказали:

— За полчаса должна успеть туда и обратно сбегать. Давай, девушка, иди за богатым женихом, а мы

старуху три четверти часа посторожим — мало ли, замешкаешься на обратной дороге.

В толпе опять посмеялись, но скепсиса после Алесиного театрального представления заметно поубавилось. Как только прошло три минуты с момента ухода девицы с базара, Алеся облегченно выдохнула и утерла пот со лба. Сегодня девушка точно второй раз на базар не явится, у сопровождавших ее женщин большие, наполненные мешки в руках были, все нужное они уже купили, так что можно расслабиться, но впредь так рисковать не стоит. Запрятанная в перчатку монетка приятно холодила ладошку.

Толпа зевак и четыре мужика с Климентием во главе, честно простояли у нее целый час, но возвращения круглоглазой девицы так и не дождались. Настроения людей резко переменялись, они затолкались поближе, присмотрелись внимательней. Наконец, созрел следующий клиент:

— Слышь, старуха, я тут недалеко в прядильном цеху работаю, да вишь — припозднился на работу сегодня. Наворожи мне, чтоб старший мастер меня за опоздание сегодняшнее не отругал и этот день из зарплаты не вычел.

«Опоздание? День в разгаре, а прядильщики с рассвета работают, я это по разговорам у ворот помню. Это уже не опоздание, милоч, а не явка на работу», — мысленно укорила лентяя Алеся, продолжавшего ее уговаривать:

— Ты наворожи, старуха, я в долгу не останусь. За день мне десять тогрохов платят, так я тебе пять дам.

— От, хитрец! — крикнули из толпы. — И так и эдак хочет за прогулянный день деньги получить: если подействует ворожба — мастер заплатит, а не подействует — бабка десять тогрохов вернет. Всяк, шельмец, в накладе не останется, лишних пять монет ни за что получит!

— Не лезь не в свое дело! — огрызнулся ленивый рабочий.

Алеся вмешалась в разгорающуюся перепалку:

— Отчего ж не наворожить, проблема у тебя не хитрая, всё дело на пару плевков, — важно ответила она и принялась «колдовать» под грозные речи парня, что до цеха близенько, ежели мастер хоть одно худое слово скажет, то он вмиг за своей двойной мздой вернется.

На этот раз возвращения клиента ворожеи толпа ожидала не в праздности, лузгая семечки, а кулаками и криками выстраивая очередь из желающих получить свою порцию колдовства. Видно, местных работоспособных магов и впрямь было мало и на простой люд они свою драгоценную магию не тратили, позволяя процветать всяческим «ворожеям», «предсказательницам», «ясновидящим» и прочим «специалистам» смежных с настоящей магией профессий.

Когда спустя четверть часа рабочий из цеха так и не вернулся, началось паломничество к ворожее.

Первый мужик убежал скорей к соседке, по которой давно «сох», а та, злодейка, ни в какую: «я, мол, порядочная женщина, мужу не изменяю», и Алеся стала богаче еще на грох.

Второй просил, чтобы его зажиточная больная тетка поскорее померла, прям сегодня вечером, а то замаялся он наследства дожидаться. Разозлившаяся Алеся потребовала целых рох за услуги. Толпа уважительно загудела, а очередь заметно поредела, но жадный племянник зажиточной горожанки, скрипя зубами, выложил блестящий золотой шестиугольник и поклялся, что завтра из-под земли достанет, если похороны не состоятся.

Потом пробилась вперед крикливая дородная бабища, уложив тяжелым кулаком дюжего мужика на пути к ворожее. Уперев руки в боки, она велела наколдовать ей, чтобы все ее свиноматки принесли в этот раз по двадцать поросят.

Теперь хохотали уже над хозяйкой свинофермы, а ничего не смыслящая в поросых свиноматках Алеся благоразумно прислушалась к гоготу и строго постановила:

— По десять, больше не могу, я не магиня.

— Так с магов и вовсе помощи хозяйству нет и за любой амулет они дерут три шкуры, — отмахнулась баба. — Ладно, пусть по десять, но чтобы все! У меня их сто штук.

— По тогроху с каждой, — установила таксу Алеся.

Легкий путь к богатству у хитрой попаданки оборвался на мужчине, подошедшем вслед за владелицей свиноматок. Мужчина был одет в недорогую, но добротную одежду, начищенные сапоги, кожаную кепку с козырьком, а взгляд у него был такой тоскливый, что неловко было смотреть в эти серые отчаявшиеся глаза.

— Я не верю в ворожбу, раз даже магия целителей бессильна, но всегда есть место чуду. Вы можете наворожить, чтобы у меня дочь поправилась? У нее третий день лихорадка, лекари уже опустили руки. Я отдам все деньги, что есть в доме и что смогу собрать по родным.

Мужчина излучал такое глубокое горе, что оно буквально затопило лже-ворожею. Боевой авантюрный азарт покинул Алеся, как воздух — проткнутый иглой шарик. Выживание выживанием, но одно дело потрясти за кошелек лентяев, мерзавцев, да падких на легкую деньгу людишек, а другое — нажиться на вере в чудо отчаявшегося отца.

— Нет, мне очень жаль, но помочь вам я не могу, — хрипло ответила Алеся.

На нее вдруг с новой силой навалились жара, духота, сосущий голод, и она покачнулась, чуть не упав с ящика. Поднялась, кряхтя, сказала:

— Всё, на сегодня я исчерпала запас своих сил.

Очередь заволновалась, и Алеся сказала громко:

— Завтра, всё завтра. Мне надо отдохнуть, здоровье у меня не то, что в молодости.

— Что ж сама себе здоровья и богатства не наворожила, а? — крикнул кто-то из толпы.

Алеся поправила вуаль, тяжело оперлась на клюку, ответила:

— Кто ж самой себе наворожить может, где вы таких умелиц видали?

И побрела прочь, действительно ощущая себя старухой. Одинокой, беспомощной, ни к чему не способной старухой. Ей вослед кричали, что завтра ждут, толковали, что и впрямь ни одна, даже самая известная, пророчица ничего о собственном будущем не знает, а колдунья самой себе ничего наворожить не может и сие всем известно.

«Конечно, обманывать других куда легче, чем самого себя», — думала Алеся, скрываясь за оградой базара и прячась за кустами и домами от возможных преследователей. О ней сейчас все забудут, как о любой, случайно прошедшей мимо чужой старухе. Плохо, если слухи о ней успели распространиться среди тех, кто ее не видел — ведь рассказы о ней, услышанные от других, не забываются. Стираются из памяти только те события, что напрямую связаны с личным общением.

Глава 9. Короткий путь к богатству

За ней действительно пытались проследить: несколько мужчин, включая рыжебородого Климентия, шагали за ней. Когда Алеся оборачивалась, горе преследователи суетливо утыкались носами в витрины лавок, начинали что-то говорить друг другу, упорно делая вид, что и не думали кого-то выслеживать. Алеся злилась: она хотела есть, хотела скинуть с себя кучу пропотевших тряпок, хотела вернуться к своему пристанищу без кучи соглядатаев за спиной.

Увидев рекламу таверны, предлагающую «сытные обеды по цене три тогроха», она решила пожертвовать часть заработанного на решение первоочередных задач. Да, купить на базаре продукты и приготовить все самой вышло бы дешевле, но разок можно и шикануть, тем более что печь в доме у нее вряд ли получится растопить (да и чем растапливать — ни дров, ни спичек нет), а электроплит тут еще не изобрели.

Алеся уверенно вошла в таверну и уселась за столик в уголке. Подошедшей к ней девушке-подавальщице сказала:

— Полный обед.

— Чем платить будешь, старая? — неприязненно спросила девица.

Алеся вытащила горсть медяков, продемонстрировала. Лицо девицы подобрело, она кивнула, собираясь отойти. Алеся придержала ее, заметив в дверях мужиков с рынка:

— Девушка, где у вас уборная?

— Всё во дворе, — махнула девица на деревянные узкие домики, выстроившиеся в ряд во внутреннем дворике, куда выходило несколько дальних окон. Там же стояли и «рукомойники»: бадьи с водой, тазами и ковшами.

Когда спустя пять минут Алеся вышла из места уединения, мужики с рынка уже спокойно обедали, не обращая на нее ни малейшего внимания. Облегченно выдохнув и как следует умывшись нагретой на солнце водой, Алеся повторила свой заказ и отдала должное мясному супу, рыбе, запеченной с рисом, салату из свежих овощей и компоту со сладкой булочкой.

— Старая и дряхлая, а жрёт, как мой муж после смены, — бубнила подавальщица своей напарнице. — Глаз с нее не своди, а то сбежит не расплатившись, знаем мы таких нищенок.

Алесе некогда было выслушивать их бубнение. От сытного обеда в голове прояснилось, настроение поднялось. Афера с ворожкой принесла ей один рох и девять грохов чистой прибыли. Начальный капитал имелся, стоило подумать, как его использовать. Здесь рабочий человек мог содержать многодетную семью на один рох в месяц, так что капитал у Алеси был не так чтобы сильно маленький.

Выйдя из таверны, она первым делом направилась в лавку портного. Продemonстрировав хозяину наличие у нее серебряного гроха, она объяснила суть проблемы:

— Внучок на днях приезжает, хочет в городе работу поискать, так наряд бы ему какой получше, чтобы деревенским увальнем не выглядел. — Она добавила в голос просительных ноток: — Помогите старухе, милость, доброе дело всегда зачтется.

Портной хмыкнул, но помочь не отказался.

Купленный Алесей мужской костюм заметно отличался от деревенского варианта: ткань рубахи была выбелена и более мягкая, с меньшим количеством мелких узелков — соткана на промышленном станке, а не домашнем. К ней прилагались прямые брюки, а не шаровары, как на сельских парнях, и жилетка из тонкой кожи. Из такой же кожи была кепка, а купленные в соседней лавке летние легкие ботинки — из более плотной замши. Сапожнику пришлось соврать, что вымышленный внучок еще малый пацан и ботинки ему в подарок на день рождения покупаются, иначе трудно было бы объяснить, как у взрослого парня может быть тридцать пятый размер обуви.

Неся мешок с покупками в одной руке и бумажный кулек с пирожками на ужин — в другой, Алеся направлялась к своему пристанищу.

«Деньги в кармане меняют походку сильнее высоких каблуков. Нога сразу идет от бедра, шаг становится уверенней, голова приподнимается, но нельзя забывать, что я пока — слабая хромая старуха, — одергивала себя повеселевшая Алеся. На углу она купила глиняный кувшин свежего молока, чуть дальше в очередной лавке — кусок ароматного мыла и пушистое полотенце. — Когда есть деньги, как-то легче согласиться, что не в них счастье».

Под видом кряхтящей старухи она натаскала воды из общего для всей улицы колодца, подождала,

пока та согрелась под лучами летнего жаркого солнца, светящего в окно маленькой ванной, и с удовольствием вымылась цветочным мылом, от которого даже волосы стали мягкими и пушистыми. Завернувшись в новое полотенце, она сидела на кровати и обдумывала планы на будущее, шуря на закатное солнце, пробивавшееся сквозь пыльную старую тюль на окнах, поедая пирожки и запивая их вкусным домашним молоком. Да, надо уметь находить счастье в малом.

Уже стемнело, когда Алеся взялась примерять купленный в магазине мужской костюм. Задвинув под кровать осточертевшие зимние ботинки, она чуть не застонала от блаженства, обув легкие кожаные туфли. Весь наряд сидел, как влитой, а жилетка хорошо прикрывала грудь, для надежности перевязанную длинным полотняным шарфом, делавшим торс гладким и абсолютно мужским.

«Очень симпатичный паренек получился, сама бы к такому присмотрелась», — посмеялась Алеся.

Попробовать выйти на улицу? Район тут неблагополучный, окраинный, прилично одетого парня запросто прирежут ночью могут, просто чтобы не мешал свои карманы обыскивать. Под окнами промелькнули чьи-то фигуры и Алеся выглянула за занавеску. Мальчишки-подростки рассовывали под двери бумажные листки. Ее дом обошли — знали, что не жилой. Что это они разносят? Из-под двери напротив торчал край листка, который пока не заметили хозяева дома. Алеся решила и прошмыгнула на улицу, выхватила листок и скрылась в своем доме.

Это был газетный листок, причем газеты подпольной, нелегальной, так как официальная пресса не распространялась бы на ночь глядя и не позволила бы себе такой заголовок:

«ХЛАДНОКРОВНЫЙ УБИЙЦА УПРАВЛЯЕТ СЫСКОМ!»

Весь первый оборот одинарного листка занимала статья, посвященная иру Хальеру:

«Как платит наша империя за возвращение на престол династии Ламокков? Ни для кого не секрет, что глава тайной канцелярии возвысился до своего нынешнего положения после того, как на окровавленных копьях поднял к трону нового императора. Сейчас очевидно, что наградой ему стало пожизненное дозволение убивать людей ради пополнения своего магического резерва.

Сомневаетесь? В этом легко убедиться! Хальер — маг, сильнейший в империи, который постоянно растрчивает свои магические силы, у всех на виду формируя многочисленные заклинания и превращая задержания преступников в фееричное шоу. Впрочем, преступников ли он задерживает? Но вернемся к прежнему вопросу, а именно: откуда берется вся эта магия, демонстрируемая для устрашения народа? Всем известно, что маги нашего мира могут восстанавливать свой резерв только за чужой счет. Хальер подпитывается дорогостоящими амулетами с иномирной магией? О, нет, он бережет свои денежки, зачем тратить на то, что можно высосать из юных дев совершенно бесплатно! Книга учета расходуемых амулетов подтверждает этот вывод: магия Хальера пополняется иным путем. Каким? Вспомним о более пяти десятков погубленных девушек по всей стране, чьи убийства так и не раскрыты тайной канцелярией, и ответ станет очевиден.

Помните: только из стопроцентного человека невозможно вытянуть энергию жизни магическим путем и преобразовать ее в возделенную магию. Если же есть хоть маленький личный резерв, пусть даже полностью пустой — это порожнее вместилище для магии станет той дверцей, что откроет сильному магу путь к жизням ваших детей. Задумайтесь: для чего тайная канцелярия с упорством дикого вепря регистрирует всех выявленных людей с пустыми резервами?»

В этом месте Алеся оторвалась от листка и задумалась над прочитанным. Жизнь из нее маг «выпить» не сможет? Приятно, что она в любом случае натянет ищейкам нос, оставив их без магического подарка, но оптимизма этот факт не добавлял: есть тысячи способов убить человека без применения магии. За что? Хотя бы за то, что беглая «магиня» не оправдала возложенных на ее магический потенциал надежд и потраченных на ее поимку средства.

Снова уткнувшись в листок, Алеся прочла:

«И мы предупреждаем свой народ: берегитесь! Скрывайте детей, у которых проявились магические способности, или они станут кормом для главы тайной канцелярии. Скрывайте детей с пустым личным резервом: иначе их тоже вскоре «выпьют до дна» или из них сделают ищеек, которые будут травить своих же! Списки «пустых» магов у Хальера — это списки смертников или будущих предателей своего народа!»

Дальше в том же духе. Ир Хальер играл тут роль мирового зла. При его должности и устрашающей внешности это не удивляло. Алеся больше всего заинтересовал абзац, посвященный тяжелой участи иномирных магов и призывавший объединиться и помочь «братьям своим иномирным». Автор статьи разглагольствовал на тему, что если народ воспрянет духом, возьмет оружие и освободит рабов Греблина, то те в свою очередь помогут свергнуть зажавшихся рейтов с

императором во главе и прийти к власти честным людям, труженикам.

«Ну-ну, ярые приверженцы Маркса и Ленина в этот мир сбежать успели? Но мне стоит задуматься над вопросом: враг моего врага — мой друг?»

Алеся перевернула листок. На обороте было много мелких лозунгов, в том числе призыв помогать беглой магине, чтобы спасти «невинную душу» от когтей сыскарей и направить ее к ним, подпольщикам, для совместной продуктивной работы на благо народа. И тут же этот народ уговаривали не бояться необученных иномирных магов, уверяли, что сведения об их особой опасности распространяются специально, чтобы разделить народ и их иномирных товарищей.

Алеся припомнила сельского парня, с ужасом улепетывавшего от нее, и скептически отнеслась к эффективности этих уговоров. Собственно, будь она в самом деле магом, не умеющим управляться со своими силами, то искренне согласилась бы, что может представлять опасность. Как в песне: «сделать хотел грозу, а получил козу... сделать хотел уют — слон получился вдруг». Захочет такой недоучка-маг выстиранную одежду ветерком высушить — и поднимет тайфун, который разметает в щепки все дома в деревне.

М-да, но она-то не маг, хоть ищейки травят ее, как опасного преступника рецидивиста, а если поймут, то исход один: как поймут, что магической батарейки из нее не выйдет, так и отправят на тот свет. И даже если помилуют, то тратить дорогостоящую магию на открытие межмирового портала для ее возвращения домой тоже никто не будет, это абсолютно ясно. Так что задача остается прежней: скрываться и выживать, не рассчитывая на чужую помощь.

На следующее утро на базар пришел молоденький худенький городской паренек с любопытными, внимательно зыркающими по сторонам синими глазами. Он потолкался у прилавков со снедью, купил пирогов с капустой и яблочного сидра, с дельным видом потолковал с мужиками, поглазел на цыган, обошел по кругу весь базар и вышел на улицу, присев в тенечке.

Новости были плохими: слухи о вчерашней ворожее задержались в памяти людей: весь базар толковал о том, что «я лично старуху не видел, но вот мой знакомый слышал...». Дошли слухи и до цыган: их группа сегодня была гораздо многочисленней, стояли они у всех выходов и многозначительно подкидывали на ладонях небольшие дубинки. Похоже, местная братва намерена прикрыть ее ворожейный бизнес.

«Ничего, русских так легко на испуг не возьмешь, мы в любой цепи питания найдем свое теплое местечко среди матёрых хищников», — пообещала Алеся и цыганам и ищейкам, которые тоже рыскали по базару, записывая немногие слухи о вчерашней ворожее. Примечательно, что под влиянием всеобщего интереса и ожидания возвращения старухи-ворожее слухи разрастались и разрастались, пока до ушей Алеся не донеслась байка про то, как она исцеляла слепцов за один тогрок и прямо на базаре женила богатого рейта на простой селянке.

Словом, законы сплетен везде одинаковы. Алеся посмотрела, как сотрудник сыска записывает невероятные рассказы, и даже чуток пожалела ира Хальера, которому придется разбираться в этой фантазмагории чужого воспаленного воображения и желания блеснуть осведомленностью перед соседями по лавке.

Дело было ясное, что дело темное надо менять. Алеся погрелась на солнышке, мысленно пересчитала оставшиеся финансы и тронулась в долгий путь по новым лавкам: мужики на базаре заверили ее, что никакого разрешения на торговлю не требуется, просто раз в день по всем базарам и рынкам проходят сборщики налогов и собирают со всех платежи, размер которых определяется величиной лавки или палатки, а также ассортиментом товара. С цыган тоже берут мзду, но тут мужики затруднились назвать критерии назначения налога, сказав лишь:

— Откупаются как-то, сколько им скажут — столько и дают. Как прижмут посильнее — переходят на другой базар.

— А чем-то новым торговать не возбраняется? — уточнила Алеся.

— Каким новым, парень? — удивленно глянули мужики. — Из дальних стран товар везешь? Смотри, обдерут тебя как липку, как только большие деньги заподозрят, а так — чем хошь, тем и торгуй. Мы, торговцы, люди вольные!

«Мы, попаданки, еще вольнее. Нам нечего терять, кроме шанса вернуться домой». Алеся решительно покупала небольшой алый шатер для торговли, горячо надеясь, что ее сегодняшние капиталовложения с лихвой окупятся. А тот, кто имеет много денег, имеет много возможностей реализовать свои планы. Даже самые сложные планы — оплатить портал в свой родной мир и забыть об ищейках и Хальере. И самые героические планы: разузнать, что почем в этом мире-паразите, воруящем иномирцев, и спасти ребят-землян, которых затащили сюда вместе с ней.

Из семи рынков и базаров, расположенных в срединной части города, где обитали не богатые, но и не нищие слои населения, Алеся выбрала самый длинный и имеющий небольшие, отделенные от остального базара узкими проулками закутки. В таких закутках располагались закусочные на свежем воздухе, позволявшие торговцам отдохнуть от суеты базара, лавки, в которых из-под полы торговали незаконным товаром, и закрытые беседки, в которых можно было уединиться со «жрицами любви», промышлявшими на этом большом, многолюдном базаре, охотясь на торговцев, приехавших издалека.

В официально выделенном ей закутке (что подтверждалось гербовой бумагой с печатью), за который Алеся уплатила полновесный грох за единственный день, она установила свой шатер, после чего забралась в него, откинула заднюю стенку и осторожно оторвала ломиком доску ограды базара, обеспечивая себе путь бегства в случае осложнений с «бизнесом».

— Пуганую лису легко не схватишь, — пыхтела Алеся, пробираясь в пролом и осматривая крутой и заросший берег городской речки, на котором оказалась. — Так, верно я все вчера вечером разглядела, если собак пустят — по воде сбегу, прошлый опыт я запомнила.

Она убедилась, что купленный вчера у мальчишек самодельный плот, обошедшийся ей в смехотворно маленькую сумму, надежно спрятан под густыми ветвями местного аналога ивы, и вернулась в шатер, прислонив доску к прежнему месту, чтобы не заметно было, что она отломана от ограды. Итак, плацдарм готов, пора приниматься за работу. Первым делом идем нанимать стражника, чтобы цыган и мелких уголовных элементов не бояться, да чтобы бдительность народа притупить: когда у шатра с суровым видом стоит знакомый постовой, то доверия к торговцу куда больше.

Как и говорили мужики, в двухэтажном доме службе охраны правопорядка Алесе без проблем выделили стражника в форме и при оружии для охраны «торговой точки». Стоила охрана еще один грох, похоже, тут на все дополнительные услуги для купцов одна такса. Сидящий в той же большой приемной комнате работник местной налоговой инспекции (сборщик податей, как говорили тут) заинтересованно спросил:

— Чем-то дорогостоящим торговать собираетесь? Тогда имперский платеж побольше обычного будет.

— Я собираюсь торговать лотерейными бочонками, — ответила Алеся и чуть не ахнула: слово «лотерейными» прозвучало резко, непривычно, оставив кисловатый привкус во рту — она произнесла слово по-русски, без перевода на местный язык, так как в словаре этого мира аналогов такому слову не нашлось.

Алесею прошиб холодный пот, она обругала себя последними словами. Кто ей мешал раньше, наедине с собой произнести «лотерея» или придумать другое название?!

— Чем?! — даже привстал этот сухопарый прохвост с лисьим личиком.

— Приходите — увидите, — пригласила Алеся, срочно формируя на лице самоуверенное выражение.

— Приду, не сомневайтесь, это моя прямая обязанность — проверять, кто чем торгует, качественным ли товаром торгует и не дурит ли народ, — веско ответил налоговый.

Алеся невинно округлила глаза: дескать, и в мыслях не держала кого-то дурить, как вы могли подумать такое про молодого бесхитростного парня? У самой же в голове пронеслась мысль: «Ух, прокатило...» Чего она так взволновалась по пустякам? Даже хорошо, что слово новое, интригующее — больше народу явится глянуть на небывалое развлечение.

— Вы стражнику предписание охранять мой шатер с лотереей на бумаге напишите, — потребовала Алеся.

— Да он и так свое дело не забудет, — попробовал отмахнуться начальник базарной стражи.

Алеся смекнула, что такие направления выдаются на подотчетных бланках, а так: нет бумажки — нет заказа, и полученные денежки можно разделить между собой и положить их в свой карман, а не в государственный. Алеся посочувствовала начальнику, но с бумагой уперлась, так что он волею-неволей выдал подчиненному направление на работу, оформленное по всем правилам.

— Впервые в нашем городе популярнейшая игра: лотерея! — кричали босоногие мальчишки, нанятые за тогрох полчаса бегать по базару, скликаая людей. Платила им не сама Алеся, она попросила договориться с мальчишками негласного «смотрителя рынка», живописного нищего,

сидевшего у центрального входа. Тот за три минуты успел исполнить ее просьбу, а дальнейшее Алесю уже не волновало: мальчишки, получив по монете, с азартом бегали, указывая на ее закуток.

На слово «игра» повелись многие и возле шатра Алеси мигом собралась приличная толпа, глазающая на покрытый зеленым сукном столик у шатра, большую коробку шоколадных пряников на нем (не самая дешевая сладость в этом мире), блестящее металлическое блюдо и две квадратные банки из толстого синеватого стекла. В одной банке до половины были насыпаны медяки, среди которых тут и там заманчиво поблескивали серебряные квадратики (все остатки вчерашнего заработка после размена роха на пятнадцать серебряных монет), на ней была крышка с прорезью для опускания монет. Вторая банка стояла пустой с круглым отверстием в крышке.

Самого большого внимания удостаивался большой плакат на двери шатра, на котором крупными буквами было написано:

Первый приз — один рох!

Второй приз — 10 грохов

Третий приз — 9 грохов

И так далее до одиннадцатого пункта в один грох, а в конце приписка: двадцать дополнительных призов по десять тогрохов и еще двадцать утешительных призов — пряник в шоколаде.

Люди таращились на красочную надпись на шатре: «Лотерея», на стражника, стоявшего с воинственным видом, бдительно наблюдая за толкущимся людом. Алеся порадовалась, что догадалась нанять охрану, а то слишком уж заинтересованно некоторые личности переводили взгляд с нее (слабого безусого «юнца») на банку с монетами. Если бы не бравый стражник с саженым разворотом плеч при мече и в форме, демонстрирующий намерение на полную катушку отработать уплаченный ему грох, то лотерея могла бы завершиться не начавшись. Стражника в толпе узнавали, спрашивали:

— Керим, что за лотерея-то, а?

— Не мое дело знать, мое дело за порядком и законностью следить, — величаво отвечал стражник, поглаживая окладистую бородку. — Юноша издалека приехал, новинку привез, сейчас все сам расскажет.

Прикинув, что народ уже готов быть околпаченным и потенциальных жертв набралось довольно, Алеся зычным голосом принялась объяснять:

— Дорогие жители прекрасного города Кресси! Поздравляю — популярнейшая современная игра лотерея теперь пришла и в ваш город! Кто желает испытать счастье и вмиг разбогатеть — милости прошу! Правила просты: за пять тогрохов вы покупаете один из ста деревянных бочонков, записываете свое имя и номер на этом листе и кидаете бочонок в пустую банку. После чего не уходите, а стойте рядом и ждете розыгрыша, который состоится буквально через четверть часа, как только все желающие участвовать купят по бочонку или даже несколько бочонков, но не более трех в одни руки.

Бочонки с номерами входили в комплект простого лото, аналогичного земному русскому лото, но имевшего сто бочонков вместо девяноста. Алеся вчера купила два таких лото и принесла в шатер два мешочка с бочонками. Да, она надеялась, что лотерея будет иметь успех, а пока продолжала рекламную агитацию:

— Посмотрите на количество призов: ваши шансы выиграть больше, чем один к одному! Даже самый маленький денежный приз в два раза больше, чем вы платите за бочонок! Ухвати удачу за хвост! Игра очень проста: кинь бочонок в сосуд для розыгрыша, подожди и увидишь, как мои руки вытряхнут твой бочонок первым! Первый выпавший номер получит целый рох! Смотрите, как все просто!

Алеся провела наглядную демонстрацию: водрузила на столик холщовый мешочек с маленькими деревянными бочонками, под шепотки толпы развязала завязки, с самым сосредоточенным видом порылась в нем, вытащила один бочонок, кинула в пустую банку через дырку в крышке. Потом обернула эту банку темной непрозрачной тканью с золотой вышивкой, потрясла ее, перевернула над блюдом. Через отверстие в ткани выпал этот одинокий бочонок и звонко застучал по металлу. Алеся провозгласила:

— Первый бочонок: номер восемнадцать. Выигрыш один рох! Имя победителя...

Она сделала эффектную паузу и продемонстрировала толпе пустой белый лист:

— Имя победителя вы впишите в этот лист сами! Желаю всем победы в игре!

Толпа загудела. Посыпались вопросы:

— Можно ли заглядывать в мешок, когда выбираешь бочонок?

Алеся не поняла, в чем смысл тащить какой-то определенный номер, если всё решает слепой случай, но сурово ответила:

— Нет.

И народ одобрительно загудел, приговаривая:

— Нечего хитрить, наугад все тянем! Не больше трех в одни руки, помните?!

— Можно ли играть детям? — это спросил толстенький барчонок, державший за руку своего гувернера.

— Нет, — еще суровей ответила Алеся и тут даже стражник одобрительно кивнул.

Желающих играть оказалось много, все сто бочонков ушли влёт, на две трети заполнив пустую банку для розыгрыша. Первая банка с монетами наполнилась доверху и дополнительная, вытащенная Алесей из-под столика, тоже набилась монетками почти всклень. Два листа с двух сторон были испещрены именами участников, все с нетерпением ждали розыгрыша, с вождением поглядывая на полные «кассы лотереи». Алеся торжественно обернула банку с бочонками непрозрачной тканью, народ замолк, раскрыв рты, и тут случилась небольшая неприятность...

Ведущий лотереи поперхнулся, закашлялся так, что слезы из глаз хлынули (да-да, жгучий перец — верное средство), заполошно замахал руками, пытаясь отдышаться, и еле выговорил:

— Извините, сейчас, воды глотну...

Ведущий накинул на обе банки-кассы такую же непрозрачную ткань, листы с именами участников розыгрыша сунул под сукно и сделал знак стражнику, чтобы тот бдительно охранял все имущество, прохрипев:

— Списки... деньги...

— Да понял, никто лишнего не впишет и деньги не украдет, — заверил стражник, становясь перед столом и кладя руку на меч. Народ тоже уставился на закрытый тканью столик не отводя взглядов, дожидаясь, пока скрывшийся в шатре ведущий напьется воды и придет в себя.

Три минуты прошли в тягостном молчаливом ожидании.

— Так что, объяснит нам кто, что это за лотерея такая? — спросил в итоге один из мужиков, застывших в первых рядах, почесывая затылок.

Стражник тоже ошеломленно моргнул, уставился на бумагу в своей руке, предписывающую ему охранять шатер с лотереей и сказал:

— Мое дело маленькое: стоять и охранять.

Алеся утерла полотенцем умытое лицо, надвинула крепче кепку и вышла со словами:

— Лотерея начнется ближе к обеду, тогда все и объясню. Приходите через три часа!

Толпа недовольно погудела и рассосалась. Алеся, так и не снимая с банок ткани, унесла реквизит и деньги в шатер. Стражник остался стоять, в очередной раз перечитывая свое направление на работу, а Алеся задним ходом втихоря пошла менять пятьсот тогрохов на серебро и один золотой, да хотела пообедать в таверне — она теперь девушка, то есть парень, богатый. Она не решилась сразу провести второй розыгрыш, ведь тогда люди достали бы кошельки и большинство заметили бы недостачу монет. А когда сто человек сразу обнаруживают, что денег в кошельке оказалось меньше, чем они рассчитывали увидеть, то ситуация может стать взрывоопасной... А так эти люди разошлись, небольшую недостачу обнаружат не сразу и уже точно не свяжут ее с лотерей. В обед же на рынке соберутся новые покупатели.

Перед началом второго розыгрыша на столе заманчиво поблескивала банка, наполненная уже одним серебром, а при демонстрации, как проходит игра, Алеся еще и золотой рох в пальцах покрутила, так что обеденная лотерея должна была пройти в два этапа: были раскуплены два мешка бочонков. То, что розыгрыш так и не состоялся, люди не вспомнили, а вечером столь же успешно прошел третий этап иномирной аферы.

Чистая прибыль, подсчитанная перед закрытием базара, составила две с половиной тысячи тогрохов, то есть одиннадцать полновесных золотых рохов, полученных в обменной лавке, рох и 10

тогров. Плюс, остались вчерашние деньги, что не были потрачены на подготовку лотереи.

Ах, да, еще и коробка пряников в шоколаде осталась! Ум-ммм, вкуснотища!

Глава 10. Вечерние посиделки главы тайной канцелярии

Полное имя главы тайной канцелярии было Коул Хальер, хоть мало кто произносил вслух его первое, личное имя. Имение Хальера было на удивление небольшим, далеко не таким, как положено имению ира, и досталось ему сравнительно недавно: пятнадцать лет назад, в награду за заслуги перед Отечеством. Бывать в своем имении Хальеру доводилось нечасто: слишком много обязанностей было возложено на возглавляемую им службу, что вынуждало его постоянно жить в столичном доме, в непосредственной близости к дворцу. Правда, еще чаще он жил в самом дворце: иру Хальеру там на постоянной основе были выделены богатые трехкомнатные апартаменты плюс личный кабинет с отдельным входом.

Если бы Алеся могла сравнить тайную канцелярию Велейской империи со службами России, то сказала бы, что она объединяет в себе не только ищеек (полицию), охотников на иномирных магов (отряды специального назначения), но и всю службу МВД, ФСБ, судебную систему, тюрьмы, внешнюю разведку и контрразведку, погранвойска. Кроме того, тайной канцелярии были подотчетны и другие ведомства: службы сборщиков податей (налоговая инспекция), охраны и платежей в казну при внешней торговле (таможня), а также все общественные службы и институты, связанные с магами и магией: производство и распространение амулетов, магический университет, учет всех магов империи, как с пустым, так и с имеющимся в наличии личным резервом магии, и в отдельном порядке — классы обучения магии при школах.

Обучение магии было обязательно для всех, кто имел хоть мизерный и пустой, но все-таки магический резерв. Ведь этот резерв можно пополнить с помощью амулета, а тогда возникает насущная необходимость уметь хоть как-то управляться с магией. Давно были созданы средства и разработаны методы определения характера магических способностей пустого мага, а для того, чтобы он мог тренировать свои магические способности, школам выделялись из казны средства для закупки амулетов-накопителей, позволявших обучающимся хоть в малой мере ощутить себя настоящими магами, а не пустышками, и научиться контролировать свои силы и управлять ими.

Очевидно, что у императора был свой резон в таком бесплатном обязательном обучении: большой запас амулетов-накопителей магии всегда лежал в сокровищнице и в случае внешних военных угроз или масштабных стихийных бедствий достаточно было напитать магией тысячи магов-«пустышек» и мигом получить сильную армию обученных магов, способных справиться с чем угодно. Более полное магическое образование, подкрепленное теорией магии, было доступно только богатым рейтам и получить его можно было только в Греблине, где никогда не было недостатка в магии...

Поздним вечером Хальер сидел в своем рабочем кабинете во дворце, просматривая последние отчеты о регистрации людей с магическим резервом, и хмурился, замечая, что количество новых зарегистрированных заметно падает год от года. Вряд ли дело было в том, что пустых магов стало рождаться меньше. Чертовы подпольщики!

— Надо, срочно надо принять закон об обязательной проверке магического резерва у всех детей и регистрации потенциальных магов, прописав в нем строгое наказание за укрывательство и уклонение от проверок! — зло бормотал Хальер, размышляя, как получить одобрение рейтната на внедрение этого закона.

Рейтнатом в Велейской империи назывался орган власти, собрание видных землевладельцев государства, в чем-то аналогичное боярской думе. Рейтнат был не только консультативным и совещательным органом при императоре, но и структурой, обладающей властью: император не мог принять самолично ни один закон — ему требовалось одобрение рейтната. С другой стороны, сам рейтнат также не мог принимать законы — требовалось соизволение императора.

Раздался стук в дверь и Хальер распахнул ее потоком воздуха, разрешая войти.

— Добрый вечер, ир, — сказал Лоурес. — О чем вы размышляете с таким мрачным видом?

— Что последняя попытка переворота лишила страну идеальной структуры авторитарной императорской диктатуры и сейчас мы все вынуждены плясать под дудку ленивых трусливых остолопов, собранных в рейтнат.

Лоурес пожал плечами — он был далек от философии власти и не углублялся в политику достаточно глубоко, чтобы уметь отличить авторитаризм от полной анархии.

— Я пришел сообщить, что увеличения числа подпольно продаваемых амулетов не замечено. Черный рынок магии пополняется обычным путем: стражники, получившие амулеты для какого-либо дела, их воруют и списывают, как использованные, сдавая обратно в контору пустые, полученные в подпольной лавке вместо полных. Ищейки тем же промышляют: им ведь часто пополняют личные резервы, когда отправляют на дежурство или захват преступников, так они остатки магии потом сливают на черном рынке в амулеты-накопители. Лишняя копейка никому карман не тянет. В процессе проверок поймали кое-кого за руку, пришлось где-то уволить, где-то

строгое предупреждение вынести, но следов действий беглой магини не выявлено.

Хальер откинулся в кресле, переключаясь на новую задачу. Сложил ладони перед собой, постучал пальцами.

— Не гордая, значит... Или слишком умная... На виду ей держаться опасно, так что в таверны подавальщицей точно не пошла. Хорошо, отправь рейд по всем богатым домам — пусть выяснят у управляющих, не нанимались ли к ним служанки или слуги, пришедшие со стороны и без письменных рекомендаций от прежних хозяев. И проинструктируй, что если рекомендации есть, то им обязательно нужно увидеть их собственными глазами — мало ли что менталист человеку внушить может, а бумажка завсегда останется.

— Будет сделано.

— Пустующие дома проверяют?

— Да, центральные районы еще вчера обошли, но там пустующих домов мало, сейчас заканчиваем обход средней части города. Дальше всего провозимся с окраинами — там старых развалюх, что лягушек на болоте.

— Сообщений о крупных кражах или утере больших сумм денег из Кресси не поступало?

— Нет. Полагаете, она успела переквалифицироваться в воровку?

— Я не полагаю, я точно знаю, что она — маг-менталист и запросто может приказать любому отдать ей свой кошелек и забыть об этом. Соответственно, человек впоследствии будет думать, что его втихаря обокрали на улице или он обронил кошелек.

— Я еще раз уточню этот вопрос, но про воровство размером больше пяти грохов сразу сообщают в центральное отделение сыска и оно автоматически заносится в общий каталог. Вы же сами ввели это правило.

— Правила частенько выполняют спустя рукава. Вряд ли она ночует на улице — ночные патрульные давно бы ее обнаружили, на пустых улицах она бы слишком бросалась в глаза. Да, и еще одно...

Он закопался в бумагах на столе и протянул один листок первому дознавателю:

— Я набросал небольшое обращение к жителям Кресси, надо развесить его на всех улицах города. Также надо поставить на контроль все таверны в Кресси.

Хальер не успел развить последнюю мысль и дать четкие инструкции: у него запищал амулет магической связи.

— Слушаю вас, сир, — сказал он в амулет.

— Я так и думал, что ты еще работаешь: голос у тебя слишком бодрый для спящего. Будь добр, зайди ко мне прямо сейчас, а то с утра опять нас обоих вихрь дел закрутит.

— Да, сир.

Хальер встал, рассовал по карманам амулеты экстренных вызовов, амулет связи и сказал:

— Сами подумайте, как поставить на контроль городские таверны, чтобы они не проморгали магиню, и сделайте это в максимально короткие сроки, как говорится: желательно еще вчера.

— Да, ир, мигом сделаем.

Покои императора располагались в том же крыле, что и комнаты Хальера. Император Адис Ламокк ожидал главу своей тайной канцелярии, расслабленно сидя в глубоком кресле. Его темно-русые, изрядно поседевшие волосы были зачесаны назад, открывая высокий лоб и густые брови. Широкий нос, глубоко посаженные пронзительные серые глаза и квадратный подбородок придавали ему вид упрямого человека, которого трудно свернуть с выбранного пути, что, в принципе, соответствовало характеру императора Велейской империи. Он уже сменил парчовый наряд на удобные мягкие брюки и рубашку с широким воротом. Смотря на играющий в камине огонь, император вспоминал последние годы своей жизни. И жизни страны, которая резко изменилась после кровавого восстания двадцать лет назад. Если точнее — с того времени прошло уже двадцать два года...

Тогда подпольным бунтовщикам удалось выбраться на свет и развернуть войну за власть. Вся семья прежнего императора была убита, даже младшей трехлетней принцессе отрубили голову прямо в ее кровати. Отец Адиса был кузеном императора и тоже был убит вместе с женой во дворце, куда они

приехали на большой бал, а оказалось — на большую кровавую расправу. Тридцатилетний Адис тогда только начал выздоравливать от тяжелой лихорадки, которую целителям еле-еле удалось победить и спасти его жизнь, так что он остался с беременной женой и маленьким сыном в родовом поместье, где чудом выжил, прячась от собственных озверевших крестьян. После болезни его личный магический резерв был на нуле, а восстановить его не было возможности: бунтовщики в самом начале захватили амулетохранилище их семьи. Потом — несколько лет крови, подавление бунта, восшествие на престол, так как более близких родственников у прежнего императора не осталось. Необходимость пойти на уступки и щедро поделиться властью с богатыми рейтами.

А потом долгий процесс восстановления страны из руин — последствий бунта недовольных... То трудное время крепко спаяло его случайную дружбу с Хальером, зародившуюся, когда молодой, не до конца обученный и незнакомый тогда Адису маг прикрывал маскирующими и отвлекающими чарами его жену и сына, пока сами мужчины спиной к спине крушили лесную банду — одну из тех, что миглом формировались в то лихое время. Хальер действовал магией, умудряясь и от женщины с ребенком враждебные взгляды и удары отводить, и машущему мечом Адису помогать. Адису очень повезло, что он наткнулся на Хальера, когда бежал с семьей из родового поместья: без его помощи они с женой и сыном не выжили бы в том кошмаре, что творился тогда в стране.

Они потом так и работали вместе, все двадцать два года вместе. И император был единственным, кто знал всю подноготную своего верного друга.

— Вы позволите, сир? — раздался от двери голос Хальера.

— Входи, Коул, можешь отставить «сиров», здесь только мы, — проворчал император.

— О, как в старое недоброе время, — усмехнулся Хальер, самостоятельно накладывая себе с императорского стола бутербродов на тарелку и наливая чай.

Он уселся во второе кресло у камина и не спеша принялся за поздний ужин.

— Императрица заверяет, что мы погубим свои желудки так, что никакой целитель не поможет, если продолжим каждую ночь есть сухомятку и работать, — предупредил друга Адис.

— Твоя жена всегда была исключительно умной и заботливой женщиной, — с теплотой отозвался Хальер об императрице. — Как ее собственное здоровье?

— Отлично. Кларисса говорит, что после того времени, когда мы ночевали в лесу и в стогах сена, а потом годами жили в военном лагере, ей ничто не страшно и никакие хвори ее не берут. Да и сыновья ее радуют, младший даже сейчас, во взрывном юношеском возрасте, проявляет к матери повышенное внимание и заботу.

— Да, с сыновьями тебе повезло, — согласился Хальер, помешивая сахар в чае. — Леван в свои двадцать два года еще не избавился от всяческих глупостей в голове, но парень он добрый, прямодушный и честный, что важнее многого другого. Нам с тобой жизнь не оставила шансов быть такими же.

— Верно сказано — не оставила... **Имир** говорит, что он хорошо помнит тот день, когда мы бежали из горящего поместья, и наши скитания тоже помнит, — вздохнул император.

— Это вряд ли, скорее он помнит рассказы о том. Сколько ему тогда было? Четыре года? Не, не помнит.

— Как знать, страшные события врезаются в память как ничто другое, даже в память детскую.

— Это верно, — резко помрачнел Хальер. — У нас сегодня тихий вечер воспоминаний или у тебя дело какое ко мне?

Адис поморщился, дождался, когда Хальер отнесет на стол пустую тарелку и вернется в кресло, расслабленно откинувшись на спинку и смотря в огонь. Сказал неохотно:

— Мне доложили, что вблизи твоего поместья найдена еще одна мертвая девушка. Девушка, магически высушенная до дна.

— Еще одна, которую скрывали от сотрудников моего ведомства родители, начитавшиеся прокламаций подпольщиков. Девушка и ее родители сами виноваты: если бы зарегистрировали девушку, как мага, если бы в раннем детстве отвели бы ее на проверку наличия резерва, то убить девочку было бы куда труднее: она знала бы о магах и их возможностях не понаслышке, знала бы, как защищаться.

— От сильного опытного мага юной девушке защититься никак невозможно, а от тебя не защитится и бывалый маг, все это понимают, — покачал головой император. — За последние десять лет это

семнадцатый случай такой смерти в окрестностях твоих невеликих владений. В целом по стране их уже пятьдесят два за последнее десятилетие и... тела всегда обнаруживают в тех поселениях, рядом с которыми до того побывал ты. Народ начинает роптать.

Хальер напрягся, вскинул черные брови:

— Собираешься обвинить меня в убийствах?

— Ни в коем случае, — снова поморщился император, — никаких обвинений! Для себя я давно принял неоспоримую парадигму: «всё, что делает Коул, он делает для блага государства». Я веду к тому, что надо сочно найти виновного в этих смертях и прилюдно судить и казнить его, тогда стихнут неудобные толки.

— Мы ищем виновного, — отмахнулся Хальер.

— Коул, скажу прямо: просто искать уже мало, надо казнить убийцу. В тюрьмах полно мерзавцев, заслуживающих высшей меры. Приближенные лица меня уже прямо спрашивают, почему тайную канцелярию возглавляет человек, которого чуть ли не вся страна подозревает в смертях невинных девушек.

— Вся страна старательно забывает, что двадцать лет назад невинно убиенных было так много, что никто и не пробовал считать их или расследовать обстоятельства их гибели. Мы невероятными усилиями сумели навести в стране порядок и установить мирную жизнь, благодаря которой у всех и появилась возможность считать эти смерти. Я не требую изъяснений благодарности, я хочу спросить: сколько девушек были осушены неизвестными магами или просто до смерти замучены негодяями ДО последних десяти лет? Статистики просто нет, но очевидно, что нынешние пять десятков девиц — это капля в море в сравнении с числом погибших при бунте. А хуже всего — нет сведений по прежним смертям, которые могли бы пролить свет на эти убийства.

— Я знаю, но повторю: Коул, казни убийцу, а потом ищи кого вздумается, иначе все уже вслух заговорят о том, что ты подозрительно долго его ищешь.

— Вначале казни, потом найди — любопытная стратегия, — усмехнулся Коул.

— При подавлении бунта и не такое бывало.

— Да, но сейчас, смею напомнить, бунта нет. Если позже вскрыется подлог, то народ не просто заропщет, он может снова взяться за вилы.

— А каким образом подлог вскрыется? — с нарочитым удивлением спросил император. — Неужели ты теряешь свою знаменитую хватку? Беглую магину которые сутки безрезультатно ищут. Верно, что ты потребовал привести ее к тебе? — Император прищурился, с новым интересом окинув мага взглядом.

— Да. Возражаешь? Или пожадничать решил?

— Нет. Я помню наш уговор. С одной иномирной магии государство не обеднеет.

— Фи, как цинично ты высказываешься, *сир*.

— Кто бы говорил.

Глава 11. Ир Хальер выходит на след

Не подозревая о сгущающихся над ее головой тучах, Алеся второй день подряд занималась лотереей и с прежним ошеломительным успехом: три захода по двести проданных бочонков в каждом. Три тысячи тогрохов за день! У нее набралось уже двадцать четыре золотых, не считая серебра и меди. Если бы она хранила свой капитал в медяках, то такую тяжесть не могла бы носить с собой, а так золотые шестиугольники, убранные в потайной карман на поясе, не сильно тяготили ее. Совсем не сильно, наоборот — придавали ее походке легкость уверенного в своем будущем человека. Грохи с тогрохами, тихонько позвякивая в кармане при каждом шаге, тоже раздвигали губы в улыбке. Она независимая женщина, уже не нищенка! Она теперь коммерсант, у нее личный шатер на базаре имеется и она регулярно платит налоги: в дневной розыгрыш исправно являлся сборщик податей и забирал стандартный грох. Итого, она каждый день отстегивала три полновесных гроха местным властям: за место для шатра, за продаваемый товар и за стражника. Учитывая, что рабочий прядильного цеха получал меньше одного гроха в день, налоговые ставки для предпринимателей тут зашкаливали. Неплохо наживалась империя на гражданах.

Весело шагая в сумерках к своему покосившемуся пристанищу, Алеся привычно свернула к черному ходу, чтобы «не светить» лишний раз перед соседями обжитость брошенного дома, и замерла с поднятой ногой, не закончив очередной шаг.

Вывороченная ею задняя дверь опять висела на одной петле, а она ведь так старательно, слабыми женскими ручками прилаживала на место вторую петлю! Может, из нее вышел плохой плотник и дверь отвалилась сама?

Теперь Алеся двигалась осторожно, как по минному полю. Свежая грязь на вытоптанном крыльце, свежие вмятины на потрескавшейся двери — ее высадили ударом кулака. Не дыша, Алеся вслушалась в тишину дома. Кажется, никого. Заходить или это ловушка? Простояв за ветвистым деревом до полной темноты и не услышав ни звука из дома, не увидев ни одного силуэта в окне, она вошла.

Дом обыскивали, но явно не ищейки, а обычное мелкое ворье. Видно, слухи о том, что заметили тут бабу, таскающую воду, и молодого парня, успели дойти до ушей тех, кто саму Алеся с ведрами не видел. Украли новое полотенце, одежду селянки из шкафа и земные ботинки из-под кровати. Остальная земная одежда так и валялась в углу — воры не обратили внимания на грязный вонючий комок, а ей осталась эта память о доме.

«Ночевать здесь смертельно опасно — они могут вернуться в любой момент, ведь уже заметили признаки проживания здесь человека, причем — девушки, а это грозит мне ого-го какими жуткими последствиями, помимо потери всех денег, — думала Алеся, лихорадочно кидая в мешок земные грязные джинсы, футболку и свитер и выскакивая обратно на улицу. — Район проживания надо срочно менять! Деньги теперь есть, пока в приличной таверне поживу, поближе к центру».

Алеся даже не подозревала, как выручили ее случайные воры: на следующий день еще до рассвета в ее бывшем доме появились ищейки, отправленные обыскивать брошенные дома окраин, и ничего подозрительного уже не нашли. Сейчас же Алеся тихой тенью проскочила неблагополучные районы и спокойно выдохнула, выйдя на широкие улицы, освещенные газовыми фонарями. Направилась она к той таверне, в которой ей больше всего понравилась еда: необходимость три дня обедать и ужинать недалеко от базара помогла ей составить представление о качестве обслуживания в нескольких заведениях такого рода.

В таверне было малоллюдно: несколько посетителей мужчин распивали свое вечернее пиво, смачно хрустели чесночными гренками, вонзали зубы в толстые шматы белого сала на ржаном хлебе. Одна «ночная бабочка» скучала в углу, время от времени пытаясь навязать свое общество отдыхающим за пивом работагам, но те не проявляли интереса. А вот появление на пороге молодого синеглазого парнишки заставило обернуться всех.

Алеся вздернула нос и прошагала к стойке, на которую облокотился тучный хозяин.

— Хочу снять номер на ночь, — сказала она, твердо смотря в серые глазки хозяина.

Тот зевнул, почесал грудь и равнодушно ткнул пальцем в листок, прибитый к стене:

— Новая разнарядка из сыскного управления только сегодня пришла: всех одиноких постояльцев отправлять к менталисту за разрешительной бумагой на заселение. Говорят, они на всех постах городской стражи круглосуточно дежурят и в управлениях служб правопорядка тоже.

Хозяин опять зевнул, а Алеся в отчаянии огляделась. Девица облегченного поведения поощрительно улыбнулась, но промелькнувшую в голове Алеся идею зарубили на корню:

— Куртизанки не в счет, друзья-приятели тоже. Без проверок принимаем только семьи с детьми, —

пояснил хозяин таверны. — Читать умеешь? Сам глянь. Ты, как парень, можешь не у менталиста проверку пройти, а у любого стражника. Хошь, кликну постового — пусть он проверит, сколько сантиметров в тебе от парня и расписку мне в том официальную даст!

Мужики с пивом заржали над пошлой шуткой, хозяин — тоже.

— Тупые ищейки, нашли способ магию отыскать — со всех мужиков штаны поснимать! — дружно гоготали все. — Эй, хозяин, если я тут упьюсь до беспамятства, ты и с меня портки стянешь, прежде чем на лавке уложить? Ты тогда хоть девку какую мне под бок пришли — я еще разок докажу, что мужик, я — законопослушный человек!

Под общий хохот Алеся побагровела, вызвав новый вал насмешек теперь уже в свой адрес, и выскочила прочь с ругательствами, подслушанными на базаре. Чертыхаясь и понося ищеек на чем свет стоит, она рассталась с надеждой провести ночь с комфортом. Базар был заперт на ночь, но предусмотрительно оторванная от ограды доска позволила Алесе пробраться в свой шатер. Там, на холодной земле, чуть прикрытой тонким атласом, богатая попаданка и улеглась, прикрывшись длинным зеленым сукном, которым застилала днем лотерейный стол.

Долго вертясь на жестком ложе, она вспоминала свою квартиру и кошек. Несчастные голодные животные уже должны были поднять адский шум и вынудить соседей вызвать полицию. Те уже должны были вскрыть дверь и убедиться, что в квартире давно никого нет. Ее-то объявили в розыск, а с кошками что сделали? Отвезли в приют или выгнали на улицу, и те сейчас скитаются беспризорницами, как их хозяйка?

Увы, деньги решают не все проблемы. Точнее, если проблему можно решить с помощью денег, то это уже не проблема, а расходы. Чертов ир Хальер умел создавать проблемы настоящие, особенно — беглым попаданкам.

В сердцах поминаемый Алесей ир шел по густому саду своего поместья. Ночная мгла окрасила зелень деревьев в черный цвет, отливающий изумрудным блеском в бледных лучах двух лун — спутников этой планеты. Первая луна — круглая, большая и яркая — величественно сияла в вышине неба, а вторая — маленькая и кособокая — быстро неслась по небосводу, успевая за короткую летнюю ночь дважды промелькнуть на нем. Садовая дорожка сменилась тропой в чаще вековых елей и привела Хальера к широкому каменному плато, называемому вельд. По периметру вельда растительность была вялой, безжизненной, а ведь когда-то давно мир здесь поражал буйством красок, богатством флоры и фауны. Почти вымершие ныне прекрасные хищники — аскольды — селились вблизи и изредка выходили к людям. Теперь вокруг — опустошение, только низкорослый лесок на краю плато еле влачит свое существование, медленно сменяясь безжизненным сухостоем. И ворота древнего портала стоят на опушке этого леса как вечный памятник могуществу и знаниям магов древних времен. Могуществу, которое так хотят вернуть их потомки. Знаниям, которые они утеряти вместе с магией, покинувшей их мир.

Врата межмирового портала были сравнимы размерами с огромными воротами транспортного внутримирового портала столицы Велейской империи. Увы, внутренняя сеть порталов не работала так же, как и внешняя, по той же банальной основной причине: нехватка магии. Дорога, выложенная розовыми мраморными плитами, раньше вела от исполинских ворот к большому зданию магопорта, в котором встречали и регистрировали прибывающих в гости иномирных магов или просто иномирных людей, оплативших экскурсионную или деловую поездку. Между разными мирами активно шел обмен технологиями, научными и философско-культурными достижениями, формировалась единая концепция естествознания магических миров.

Те Золотые Века прогресса оставили очень скромное наследие — почти все было погублено в Темные Века. Сейчас на месте бывшего магопорта росла пожухлая трава — не сохранилось ни камня из его фундамента. А межмировой портал устоял перед разрушительной силой тысячелетий благодаря самоотверженности многих поколений магов, накладывавших на портал защитные заклинания, жертвуя на это остатки своей магической энергии. Монументальные ворота, потрескавшиеся и покрытые темными разноцветными мхами и лишайниками, возвышались над вельдом, как монумент прошлому величию империи. На верхней перекладине каменного исполина еще была различима надпись, сделанная на древнем, полузабытом языке:

«Путь к мирам открывают знания».

Не сила, не магия, не оружие, а знания... Те, что приходилось восстанавливать по крупичкам, затаив дыхание перелистывая хрупкие страницы обожженных книг, собранных далекими предками нынешних магов на пепелищах огромных древних библиотек. В некоторых манускриптах отсутствовало до семидесяти процентов текста, формулы обрывались кривыми почерневшими краями горелой бумаги, заставляя ученых магов современности рыдать горячими слезами, как плачут девушки над печальным концом сентиментального романа. Для продвижения вперед

исследований законов магии необходим был объект исследований — эта самая магия, которую поставляли теперь в их мир только охотники, заманивая магов из других миров.

Сейчас официальным хранителем портала был ир Хальер. И он был полон решимости возродить это чудо забытых веков.

Защитная пелена мягко спружинила, когда маг подошел к границе, не пропуская его дальше.

— Это я, — словно давнему другу сказал порталу Хальер, прикасаясь обеими ладонями к замерцавшей в воздухе пленке.

Магия узнала своего хозяина, в защитном пологе замерцал разрыв, в который шагнул Хальер. За его спиной защитная пленка вновь стала целой и непроницаемой. Маг приблизился вплотную к порталу и провел рукой по его шершавой каменистой поверхности. Мелкие камешки и песчинки посыпались вниз от этого легкого касания.

— Я с новой гипотезой, новым заклинанием и новым реактивом, — сообщил Хальер безжизненным камням. — Буду дальше исследовать сеть навечеренных на тебя заклинаний — искать ошибки и узелки в плетении. Если бы я знал, кто сжег, уничтожил все магические книги в Темные Века, то поднял бы их прах из могил, чтобы умертвить повторно. Чтобы создать гениальное творение, нужен великий ученый и труженик, один из тех, что рождаются на земле раз в столетие, а то и реже. Чтобы погубить гениальное творение, достаточно толпы идиотов, которая есть в наличии всегда.

Философские рассуждения не мешали Хальеру материализовывать заготовленные заклинания, золотистой сетью опоясывая ими каменные ворота. За много-много предыдущих ночей, которые он мог выкроить для исследований, Хальеру удалось расшифровать около трети всех рабочих заклинаний портала. Результаты расшифровки со всеми своими пояснениями и формулами реактивов, запускающими их, он записывал в толстую тетрадь. Копию всех записей он тоже делал собственноручно, и вторая тетрадь хранилась в императорском хранилище под строжайшей охраной — листы в ней пополнялись после каждого удачного эксперимента.

На рассвете усталый маг закончил свои труды, черкнув несколько новых строк в тетрадь и аккуратно вписав в нее крупными буквами формулу сработавшего сегодня реактива. Окрыленный новым шагом к познанию тайны, Хальер вышел за пределы магической защиты портала и дал себе волю полностью расслабиться. Отключить разум, на несколько минут отрешиться от реальности, дать мозговым клеткам полного покоя, чтобы они с новой энергией могли работать в наступающий день. Его разум нуждался в перезагрузке.

Тут же нахлынули, окружили запахи. Многообразные запахи леса, сада, полей и лугов. Птиц и животных. Вот лисица пробежала к ручью на водопой, вот склонился над водой цветущий камыш. С закрытыми глазами ир видел окружающий его сумеречный предрассветный мир лучше, чем днем при распахнутых очах. Его магия вольно струилась вокруг него, несдерживаемая ничем, сосредотачиваясь на тех объектах, к которым ир проявлял случайное, инстинктивное, животное любопытство.

В лесу раздался тоскливый вой каких-то хищников, магия Хальера потянулась к ним, ощущая тепло больших тел. Легкое ментальное касание, прилетевшее извне... Магия ира насторожилась, ударила в ответ... и ткнулась в пустоту. Просто звери, разумных существ здесь нет.

Еще один запах — далекий, но сладкий и манящий... Магия встрепелась, как гончая, почуявшая дичь. Девушка. К лесу шла юная девушка. Что она забыла у личных владений главы тайной канцелярии? Почему не боится? Тонкая незаметная нить магии обвилась вокруг девушки — человек. Стопроцентный человек, даже без пустого резерва.

«Неинтересно», — решила магия.

Должность главы тайной канцелярии не предполагает возможность вволю отоспаться, сколь трудным ни был бы предыдущий день и напряженная ночь, и невзирая на праздники и выходные дни. С раннего утра, раздраженный тем, что никакой подозрительной активности его сотрудники в Кресси так и не смогли обнаружить, Хальер сам вылетел в управление службы тайной канцелярии города, в котором скрывалась беглая магиня. Его внезапное появление вызвало панику в рядах храбрых защитников покоя горожан: с начальника городских стражников мигом слетела сонливость, глава ищеек поспешил разогнать по делам всех подчиненных, прохладившихся в кабинете за чашечкой утреннего чая, главный сборщик податей в обеих руках удерживал два тяжелых гроссбуха, всем видом демонстрируя готовность отчитаться за каждый государственный тогрок.

Для ира Хальера немедленно освободили большой приемный кабинет, в котором он обосновался за массивным дубовым столом.

— У вас полчаса, чтобы подготовить мне краткий перечень всех странных и необычных событий, с которыми столкнулись ваши подчиненные в последние четыре дня, — хмуро сказал Хальер. — Важно всё, даже мелкие сплетни.

— Боюсь, что ничего, связанного с иномирной магией, я найти не смогу — я каждый день отслеживаю в поступающих со всех концов города новостях этот момент, как и мои подчиненные, — негромко ответил начальник всех городских стражников, прекрасно понимающий, с чего вдруг к ним опять пожаловал глава тайной канцелярии.

— Это я еще до вылета из столицы понял по вашим бесполезным «отчетам», — раздраженно рыкнул Хальбер. — Ищите то, что НЕ связано с магией! А мне немедленно принести все ежедневные рапорты, что после смены сдают все дежурные, работавшие с населением: сборщики налогов на торговых точках, уличные постовые, городские стражники, охранники в общественных местах, ищейки, рыскающие по всем закоулкам и собирающие городские слухи. Вперед, работайте!

Кабинет мигом опустел. Буквально через минуту бледный рядовой стражник принес папку рукописных отчетов и тоже ретировался. Хальер повесил на спинку стула кожаную жилетку, расстегнул верхние пуговицы рубашки, поставил рядом с собой стакан воды и принялся быстро сортировать корявые записи, пробегая их глазами и раскладывая в две стопки: явно ненужное и то, что может представлять интерес. К окончанию отведенного получаса он был готов к конструктивной беседе.

— Кто возьмет первое слово? — с легкой усмешкой спросил Хальер.

Три начальника городских ведомств переглянулись и вперед выступил ищейка:

— В начале недели, в аккурат на другой день, как магиня в город проскочила, на базаре в западном районе города в средней полосе, объявилась неизвестная старуха-ворожея, но опосля не объявлялась.

— Хорошо. Ваши соображения по поводу этой ворожеи?

— Очередная мошенница. Мои люди до сих пор дежурят на всех рынках с наказом всех новых незнакомых гадалок, ворожей и прочих немедленно приводить в управление на разбирательство не вступая в разговоры и не спуская глаз, но пока все тихо. Да и слухи про ту ворожею ходят самые нелепые: калек за тогров лечила, нишенок за рейтов прям на базаре замуж выдавала. Мы пытались найти подтверждения этим слухам (мало ли, иномирная магия еще и целительница), но ничего не нашли. Все городские калеки на своих местах в прежнем состоянии.

— Про нелепость слухов — верно, так на кой вы сосредоточились именно на них? — разочарованно рывкнул Хальер. — Описание старухи есть?

— Никак нет, — пискнул руководитель городских ищеек.

— Вот именно! А почему? Потому что во всех рапортах с места событий, так сказать, описаны только показания, сделанные людьми на основании **чужих слов**. Где те, кто реально, сам, эту ворожею видел?

— A-aaa...

— Не «а»! Таких просто нет, согласно этим рапортам. Кто-то слышал от кого-то и всё. Вас должен был насторожить именно этот момент, а не глупости, что выдумывают люди. Она стирает память, помните? Вы все должны искать не того, кого видели свидетели и могут подробно описать, как это обычно происходит в сыске. В этот раз вам надо разыскивать того, кого **не помнят**, ясно? И действовать соответственно. Следующий!

— Мое наблюдение вообще никак не связано с ворожеями и близкими к магии вещами, — смущенно начал начальник стражи, — но за последние четыре дня в городе лавинообразно возросло количество мелких краж.

— Что?! — подскочил на стуле Хальер. — Показывайте динамику!

Перед ним положили лист с указанием числа заявлений по кражам и лист с разбивкой по суммам украденного. Хальер ахнул:

— Раньше в день поступало в среднем пятнадцать-двадцать сообщений о мелком карманном воровстве, позавчера — **двести десять заявлений**, а вчера — **триста тридцать шесть заявлений**?!

— Уже больше этого количества, заявления по вчерашнему дню поступают до сих пор...

— И это притом, что не все сообщают о пропаже небольших сумм! Почему вы сразу не доложили об этом вопиющем факте?!!

— Так здесь же нет ни одной кражи больше пяти грохов. У одного только парня три дня назад украли рох и у женщины шесть с небольшим грохов, так о том сообщено, куда следует, — недоуменно ответил начальник стражи. — По правилам требуется докладывать выше, если размер украденных у человека средств превышает пять грохов. У нас не превышает.

Хальер закрыл глаза и мысленно сосчитал до тридцати. Выдохнул. Открыл глаза. Под его взглядом трое мужчин сглотнули и попятились.

Хальер встал. Подчиненные отступили к самым дверям, опасливо косясь на окружившее мага сияние, потрескивающее статическими разрядами.

— Более половины вчерашних заявлений сообщают о пропаже сумм ровно в пять тогрохов. Ровно в пять, задери меня дикий вебрь, тогрохов! У нас что, все население носит в кошельках ровно пять медяков?! Или воры, стащив из кармана кошелек, учтиво забирают только малую толику, остальное возвращая владельцу?! Вы каким местом думаете, а?

— Неужели они все их просто обронили? — удивился главный сборщик податей.

Теперь Хальер сосчитал до пятидесяти. После чего сел и обратился к сборщику податей:

— Что у вас необычного?

— Прибыл новый торговец, который второй день продает на большом приречном базаре «лотерейные бочонки», — ответил тот. — Мзду за место под шатер и подать государству выплачивает исправно.

— Неужели? Прямо так и продает и ничего настораживающего вы в его действиях не углядели? — с иронией переспросил Хальер и безнадежно покачал головой.

— Дык, само слово «лотерея» не слыханное ранее, потому и докладываю, — ответил сборщик податей. — А так, проверяющий доложил, что все в порядке и законно, там даже стражник для охраны шатра нанят.

Хальер вытянул один из рапортов от сборщиков и зачитал:

— *«Присутствовал на продаже лотерейных бочонков, взял плату, проверил правила лотереи. Нарушений закона не выявил».*

— Именно так, — закивал сборщик податей.

Хальер взял следующий отложенный им лист и продолжил читать:

— *«Утром был направлен на охрану шатра с лотереей. Весь день простоял у указанного шатра, но лотереи так и не было».* Это отчет того нанятого стражника.

— Не может быть, — ахнул сборщик.

— Вас для чего в одном здании, под одной крышей посадили? — медленно, с расстановкой спросил Хальер. — Почему одно ведомство не знает о том, что происходит в другом? Ведь очевидно, откуда такая разница в рапортах: сборщик податей сразу на месте бумагу пишет, когда деньги берет, а стражник — когда в управление в конце дежурства приходит. Пока дойдет — в памяти ничего уже не осталось. Знаете, какая стоимость одного лотерейного бочонка указана в рапортах сборщиков, бравших вчера и позавчера плату за лотерею? Пять тогрохов!

— Иномирная магиня, пёс облезлый, — ругнулся сквозь зубы начальник стражников.

— Сегодня нанимали стражника на эту «лотерею»? — спросил Хальер.

— Сейчас узнаю. — Глава стражников суетливо полез в карман за амулетом связи и вскоре доложил: — Да, нанимали.

Хальер поднялся и застегнул рубашку на все пуговицы. Накинул свою жилетку.

— Действуем, господа, действуем.

Глава 12. Снова в бегах

Утром Алесю разбудил шорох: кто-то шарил руками по передней стенке ее шатра. Она замерла, не дыша. Шуршание снаружи прекратилось, потом топот пары ног сообщил, что неизвестные ушли. Откинув зеленое сукно, встав, поправив одежду и нацепив на заколотые волосы кепку, Алеся вышла в свой базарный закуток.

На шатре висело объявление, что тайная канцелярия выплатит золотой рох тому, кто сообщит важные сведения о беглой магине, если эти сведения позволят ее задержать. В объявлении указывалось, какие моменты считать подозрительными и позволяющими предполагать встречу с иномирной беглянкой: первое — человек идет в одиночестве, второе — плохо ориентируется в городе, может спрашивать, как куда-то пройти, третье — вы быстро забываете эту встречу. В связи с последним пунктом советовали сразу сообщить о подозрительной встрече третьему лицу или записать факт встречи на бумаге. (В этом месте Алеся опять ругнулась. Чужой мир явно прививал ей нехорошую привычку к брани.) В-четвертых, требовали без промедления сообщать обо всех событиях, что покажутся странными, необычными, новыми в жизненном опыте. (Алеся посмотрела на надпись «лотерея» и поздновато пожалела, что не выбрала более привычное в этом мире название, типа: «мгновенное лото».)

— Ох, слово «лотерея» в бумагах службы охраны правопорядка числится, — расстроилась Алеся. — Зачем я взяла откровенно чуждое название, кто меня за язык тянул, спрашивается?! Реклама рекламой, понятно, что люди падки на очевидные новинки с необычными названиями, но стоило больше думать о конспирации, чем о пиаре.

Пониже надвинув кепку, она взялась обходить просыпающийся рынок. Треклятое воззвание сыскной службы мозолило глаза, красуясь со всех вертикальных поверхностей. Складывалось впечатление, что этими листками было велено обклеить весь город, как обоями, и у многих объявлений она видела взбудораженных людей, размахивающих руками и с азартом осматривающихся по сторонам. В сторону одиноко бредущей Алеси кто-то даже пальцем тыкнул. Да-ааа, рох — это реально много денег, тут родную тетку за такую сумму убить готовы.

«Хорошо, что сейчас раннее утро, все выкладывают товар на прилавки, толпятся у дома службы охраны, метут булыжник перед своими палатками, бездельников тут раз и обчелся, кроме кучки пьяниц, ожидающих открытия винной лавки и ни на что не реагирующих, и нет никого. А вот к вечеру надо где-то хорошенько схорониться. Рисковать ли с утренним розыгрышем? С другой стороны, когда я еще смогу разжиться деньгами? И надо бежать из этого города, ищейки его обложили намертво. А как бежать? С таким трудом пробралась сюда, чтобы спрятаться в толпе, и опять бежать? На селе меня мигом схватят, это и ежу понятно. Черт, жаль, что я — не ёж и мне совершенно не понятно, что делать дальше!»

В итоге Алеся решила действовать по проверенной схеме: стражник, мальчишки-зазывалы, розыгрыш. Объявление ищейек она побоялась снять со своего шатра: о том, что оно было повешено, ищейки помнят, так как вешали его в ее отсутствие. Наблюдая за толпой, собравшейся у шатра, и продавая бочонки, она со страхом заметила, что многие пишут что-то на листках бумаги. Один мужик, кинув в банку свой бочонок, написал прямо на руке чернильным карандашом, и ей была видна эта надпись:

«Лотерея. Объяснили правила. Купил бочонок».

Было ясно, что надо срочно делать ноги.

В этот раз приступ внезапного кашля и удушья у ведущего случился чуть раньше, чем обычно, причем, согнувшись от спазма, он случайно стянул со стола зеленое сукно. Кассы с деньгами, медный поднос, банка с бочонками, пряники в шоколаде — все разлетелось по земле. Заулюлюкали мальчишки, проскакивая вперед и пытаясь ухватить хоть одну монетку из тех, что вылетели через прорезь в крышках. Самые спорые распахивали по карманам пряники.

— Охрана! — завопила Алеся и стражник бросился расталкивать народ, отгоняя всех от стола, а Алеся быстро занесла в шатер обе банки с монетами, якобы спасая их от воров, и крикнула толпе, стоя перед входом в шатер: — Продолжение через минуту, после наведения порядка!

Народ заволновался, начал помогать стражнику ловить мальчишек и отбирать у них пряники и немногие вылетевшие из банок монетки. Потом выравнивали стол, складывали на него деньги, отобранные у мальчишек, горку запыленных и помятых пряников, банку для розыгрыша, куда скидали все вывалившиеся из нее «лотерейные бочонки». Алеся вручила стражнику списки с фамилиями и велела быстренько пересчитать бочонки и сравнить их номера со списками. Народ одобрительно загудел и склонился над столом, а Алеся под шумок нырнула в шатер. Схватила мешок, скинула в него все ценные активы и шустро выскользнула на берег реки. Плот, милый плот, где ты тут?

До нее донесся громкий шум из-за ограды. Народ у шатра кричал и топотал, кто-то убегал с криком:

— Ищейки! Облава!

Потом гроыхнуло, над Алесиным шатром засияла радужная магическая пелена, поднимаясь выше дощатого забора. Ой-ёй, она догадывалась, кто это по ее душу пожаловал и магическим куполом шатер накрыл.

Ой-ёй, ноги, ноги, несите меня подальше отсюда! Плот, плыви скорей, выполняй то, для чего был куплен.

Хальер ворвался в заблокированный его магией алый шатер. Осмотрел валяющиеся на полу пустые банки и сброшенные с них крышки с прорезями для монет. Шагнул к задней откидной стенке шатра, отодвинул ее, хмыкнул, увидев прислоненную к забору оторванную доску. Заглянул в дыру в заборе.

— Собак пускать? — спросили толкущиеся у входа в шатер ищейки.

— Нет смысла, по воде ушла. Хорошо подготовилась девица и место для своего дела грамотно выбрала.

Он осмотрел собранные улики, почитал плакат с указанием призов, велел пересчитать бочонки. Его лицо исказила та же кривая улыбка, не затрагивавшая изуродованную левую половину лица. Обернувшись к главе городских ищеек, велел:

— Начинайте проверку домов, сдающихся в аренды, теперь у нее довольно денег для первоначального взноса. Развалюхи на окраине тоже продолжайте регулярно обходить, мало ли что интересное обнаружите, но приоритет в поисках — здания в богатых районах города, сдающиеся внаем. Приказ о поиске новых служанок в домах отменяю, теперь ясно, чем она на жизнь зарабатывала. Что с тавернами?

— Согласно указанию господина Лоуреса во все таверны направлены разнарядки: всех одиноких постоялиц направлять к менталисту за разрешением на заселение, ну и мужиков проверять. Вот, у меня есть при себе это распоряжение, — ответил глава городских ищеек.

Хальер глянул текст. Брови его поползли вверх.

— *«Проверять свидетельство мужского пола с обязательной письменной отметкой его обнаружения?»* — зачитал он и громогласно захохотал.

— Так вы же сами говорили — бумажка завсегда останется, в вашем объявлении всем советуют записи вести, вот и тут так, — с некоторой обидой заметил ищейка, под контролем которого писалась эта разнарядка. — Одежду переодеть можно, но по-настоящему мужика из бабы ни один маг не слепит.

— Ладно, бог с вами, мастера высокого художественного стиля. Результаты по тавернам есть?

— Пока нет.

— Ожидаемо, — вздохнул Хальер. — Вы плохо понимаете особенности сильной ментальной магии, поскольку она очень редко встречается среди магов. Настолько редко, что за последние двадцать лет я с такими униками не сталкивался. Мужика из бабы вправду не слепишь, но убедить человека в том, что он — объект мужского пола, сможет даже средний силы менталист.

На лице главы городских ищеек проступила растерянность. Его можно было понять — в сыске работали сотни штатных менталистов с низким уровнем силы и очень ограниченными способностями, к чему все ищейки давно привыкли и затруднялись теперь мыслить более масштабно. Хальер обреченно махнул рукой, говоря:

— Не берите в голову. Я с самого начала подозревал, что поймать менталиста сможет только другой менталист. А вы немедленно пошлите людей в агентства по сдаче внаем домов и комнат в домах. Рассматривайте даже самые дорогостоящие варианты — наша беглянка уже богатая дама.

Ищейкам показалось или их глава действительно веселится и в глазах его мелькает... восхищение увертливой магией?! Нет, не может быть.

А глава тайной канцелярии продолжал давать указания:

— Всех ищеек и стражников выставить на улицы — пусть досматривают и опрашивают всех одиноких людей любого пола и возраста. За лотерею платил парень, но она уже сто раз могла

переодеться. Обыскать весь город, заглянуть во все щели, обойти все общественные места, где она может прятаться! Амулеты связи не отключать, обо всем мало-мальски подозрительном сообщать немедленно!

Алеся тем временем плавно скользила вниз по реке, держась ближе у берегу: так ее скрывали от большого числа случайных взоров ветви деревьев, низко нависшие над рекой. Время от времени ей приходилось огибать рыбаков, закинувших удочки в отливающие сиреневым цветом, как и небо, воды. Она проплывала мимо мостков, выдающихся в реку, на которых женщины с медными тазами, полными белья, стирали и полоскали одежду. Особого внимания на нее не обращали: много юнцов и мальчишек раскатывали на плотах по реке, удя рыбу и купаясь. Лодок было меньше: только ближе к городской окраине, под охраняемым стражниками последним городским мостом, несколько мужиков на двух лодках устанавливали сети для ловли рыбы. Дальше над водой от края до края реки мерцало и переливалось марево магической завесы, яснее ясного говорившее Алеесе, что без ведома охраны никто этим путем из города не выскочит.

«До чего же хорошо, что мое лицо никто из разгневанной толпы не вспомнит даже под гипнозом: три минуты с момента моего ухода в шатер прошли до того, как громынуло, — думала Алеся. — И плохо, что лотерея накрылась теперь медным тазом — описание розыгрыша лотереи ищейки точно создадут на основании слухов, оставшимся в шатре предметам — бочонкам, банкам, спискам участников, плакату с указанием призов — и будут контролировать появление подобных «игр» по всей стране».

Не приближаясь к выходу из города, она остановила плот в самой гуще низко нависающих ив. Зеленый лиственный шатер скрыл ее от чужих глаз не хуже алого матерчатого. Куда податься дальше? Пока ей удивительно везло, но пару раз она оказалась на грани поимки. Алеся свято верила в могущество человеческого интеллекта, который спасет из любой, даже самой безнадежной ситуации, если только хорошенько подумать, не впадая в панику.

Лучше всего ей думалось за какой-нибудь монотонной физической работой, не требующей концентрации внимания на том, что делаешь. Алеся вытащила из мешка оставшуюся земную одежду: свитер, теплую куртку, джинсы, шапку и шарф. Одежда жутко воняла канализацией и Алеся для начала замочила ее в реке, старательно связав шарфом рукава и штанины так, чтобы ее вещи не уплыли вниз по течению к магической завесе. Пока одежда отмокала, она пересчитала монеты, ссыпанные в мешок, под прикрытием кустов размотала полотняный платок на груди и спрятала в него большую часть серебра, после чего снова вернула «мужскую грудь» на место и прикрыла ее жилеткой, по карманам которой рассыпала собранные за это утро медяки. Двадцать серебряных монет завернула в носовой платок и спрятала во внутренний карман жилетки на всякий случай: вдруг срочно потребуются крупная сумма, так не может же она при всем честном народе свой пояс с золотом потрошить или «мужскую грудь» с себя снимать.

«Я прям как в сказке: с головы до ног златом-серебром осыпана. На пояс — рохи, на груди — грохи. Всё своё ношу с собой».

Она вернулась на плот. Забранный из прежнего дома кусок ароматного мыла пригодился для стирки. Алеся методично терла одежду, полоскала, снова намыливала и терла, автоматически двигая руками, поскольку голова ее была занята составлением планов на ближайшее будущее. Понятно, что ее афера с лотереей должна была еще больше раздражить ищейек и сейчас те должны кружить по городу, как рой злющих ос. На базаре Алеся слышала, что всем ищейкам и половине стражников выдали на время поисков дорогостоящие амулеты магической связи, подобие земных мобильных телефонов или раций. Она видела сегодня такую на поясе охранника своего шатра: круглая штуковина, периодически шипевшая и трещащая мужским голосом, в ответ на что охранник докладывал об окружающей его обстановке. Алеся была уверена, что человек на другом конце телефонной линии (амулетно-магической линии) намеренно сверял новые ответы охранника с предыдущими, выявляя провалы в его памяти. Следовательно, если ее, как одинокого мужчину, начнут преследовать ищейки, то сбежать, предварительно скрывшись в туалете таверны на три минуты, не получится: как только их доклад, что они следует туда-то и туда-то за парнем, сменится словами, что «никого подозрительного не видим», к месту ее нахождения мигом слетится вся служба сыска со своим начальником.

Мысли Алееси плавно перетекли на ее первостепенного врага:

«Интересно, кто смог так сильно изуродовать лицо главы тайной канцелярии, сильнейшего мага империи, как я понимаю? Я за пять дней, побывав на двух многолюдных базарах, не видела здесь людей со шрамами, так что их наверняка можно излечить магически. Да, калеки и здесь имеются: слепые, безрукие, безногие, но все они сидят с табличками «Подайте на пропитание и **излечение**». Когда про меня ввали, что я вылечила слепца за тогров, вокруг посмеивались и говорили, что меньше десяти рохов за такое лечение ни один целитель не берет, так как необходим большой объем магии, а она стоит очень и очень дорого в этом мире. Но ир Хальер — точно не бедный

человек, к тому же сам обладает магией, так почему не избавился от жутких шрамов на лице? Это всяко должно стоить дешевле, чем отрастить руки-ноги или вернуть зрение. Может, это действительно некий знак, клеймо высокого сана? Бр-ррр, не хотела бы я такое подтверждение своего высокого статуса на лице носить».

Она отжала одежду и развесила ее на ивах поглубже в зарослях, чтобы не заметили с реки. Плот полностью вытащила на берег и замаскировала зелеными ветками. Надо было идти на разведку и решать вопрос с ночлегом, пока не стемнело: по ночам в городе так и действовал комендантский час, берег реки гарантированно будут обыскивать, зная, что она ушла по воде, так что следовало найти себе убежище, а сделать это было теперь еще сложнее, чем вчера. Вспомнились конторы, сдававшие дома и комнаты в аренду. Их уже взяли под контроль? Можно ли арендовать недвижимость без документов, как место на базаре? Или лучше поискать брошенный дом поприличнее в бедном квартале? Ночью всех разгоняют по домам, даже грабители тут орудуют до полуночи, она сможет проскользнуть незамеченной.

А если она наткнется на бандитскую шайку в окраинных районах, полных маргинальных личностей? В прошлый раз ей чудом повезло не оказаться дома в момент их нашествия. Нет, постоянно жить в бедных кварталах не вариант, она не сможет глаз сомкнуть в очередной халупе.

«И что? В канализации жить? Я — не черепашка-ниндзя! — взвилась издерганная Алеся. — Попробую арендовать дом и приплачу побольше, чтобы риэлтор записи о сделке не сделал, а меня он потом все равно не вспомнит. Выберу дом, который долго-долго сдать не могли, и буду жить потихоньку, пока новый жилец не объявится. Если дом до этого хозяева год сдать не могли, то и после его не скоро снимут. Так, это решено, теперь вопрос: как пройти через весь город, чтобы на одинокого парня ни один из ищеек и стражников не обратил внимания, несмотря на прямое указание своего главы немедленно хватать всех одиноких? И несмотря на желание населения получить обещанную награду за поимку беглой магини, стимулирующее каждого горожанина присматриваться к одиноким. Думай, голова, думай, ты нужна мне не только для того, чтобы кепку носить!»

Спустя час со стороны пивной лавки на окраине города шатающейся походкой двигался в центр молодой парень. Жилетка и штаны его были заляпаны грязью, рубашка давно утратила свою белизну и была обильно залита красным вином, кепка низко надвинута на лоб. В руке у парня была початая бутылка крепкого самогона, к которой он то и дело прикладывался, частично заливая пойло в рот, частично — проливая на штаны и рубашку. Он размазывал по лицу пролитые капли спиртного, кашлял, фыркал, утирал слезящиеся глаза, время от времени высоким фальцетом пробовал затянуть популярную песню, часто звучавшую в тавернах, но все время обрывался на первом куплете и начинал сначала. Прохожие огибали его по широкой дуге, а стражники пробовали было подойти, но их одернул приставленный к патрулю ищейка:

— Плюньте на этого пьяницу, не отвлекайтесь, магиня важнее. Никто в кустах тишком не крадется?

— Не крадется, — пробубнил стражник, недовольно смотря на пьяного парня. — Эдак вся шваль на улицы повылазит, — предупредил он, но ищейка зло зыркнул на него и страж порядка замолчал.

Пьяный парень приостановился и крикнул:

— Эй, стражники, ведите меня в караулку! Не хотите вести? Че, даже вам не нужен? Я теперь никому не нужен — прогнал меня хозяин, как пса шелудивого...

— Иди уже, дом-то твой далеко? — жалостливо спросила шедшая мимо старушка, шагавшая с мужем по своим делам.

— Дом... где мой дом, родимый дом? — завыл парень. — Дом есть, где-то там...

Он неопределенно махнул рукой вперед.

— Давай проводим, что ли, — предложил старичок, муж старушки.

— А давайте, вы меня до фонтана доведите, а там я знаю: сперва налево, потом направо, потом еще налево — и я дома, — согласился парень и наглым образом сдал стражнику пустую бутылку из-под самогона.

Стражник сплюнул досадливо, но бутылку в мешок кинул и под строгим взглядом ищейки пошел в сотый раз обыскивать кусты в поисках пронырливой магини.

Старики подхватили юного пьянчужку под руки с обеих сторон и повели. Парень вполне активно шевелил ногами, порой горланил свой единственный куплет и нахваливал отличную погоду. Люди укоризненно качали головами при виде этой тройцы, сочувствовали старикам, у которых такой

непутевый сынок, но главное — все ищейки и стражники совершенно не интересовались местным пьяным пареньком, которого тащили до дому престарелые родители.

То, что в рот этого парня попало не более десяти грамм самогона и лишь для запаха, никто и не подозревал, а Алеся держала ушки на макушке. Вот, важная информация прозвучала от очередной пары стражников: ночные патрули все брошенные дома каждую ночь теперь проверять обязаны, количество ищек увеличено в разы, усиливают поисковые группы. Ага, еще одно: шерстят договоры найма жилых помещений — у небольшой конторы, занимающейся сдачей домов, сидят два ищейки, а из открытых окон слышны голоса досматривающих, проверяющих документы. Так-с, притормозим и послушаем, что они смотрят в этих документах... Но самое замечательное — никто не сообщает по амулетам связи о появлении на улице пьяного парня и не делает записей о его передвижениях по городу. Через несколько минут она может вернуться сюда уже без сердобольных стариков и ее опять-таки никто не заподозрит.

Из ближайшей таверны вывели перепуганную женщину средних лет на проверку к менталисту, но из уборной выскочила девочка и кинулась к ней с криком «Мама!». Женщину сразу отпустили, а Алеся расслышала слова ищейки:

— Это не она, ищите дальше. Психология детей не позволяет им искренне называть матерью чужую женщину даже под воздействием ментальной магии.

«Ого, тут слово «психология» известно», — подивилась Алеся. Сделав вид, что споткнулась, она глянула назад: из риэлторской конторы вышли сотрудники сыска и покачали головами на расспросы своих коллег. Так, пора переходить к следующей части плана, как только завернут за угол.

Горожане, спешащие по своим делам, увидели, как пьяный парень, влекомый родителями, устоялся на виднеющийся невдалеке фонтан и заявил заплетающимся голосом:

— Усё, я дома. Сажайте меня здесь.

— Где здесь-то? Пошли, горе ты наше, — потянула дальше старушка, но парень замотал головой и уперся, крича:

— Здесь оставьте! Устал я за вами волочься, дайте посидеть человеку! Тенёчек, ветерок, оставьте, я сказал! — И стал прикладываться на булыжник тротуара.

— Да как так, тут и жилых домов нет, одни конторы и таверны, пошли! — не отставала старушка, но парень стал буен: замахал на нее руками и закричал, что останется здесь, что от солнца его мутит и вообще он домой идти не желает, поелику нечего ему дома делать.

Старики плюнули и ушли дальше одни, а парень добрел до скамеечки у агентства недвижимости и прикорнул в густом теньке. Постовой на улице поморщился, но посмотрел на сосредоточенных ищек, занятых поиском беглой магини, и промолчал. О парне, скрытом высоким крыльцом агентства, вскоре позабыли, а он вытащил из кармана платок, отряхнул с жилетки и штанов засохшую грязь, переложил горсть серебра из внутреннего кармана во внешний, застегнул до самого ворота жилетку, скрывая винные разводы на рубашке, вторым платком вытер начисто лицо. Как только группа ищек скрылась за углом, а стражник зашел в таверну, чтобы выпить кваса, он мигом вскочил и проскользнул в здание конторы, из которой пять минут назад ушел последний сыскарь.

Лучшее место для укрытия — то, что только что проверил враг.

Глава 13. Новый дом Алеси

В конторе по продаже недвижимости было прохладно и богато: ковры, добротная мебель с темной благородной полировкой, золоченые канделябры, высокие окна с занавесями из бархата с золотым и серебряным шитьем, фарфоровые статуэтки на этажерках и облицованный мрамором камин. Здесь и слуга имелся: благообразный седовласый дворецкий во фраке, с непроницаемым лицом встретивший гостя, явившегося в непрезентабельном помятом виде, да к тому же благоухающего ароматами вина и самогона.

— По какому делу к нам пожаловали, господин? — так учтиво осведомился дворецкий, словно Алесь стояла перед ним в костюме от Армани с иголки и благоухала духами из мужской серии от Шанель.

— Хочу арендовать дом в хорошем районе города, близком к центру, — четко ответила Алесь, прямо смотря в глаза мужчины.

Удивительно, но он кивнул, не требуя доказательств ее платежеспособности, как некогда подавальщица в таверне. И повел вглубь дома, в кабинет с табличкой: «Аренда домов. Центр.» В кабинета за роскошным столом с резными ножками и золотыми монограммами восседал пожилой мужчина с пронзительными карими глазами. Эти глаза миготом отметили и помятый вид одежды, и винное пятно, чуть выползающее на воротник из-под края жилетки, и уверенный вид неопытного визитера. Уверенный вид победил, и хозяин кабинета махнул рукой, отпуская дворецкого. Поднялся, представился:

— Ильмар Мирсин, агент по продаже и аренде недвижимости.

— Климентий Амбарчик, — назвалась Алесь именем рыжебородого мужика с рынка, который несколько дней назад охранял ворожею-мошенницу, чтоб не сбежала от расплаты.

— Рад знакомству. Вы один к нам пришли? — И острый взгляд в сторону Алеси.

Алесь изобразила праведный гнев: прищурилась, резко взмахнула рукой, наклонилась к мужчине и проорала:

— Сколько можно?! Взрослый парень не может теперь по городу спокойно пройти, чтоб с него пять раз штанов не сняли или менталистом не проверили?! В последний раз до меня ищейки допытались, когда я к вашему крыльцу подошел — они только-только от вас вышли. Что, и здесь мага проверяющего оставили? Так давайте, у меня и так голова от бесконечных проверок болит, хуже уже не будет!

Подозрительность ушла с лица работника конторы, он виновато сказал:

— Извините, у нас предписания...

— Ваша контора стоит на центральной улице, облеплена ищейками, как разлитое варенье осами, чтобы добраться до вас мне пришлось мимо десятка постов пройти. Будь я самым выдающимся магом современности, и то не доковылял бы.

— Это верно, они у меня каждый листик осмотрели, все последние договоры наймов и продаж к себе переписали. Так чего вы желаете?

Тон агента стал доброжелательным, он предложил Алесе расположиться в удобном кресле и сам сел напротив, сложив руки перед собой и подчеркнуто внимательно смотря на нее.

— Я хочу арендовать дом. В хорошем районе, но не на виду, понимаете?

— Вы планируете в нем проживать? С семьей?

— Нет, я планирую в нем встречаться с... впрочем, вас это не касается. Главное, чтобы дом стоял в тихом, спокойном месте и вокруг не было чересчур болтливых соседей. Согласен рассмотреть варианты, которыми вам долгое время не удавалось заинтересовать других клиентов, если пообещаете чуть снизить цену, — выдала Алесь заготовленную речь.

Агент кивнул. Судя по всему, ей удалось убедить его в том, что она — молодой лоботряс, нашедший себе богатую покровительницу, которая замужем и не хочет афишировать свои отношения на стороне. В процессе дальнейшего обсуждения возможных вариантов она постаралась закрепить в мужчине эту уверенность. Фотографий домов в иномирной конторе, само собой, не водилось, так что приходилось читать пространные их описания и смотреть расположение на карте города. В итоге столкнулись на небольшом двухэтажном домике в узком переулке, удаленном от широких дорог.

— При заключении договора мы требуем метрики о рождении, — вдруг заявил агент, готовясь вписать в бланк договора имя клиента и выжидающе смотря на Алесю.

Сюрприз, однако. Алеся успела прийти к выводу, что удостоверений личности тут никаких нет, но оказалось — есть, и в таких официальных случаях требуются. Солидная контора — это не рынок, где больше проверяют товар, чем торговца.

— Вот черт, не знал. Я могу занести их и показать вам чуть позже?

— Хорошо, но это надо сделать обязательно, иначе мы вынуждены будем сообщить в тайную канцелярию о клиенте без документов, назвать им адрес арендованного вами дома и к вам придут с проверкой, что вряд ли будет удобно.

Мужчинка видимо хотел добавить: «в вашей щекотливой ситуации», но сдержался и лишь вежливо многозначительно помолчал.

— Я понял, метрику занесу.

Оставалось лишь подписать договор и внести аванс за первый месяц: двенадцать грохов. Работник конторы уже достал ключи и положил их на стол, Алеся выгребла из карманов всё серебро и медную мелочь, отсчитала необходимую сумму. Обменяли деньги на ключи и дружески улыбнулись друг другу.

— Поставьте здесь вашу подпись, — предложили Алесе, придвинув к ней два экземпляра договора.

— А мне покажут этот дом? Я не собираюсь подписывать бумаги не видя товара, — заартачилась Алеся, смотря, как ее денежки ссыпают в общую кассу к куче других монет. Отличненько.

— Напрасно переживаете: в договоре есть пункт, согласно которому вы получаете назад всю уплаченную сумму, если заявите о своем желании расторгнуть договор в течение трех дней. Не понравится дом — возвращайтесь, подберем вам другое жилище.

— Нет, лучше пошлите со мной слугу и дайте ему этот договор. Я осмотрюсь, тогда и подпишу, а слуга принесет вам ваш экземпляр договора.

Агент решил не спорить с молодым глуповатым клиентом повышенной мнительности. Он согласно кивнул и отправил с Алесей нарядного паренька, гордо несшего папку с документами. Этот же паренек вернулся в контору без папки, но никто не поинтересовался, куда же он отлучался на четверть часа. Парень и сам этого не помнил, решив для себя, что вышел просто воздухом подышать. То, что из агентства исчез один комплект ключей и документы на один из домов, никто не заметил: контора была большая, солидная, помещений сдавалось внаем много, ревизию всех ведущихся и застоявшихся дел здесь устраивали не чаще раза в год.

Закрывая вечером контору, ее хозяин жаловался дворецкому, что за весь день сегодня так и не явилось ни одного клиента — чертовы ищейки всех распугали. Зато в кассе внезапно обнаружилась переплата, не учтенная ранее: видимо, кто-то ошибся при прошлых подсчетах.

— Где-то теряем, где-то находим, — философски заметил дворецкий, и они с хозяином конторы степенно пошагали домой, дружески кивая знакомым стражникам.

Дом, негласно арендованный Алесей, стоил каждого уплаченного гроха. Было видно, что в нем регулярно убирались и проветривали помещение, ни на коврах, ни на занавесках не было пятен и пыли. Окна сияли отмытыми стеклами, канделябры были начищены до блеска, как и настольные лампы, наполненные каким-то горючим густым маслом. Буфеты в столовой ломились от начищенной посуды: фарфоровые тарелки и чашки, стеклянные бокалы, наборы медных столовых приборов — все было в полном комплекте, так же как и утварь в кухне. В ванной комнате на полках лежали полотенца, в шкафчике висело два новых махровых халата: мужской и женский, а в спальне нашлись подушки, одеяла, комплекты постельного белья — все в прекрасном состоянии. В агентстве заверили, что на окнах установлена магическая защита: их невозможно разбить и проникнуть в дом, на дверном замке — магическая сигнализация: стоит попробовать вскрыть его без ключа и на вой сирены сбегутся все стражники города.

«Хорошо, что я в первый день выползла из канализации в бедном районе, где нет таких роскошеств богатой жизни, как магические защиты помещений», — подумала Алеся, проводя ладонью по стеклу окна и ощущая на нем невидимую прозрачную пелену.

Дом действительно был полностью готов к заселению жильцов, риэлторское агентство недаром свой хлеб ело.

Правду сказал работник конторы и о неприметном расположении дома: парадное крыльцо его выходило на витую ограду, огибавшую сад богатого особняка. На угловых каменных столбах этой ограды красовались большие черные кованые кошки, выполненные в очень реалистичной манере: кошки стояли пригнувшись, задрав вверх изогнутые хвосты и разинув пасти — казалось, вот-вот зашипят и прыгнут. К узкому переулку, в котором стоял дом Алеси, была обращена задняя стена этого особняка, а ограда так густо заросла зелеными кустами и растением, похожим на вьющийся дикий виноград, что любопытных взглядов с этой стороны можно было не опасаться: монолитная зеленая стена простиралась в обе стороны до конца переулка. Справа от дома располагался пустырь, заросший сорной травой и кустами. Развалившиеся скамейки с прогнившими досками намекали, что раньше это был городской сквер, который за спиной появившегося богатого помпезного соседа растерял своих посетителей и одичал в одиночестве. Слева был еще один нежилой дом, который агентство также долго не могло сдать в аренду, а черное крыльцо Алесино жилища выходило на стену длинного и высокого строения промышленного назначения — это была стеклодувная мастерская. Центральный вход в мастерскую был с другой стороны, красуясь яркой вывеской на большой улице, а к Алесиному дому мастерская была повернута обратной стороной, даже без окон, в которые могли бы выглядывать глазастые мастеровые, в стене имелась только дверь запасного выхода. Да, зажиточной семье этот сдающийся в аренду дом никак не мог приглянуться, и после внимательного осмотра окрестностей сорока процентная скидка, сделанная агентством, уже не удивляла. Зато этот домик был ожившей мечтой скрывающейся от властей попаданки, тут можно было смело топить печь, не опасаясь, что кого-то из соседей удивит постоянно валяющийся из труб нежилого дома дым.

Печь с большой духовкой обнаружилась на кухне, там же стояла дровяная плита, и Алесь с нежностью вспомнила пожилого агента, когда увидела сложенные в ней ровной стопкой дрова и приличную поленицу у стены за печкой. И горячо возблагодарила этого агента, когда в большой бочке увидела свежую воду. Отложив на время все заботы, Алесь занялась исполнением многодневной мечты о горячей ванне: затопила плиту (битый час промучавшись с огнивом, но наконец разобравшись, как оно работает), поставила на нее большой чугунный чан и нагрела себе воды. А потом, закутанная в мягкий халат, пошла исследовать главную сокровищницу дома: библиотеку. Ряды книг на застекленных полках, манили ее к себе неизведанными пока тайнами этого мира.

«Надо запастись провизией на пару-тройку дней и «залечь на дно», как говорят в моем мире. Никуда не выходить и посвятить время тщательному изучению окружающей меня новой реальности, — рассуждала Алесь, вчитываясь в названия на корешках книг и отбирая книги по истории и географии мира. — Поднятая вокруг моей поимки суeta потихоньку сойдет на нет и тогда можно будет подумать о дальнейшей жизни здесь. Жаль, что слишком опасно возвращаться за своей земной одеждой на берег реки: если ее обнаружили, то точно посадят там засаду. Эх, прощайте, джинсы и пуховик, вечная вам память! Помнится, на карте недалеко отсюда была обозначена продуктовая лавка, надо бы улучшить удобный момент и незаметно заскочить в нее. Придется прикинуться рабочим парнем. Могла ли я думать, учась в университете, что самыми востребованными знаниями в моей жизни станут не спряжения английских глаголов, а навыки актерского мастерства?!»

Удобный момент настал вечером, когда из черного хода мастерской на узкую улочку повалили подмастерья. Затесавшийся в эту толпу такой же молодой парень в таком же наряде спокойно дошел до лавки вместе с несколькими «товарищами по цеху» и закупил два больших мешка продовольствия, после чего в поредевшей толпе покидающих мастерскую рабочих проскользнул в обратном направлении. Надо запомнить, во сколько тут рабочий день заканчивается — и никаких проблем с питанием, пока деньги есть.

Ну, ищeyки, бродите по большому городу, терроризируйте население проверками, измывайтесь над постояльцами таверн, пусть народное негодование подпортит вашу сладкую жизнь! А беглая попаданка понежится в мягкой постельке, отъестся и отоспится на нечестно заработанное. Дом заперт на три замка, договора о найме нет и сюда вы не заявитесь: как известно, нет бумажки — нет и человека.

Пока в голове довольной, чистенькой и сытой Алеси, валяющейся с книжкой на огромной кровати, мелькали эти злорадные мысли, ее первостепенный враг маялся на заседании рейтната, претерпевая все муки разумного человека, неспособного убедить в правильности своих идей стадо упрямых противников.

— Какой смысл в обязательном магическом образовании, если мы просто не знаем, кого следует учить? Рейтнат обязан утвердить предложенный императором закон об обязательной регистрации всех «пустышек», — Хальер старался урезонить членов рейтната, мрачно взирающих на него, поджав губы.

— И взять на свою душу грех за новые погубленные души? — ехидно прокомментировал рейт,

ответственный в собрании за законодательство в системе образования.

Хальер полыхнул синими очами, от него на миг разбежались в стороны лучики магической энергии, но ир сдержался, ответив:

— В том и проблема, что я не могу отвечать за безопасность пустых магов, о существовании которых ведать не ведаю.

— Конечно, не можешь, рейт Самок сказал не подумав, — ледяным тоном поддержал главу тайной канцелярии император. — Уточните, что вы имели в виду, уважаемый рейт?

Говорливый Самок смешался, не решаясь в открытую обвинить мага, обладающего большой властью (и большими возможностями). Хальер презрительно усмехнулся. Да, сплетничать за спиной все горазды, а сказать то же самое в лицо способны немногие. Как же бесит трусливость и двуличие некоторых человеческих особей! На таких и в бою нельзя положиться и в мирной жизни от них толка нет. Император верно предупреждал его, что провести этот закон через рейтнат именно сейчас будет затруднительно, его воспримут не так, как следовало бы.

«Среди двадцати членов рейтната лишь двое — стопроцентные люди, все остальные — потенциальные маги с пустым резервом. Они все завидуют моей магии и мечтают возродить те времена, когда маги были всемогущими хозяевами мира. Если я сейчас открыто признаюсь, что убивал девушек ради пополнения магического резерва, и предложу им поступать также, обещая не преследовать их по закону за эти убийства и скрывать их злодеяния, то закон примут мгновенно. Подлые, завистливые твари, почувствовавшие во время бунта свою силу и возмечтавшие о неограниченной власти! Или я в самом деле стал слишком циничен и озлоблен в последнее время? Может, они после моего признания в осушении девушек бросятся звать стражу и начнут вязать мне руки?»

Хальер окинул взглядом обрюзгшие слабовольные лица и усомнился в героизме рейтов. Ничего, еще лет двадцать-тридцать и все места в рейтнате будут занимать его люди: умные, ответственные, многократно проверенные. А Самок встал, откашлялся и сказал:

— Среди зарегистрированных пустых магов смерти тоже не редкость: ищейки часто гибнут на заданиях.

— Да, их работа опасна, никто этого не скрывает, — согласился Хальер, — но лучше погибнуть, сражаясь с преступниками, чем быть тихо уничтоженным в своем углу, разве нет?

Самок пожал плечами и сел, а чуткий, магически усиленный слух позволил Хальеру услышать шепотки о том, что смерти многих ищеек очень смутны и есть большие подозрения в том, что они сгинули от рук преступников. Глава тайной канцелярии скрипнул зубами и поймал взгляд императора, безмолвно говоривший: «А я предупреждал!» Ясно, этот закон сегодня не пройдет.

— Перейдем к следующему вопросу, — постановил император. — Я предлагаю расширить спектр увечий, которые излечиваются магией бесплатно, но с оговоркой: действие нового закона пока распространить только на молодых и работающих людей. В этом случае их возвращение в ряды налогоплательщиков позволит снизить общий уровень затрат императорской казны, особенно с учетом того, что их семьям не придется выплачивать пенсии по потери трудоспособности кормильца. Старикам же оставить платные услуги.

— Это негуманно и цинично, старики — тоже люди, — с пафосом изрек один из рейтов, остальные поддакнули.

— Полностью с вами согласен, рад, что вы проявляете инициативу в обсуждении этих поправок в законе об обязательных медицинских услугах, — кивнул император. — Тогда предлагаю оплачивать лечение работающих людей из императорской казны, а лечение старшего неработающего поколения из пошлинных сборов рейтнатов. Какой процент своих доходов от податей вы пожертвуете на благое дело? Один процент, больше?

Лица рейтов побагровели от негодования. Хальер саркастически усмехнулся:

«Вы так грозно требовали полтора десятка лет назад, чтобы подати, собираемые на торговых площадках ваших рейтнатов, шли не в императорскую казну, а к вам в карманы, так чему теперь удивляетесь? Тому, что часть налогов вы все равно должны тратить на то, для чего их и собирают: на благоустройство жизни населения земель? Вы хотели власти — так учитесь выполнять обязательства, налагаемые этой властью. Вы правда думали, что с вас ни гроха не спросят? Нет, вы можете сейчас отказаться, но тогда во всех вечерних газетах первой новостью станет та, что император выделил деньги из своей казны на полное восстановление рабочих, ставших калеками на производстве, а вот рейтнат решил сэкономить на стариках вопреки воле императора».

Рейты явно думали то же самое, посматривая на секретаря, ведущего запись заседания. В итоге

мучительной борьбы жадности с желанием сохранить свое реноме, был принят закон, по которому излечение инвалидов среди старшего поколения оплачивалось местными властями, то есть рейтнатами, на что выделялось аж полтора процента от общей суммы собранных ими податей. Император, правда, рассчитывал на два процента — тогда процесс двигался бы быстрее и результаты были бы заметнее, но полтора — тоже неплохо.

Далее обсуждались законы, которые по указанию императора разрабатывали сами рейты. По ходу диалога рейтов с императором Хальеру припомнился давний случай, когда один из молодых магов в Греблине уверенно хвастался изобретенным им веществом, которое якобы превращало любую ткань в непробиваемый панцирь, стоило только пропитать ее раствором этого вещества. Хальер выплеснул экспериментальный раствор на грудь изобретателя, выхватил из ножен меч и сделал выпад, целясь в мокрое пятно на его рубашке.

— Постойте! — завопил тогда юнец, шарахаясь в сторону. — Я еще немного его доработаю!!!

Сейчас также вели себя рейты, когда император сообщил им о том, что апробация новшеств начнется с их земель.

«Потерянное время, — злился Хальер. — Закон об обязательной регистрации «пустышек» опять отложили в долгий ящик, а остальное не относится к моему ведомству. Лучше бы в Кресси остался, беглянку поискал, а то ищейки опять очевидного под свои носом не заметят».

Глава 14. Велейская империя вчера и сегодня

После заседания Хальер обедал прямо в своем рабочем кабинете, спрашивая у друга императора, сидящего напротив:

— Чем тебе собственный кабинет не угодил?

— Понадеялся, что в твой в обеденное время заглянет меньше посетителей, — быстро управляясь с вилок, отвечал Адис. — Надежда не оправдалась.

Раздался очередной стук в двери и Хальер впустил в кабинет Лоуреса, несущего в руках сверток одежды.

— Что это? — спросил Хальер, отставляя тарелку и выходя из-за стола.

— Необычная одежда, найденная рядом с замаскированным плотом на берегу реки.

Под рассказ первого дознавателя о находке глава тайной канцелярии развернул сверток и внимательно рассмотрел синие брюки из удивительно плотной, но не кожаной ткани, свитер с затейливым геометрическим узором, куртку, набитую пухом, как подушка.

— Интересно придумано, — восхитился Адис, ощупывая пуховик. — Надо нашим портным такую идею подкинуть.

Хальер поднес одежду к носу, принялся.

— Выстирано на славу, собаки не смогли взять след, — с досадой прокомментировал его действия Лоурес.

— Да, чувствуется только свежий запах мыла. Говоришь, нашли одежду развешанной на ветвях ив на берегу? — уточнил Хальер. — Железные нервы у девицы: мирно стирает, пока сотни ищек носятся по ее душе по всему городу. Засаду у плота оставили?

— Само собой.

— Молодцы, что сообразили, хоть вряд ли она туда вернется. Ну, там, где она точно появится, я ее уже жду.

Лоурес открыл было рот, чтобы спросить, что же это за место такое удивительное, но подумал и рот закрыл. Отрапортовал, что сейчас проверяют дома, списки которых взяты в агентствах по аренде и продаже недвижимости, и откланялся.

Император задумчиво посмотрел на друга:

— И где же ты ждешь свою беглянку?

— О чем мечтает человек, которого обманом заманили в чужой враждебный мир? — вопросом на вопрос ответил Хальер.

— Вернуться домой.

— Именно так. И в данный момент я достаточно уверовал в превосходное функционирование ее мозгов, чтобы предполагать: она быстро разнюхает, что на другом материке можно купить одноразовый портал нелегального производства, следовательно — попробует пересечь границы империи, а тут все выходы у меня под строжайшим контролем. Есть менее вероятный вариант: она решит воспользоваться единственным стационарным межмировым порталом нашего материка, но он у меня накрыт защитой, которая мигом просигнализирует о попытке прорваться сквозь нее.

— Стационарный портал? Полагаешь, она сама, собственными ножками придет к тебе в поместье? Сунет голову в пасть льва? — удивился император. — Она ведь также разузнает, что этот портал много столетий не работает. Есть новости из Греблина?

— Не ободряющие: ученые Греблина до сих пор не могут придумать способ запустить портал. Иных рецептов кроме как «вбухать уйму магии, тогда, авось, заработает», они не предлагают.

— Почему кучу, ведь раньше много магии для работы не требовалось?

— Раньше он был полон, требовалось добавлять магии понемногу. Это как холодный чайник и горячий вскипятить: в первом случае долго печь топить, а во втором — одно полено подкинуть. Сейчас портал абсолютно пуст: его в Темные Века амулетами высасывали, а потом остатки магии за столетия просто рассеялись в окружающем пространстве. Надо вначале наполнить его до краев, а

потом достаточно будет чуть-чуть подпитывать при каждом запуске.

— То есть портал в данный момент — это пустая бочка. Пока не нальешь до краев — вода через край не хлынет. А потом после каждого «качания» в другой мир — лишь немного долить доверху?

— Да, примерно так. Только расчетный уровень начального объема магии, необходимого для запуска портала, так велик, что пока нечего о том и думать. Кроме того, этот демонов портал еще и «подтекает».

— Я в курсе. Можно было бы попробовать разрядить в него весь запас амулетов-накопителей, имеющихся в стране, но ведь магия в нем все равно не задержится, убежит, как вино из разбитого кувшина, это пробовали и мы сами и многие до нас, — огорченно подтвердил император. — Твои эксперименты в этом направлении до сих пор безуспешны?

— Увы, — мрачно отвечал Хальер. — Ученые маги из Греблина тоже разводят руками. А время начинает поджимать, сколько лет я пытаюсь раскопечгарить это наследие Золотых Веков? Легкие, маломощные портативные порталы не позволят перетащить к нам в мир сотни магов, их предел — шесть человек, и после первого же использования они необратимо рассеиваются и приходится конструировать их заново, причем с точной настройкой на заданный мир. Это процесс долгий и магоёмкий, а стационарный портал мог в одну секунду открыть проход в любой уголок Вселенной — только координаты точки выхода задай — и проходимость имел до трех человек в секунду.

— Именно, что «имел», в прошедшем времени. Возможно, он просто полностью выработал свой ресурс и восстановить его невозможно? А ты напрасно надеешься и тратишь на эксперименты дорогостоящую магию?

— Я запущу портал, чего бы мне это ни стоило. Ты же знаешь — я жизни не пожалею ради этого дела.

— Знаю, — кивнул император.

— А пока он поможет мне приманить беглянку, — продолжил Хальер.

— Ну-ну, будешь ждать визита беглой магини к **пустому** portalу... — Император сознательно подчеркнул слово «пустой», задумался, покивал головой, подвел итог своим раздумьям: — Думаешь, у нее большой магический резерв?

— Сам посуди: маги, которых вместе с ней перенесли из ее мира, так ничего о ней и не вспомнили, причем следов ментального вмешательства никому в Греблине обнаружить не удалось, хоть у Эльтара Каллинга работают и обучаются далеко не слабые маги. Ее проход в город видело около трех сотен свидетелей, и она **НАЧИСТО** стерла память о себе **ВСЕМ**. Трём сотням людей одновременно, Адис! Самый известный менталист в истории мог удерживать под контролем не более пяти людей одновременно, а она обработала триста и даже не вспотела, а шустренько бросилась бежать и удачно скрылась от лучших моих ищеек. Далее: Лоурес, как тебе известно, не последний менталист в империи и он, ожидая появления беглянки, поставил в своем сознании крепкие защитные анти-ментальные блоки. Как оказалось, он с таким же успехом мог не тратить усилий и магии на это дело.

— Ах, к слову — почему ее ни одни датчики магии засечь не могут? Ведь ни разу они не срабатывали при ее появлении, — вспомнил император.

— Потому, что она умеет скрывать свой магический потенциал, и это еще одно из свидетельств того, что этот потенциал огромен.

— Да, такие умения с возрастом развивались только у самых могущественных магов давних времен. В новейшей истории таковых уже нет, даже ты не можешь скрыть свою магию, — подхватил нить рассуждений император.

— И последнее: ее не сожрали дикие звери в лесу, кишмя кишасщем хищниками. Случайность? Не думаю...

— Начинаю жалеть о нашем договоре — такая ценность из рук уплывает, — сказал император и расхохотался, заметив недовольный прищур друга. — Столько пользы могла бы государству принести эта магиня, а всё тебе одному достанется.

— Жадность таки обуяла? — проворчал Хальер.

— Не, мне для друга даже очень сильной магини не жалко, — продолжил смеяться император. — Бедная, я ей глубоко сочувствую.

Глава тайной канцелярии недовольно поморщился и провел рукой по изуродованной щеке.

Император проследил за его жестом и резко сменил тему:

— Что с убийством последней девушки?

— Всё то же. Незарегистрированный маг-пустышка. Никого постороннего на селе в последние дни не видели. Родственники и жених убиты горем.

— Неужели совсем никаких следов?

— Никаких: ни запахов, ни магического следа, ни вещественных улик. Только лишенное жизни тело на берегу реки за пастбищем. Ясно, что убийца — сильный маг, каковых у нас совсем немного, и за каждым уже давно ведется тайное наблюдение. И это наблюдение лишь подтверждает их невиновность. Знаешь, о чем я постоянно думаю в последнее время?

— О чем?

— Почему настолько сложно найти этого убийцу? Почему даже версий уже нет? Ответ может быть только один — это человек, которого я в принципе не могу заподозрить. Почему ты так странно смотришь?

Император с усилием отвел взгляд. Рассеянно покрутил в руках бокал с соком.

— Нет, ничего, тебе показалось. — Залпом допил сок, сильно стукнул стаканом по столу. — Коул... тебе необходимо больше отдыхать. Нормально, полноценно отдыхать, без твоих магических заморочек. В следующий выходной жду тебя у себя, в загородном поместье. Рассматривай это приглашение, как приказ императора.

— Так точно, сир! — отсалютовал своим бокалом Хальер.

«История этого мира удивительна и поучительна».

К такому выводу пришла Алеся, закрыв книгу краткого курса истории, как значилось на обложке. Таких наук, как палеоантропология и палеонтология в целом, здесь не водилось, отсчет истории начинался с первого письменного свидетельства проживания людей, оставленного населением мира, и такими первыми письменами были свитки тонкой бересты, содержавшие свод первых законов первого организованного человеческого сообщества. Этим свиткам приписывался возраст в четыре тысячи двести пятьдесят лет и сейчас, соответственно, в этом мире был разгар лета 4250-ого года. Год здесь длился шестнадцать месяцев по двадцать четыре дня, каждый месяц делился на четыре недели по шесть дней: пять рабочих и один выходной, вернее сказать — полтора выходных, так как в последний день работали только с утра до полудня. Переводчик в голове Алеся названия двенадцати месяцев перевел привычными русскими словами, и их произношение на местном языке формировалось в ее голове автоматически, а четыре дополнительных месяца пришлось заучивать отдельно, иначе Алеся рисковала называть их «второй август», «второй ноябрь», «второй февраль» и «второй май». Разобравшись в местном календаре, Алеся запомнила, что переместилась сюда второго июля.

Вся история этого мира делилась на несколько больших эпох. Первая — Эпоха Развития человечества, когда дикие кочевники начали оседать вблизи рек и озер, организуя первобытные городища. В этих первых оплотах цивилизации начинали развиваться ремесла, обустроивался быт, появились первые школы. Главным назначением первых школ было обучение детей управлению своими магическими силами, поскольку от рождения все люди мира были магами. Случаи рождения людей, лишенных магии, бывали, и такое отклонение приравнивалось к инвалидности. Собственно, обычных инвалидов в мире и не было — целителей было много, и они могли отрастить потерянные людьми конечности и излечить все болезни. Магия способствовала быстрой эволюции мира и в техническом, и в научном плане: то, чего земное человечество добивалось тысячелетиями, тут возникло за несколько сотен лет. Магией занимались теперь не только на практическом, но и на глубоком теоретическом уровне, множество магических университетов выпускало могущественных умных магов, умеющих создавать новые магические плетения. Развитие магической науки перешло на новый качественный уровень и появился первый межмировой портал.

С открытием постоянного сообщения с другими мирами историки связывали начало новой эпохи — Золотых Веков. Бурное развитие науки и техники, рост благосостояния и самосознания людей: эта эпоха описывалась историками, как рай. Мир якобы был заселен только умными, добрыми, всемогущими магами.

А потом... магия кончилась. Магические источники, функционировавшие повсеместно по всей поверхности планеты, напитывавшие магией всех ее жителей и созданные ими машины, иссякли. На месте бывших магических источников остались безжизненные каменные плато — вельды, не излучавшие больше ни капли магии. Иллюстрации в книгах демонстрировали остановившиеся

заводы и фабрики, которые строили, как правило, вблизи магических источников, замершие на площадках глайдеры и скреблы, не работающие порталы. Магия еще оставалась в людях и их творениях, в амулетах-накопителях и началась всемирная война за оставшиеся крохи этой магии. Война уничтожила почти все достижения Золотых Веков. Потом наступили Темные Века.

Темные Века, когда простых людей и «пустышек», которых тоже считали тогда простыми людьми, стало рождаться намного больше, чем настоящих магов, и зависть к одаренным превратилась в яростную озлобленность, понуждавшую людей истреблять тех, кого природа одарила щедрее, чем их самих... Истреблять и ослабевших магов, и все их творения. Разрушать магические университеты, сжигать книги, содержавшие в себе мудрость тысячелетий...

«Ясно, грянули последствия того, что мир был завязан на единственный энергоноситель, который напрасно полагали возобновляемым. Если они тесно общались с другими мирами, то почему не побеспокоились об альтернативных источниках энергии? Магия круче всего и платить за нее не надо, добывать ее не надо, сама в руки льется? Значит, виденные мною каменные разрушающиеся врата, похожие на триумфальные арки, — это остатки бывшей транспортной сети порталов. Такие врата до сих пор у каждого населенного пункта имеются, у городов — побольше, у деревень — поменьше, только теперь не работают. Представляю, как здорово здесь жилось раньше — захотел, и вмиг переместился на другой конец света, пишут даже, что пользование порталами было бесплатным, так как работали они на все той же дармовой магии, разлитой по всему миру. Никаких проблем с трудоустройством ни в деревнях, ни в далекой провинции: работать можешь хоть в другом полушарии, до своего рабочего места всё равно быстрее доберешься порталом, чем на другой конец деревни пешком дойдешь» — размышляла Алеся.

Эта книга заканчивалась историей последнего бунта, после которого на престол взошел нынешний император Адис Ламокк и возник из небытия его верный друг и сподвижник Коул Хальер. Именно из небытия: о прошлом главы тайной канцелярии достоверных проверенных сведений не имелось, лишь скупо сообщалось о том, что он — сын некоего мелкого рейта, вся семья которого, за исключением Коула Хальера, погибла во время бунта. Магические силы в ире пробудились от великого потрясения при виде гибели всех его родных, а новое поместье взамен утраченного ему выделил император после восшествия на престол.

«Ого, мой главный враг — ближайший друг самого императора, а не просто наделенный большой властью человек. Похоже, против Хальера тут никто и слова молвить не смеет, только подпольщики пытаются грязью его поливать, но и то откровенно неуспешно: ира боятся настолько сильно, что подпольные листки никак на его авторитет не влияют», — сделала пометку в своей тетради Алеся.

Семье императора было посвящено несколько глав: описывалась жизнь его родителей, потом безоблачные детство и юность будущего монарха, который тогда и помыслить не мог, что сядет на престол — его родовая ветвь была далеко не в первой очереди престолонаследования. В молодости Адис Ламокк женился на известной красавице высшего света столицы, что родила ему двоих сыновей, причем бунт совпал со временем ее беременности вторым ребенком. В книге подробно и в самых восторженных выражениях описывалась тяжелая и героическая жизнь супружеской четы во время смуты и их благие деяния после того, как власть перешла в их руки. Восхвалению сыновей императора — Имира и Левана — тоже нашлось место в книге. Автор высказывал мнение, что ни в одном мире не найти больше таких принцев, замечательных во всех отношениях.

Алеся всмотрелась в цветные портреты молодых людей. Да, младший принц — тот самый юноша, что встретился ей во время первой прогулки по городу. Его старший брат тоже был красив, но красотой более сдержанной, мужской и суровой: черные волосы, тяжелый квадратный подбородок, серые глаза посажены глубоко, как у отца императора. Имир вообще больше походил на отца, а Леван — на красавицу мать.

Физическая карта полушарий этой планеты тоже в книге имела. В восточном полушарии находился только один материк, и весь этот материк занимало одно государство: Велейская империя. В центре этой империи, недалеко от ее столицы, был город Кресси, в котором волею судьбы оказалась Алеся. Западнее материка красовался большой остров — Греблин. В книге говорилось, что это один из двух последних оплотов развития магии в мире, второй подобный «оплот» (в реальности — тюрьма для иномирных магов) находился в другом полушарии и назывался Турлин. В западном полушарии было два материка, на которых располагалось еще два государства: Торийская и Лирмийская империи, соединенные узким Зеленым Перешейком, на котором и размещался Турлин.

Сообщение между материками осуществлялось немногими скреблами, на полеты которых наскребали магии по всей стране, и парусными кораблями, как некогда на Земле. Транспортные порталы нигде внутри мира не функционировали, но в Греблине и Тирлине делали одноразовые межмировые порталы, за счет которых работали единственные надежные поставщики магии: службы «охотников за магами», заманивавшие в эти порталы иномирцев. В такой и завлекли Алеся, которая сейчас невольно восхищалась смекалистостью магов Греблина: живя в средневековом, угасающем обществе, так лихо разобратся с земным интернетом и жизнью в технически

продвинутом двадцать первом земном веке — это действительно сродни гениальности. Как они умудрились рекламу в интернет-сеть запустить, да еще магически зачаровать ее, чтобы повелись только скрытые маги?

«Очень странно, как-то неправдоподобно, совсем не соотносится с той действительностью, что я наблюдаю из окна, — поражалась Алеся. — Не так прост этот Греблин, это «государство в государстве», совсем не прост! И ведь его ученые могли бы спокойно сбежать в любой другой мир, но не делают этого. Почему? Что удерживает их в этом понемногу умирающем мире, паразитирующем на соседях? Не могут же все ученые мужи Греблина быть злобными гениями, которым просто приятно иметь в своем распоряжении бесправных людей-батареек и заниматься наукой, не ограничивая себя морально-нравственными нормами, обязательными в прогрессивных мирах? Или могут, а мне пора снять розовые очки?»

Она придвинула к себе позапрошлогодний журнал «Магия сегодня», затесавшийся на книжных полках. Передовая статья в нем тоже начиналась с исторического экскурса в Темные Века, описывая постепенное ослабление магических способностей населения: как в первые десятилетия после истощения источников магии стал медленнее восстанавливаться магический резерв людей, а потом и вовсе коренные жители утратили способность к самовосстановлению магии. Здесь же рассказывалось, как местные умельцы-одиночки наловчились создавать небольшие порталы, пытаясь словить в них иномирных магов. Иногда им это удавалось и тогда из пленников выкачивали всю магию, а частенько — и жизнь заодно, пополняя собственный резерв и амулеты-накопители, запасаясь на будущее.

«Как пауки напивались чужой кровью», — зло оценила Алеся это повествование.

Но автор статьи ее негодования не разделял: он деловито вещал о том, что такое бездумное мгновенное израсходование иномирных магов было неразумно, что позже лучшие умы сообразили, как выгоднее использовать их на постоянной основе.

«Ага, как дойных коров. Верное сравнение подобрал тот стражник! — ярилась Алеся, читая, что окончательный порядок в этом вопросе в Новое Время навел ир Хальер. — Ну, конечно, кто же еще!»

«Когда было научно доказано, что у иномирных магов магический резерв на нашей планете может подпитываться не только за счет внешнего источника магии, как у жителей нашего мира, но и за счет восстановления физических сил, за счет возобновляемой при полноценном питании и крепком здоровье жизненной энергии, то идея использования иномирной магии на постоянной основе пустила крепкие корни и хорошо прижилась, — писал автор статейки. — Теперь нет необходимости постоянно отлавливать магов — достаточно хорошо содержать уже имеющихся.»

Раньше, до того как тайная канцелярия взяла под свой строгий контроль поставку в нашу империю иномирных магов, процесс их ловли был стихийным, неуправляемым. Магию хоть и умудрялись с них выкачивать, но должного присмотра за пленниками обеспечить не могли, в результате чего иномирные маги частенько сбежали. А они же самовосстанавливающиеся! Их магический резерв в итоге восполнялся и страшно вспомнить, сколько зла творили беглые маги! Огромный по площади пожар в столице, унесший жизни тысяч людей, устроил беглый маг-стихийник, пытаясь согреться зимой в заброшенном доме, где скрывался от преследования. Всем памятен потоп в горном районе на западе империи, когда сошедшие с вершины горы расплавленные беглым магом снега смыли со склонов величественной горы Аюртаг десять поселений. А массовые истерии и самоубийства — следствия побегов магов-менталистов? Словом, много проблем создавали иномирные маги. Сейчас же, благодаря четкой работе тайной канцелярии, отлаженным действиям охотников и ищеек, ир Хальер решил эту проблему. Теперь несанкционированные попытки построить межмировые самодельные порталы строго преследуются по закону, а все отловленные храбрыми охотниками маги содержатся под бдительным надзором в одном месте».

Алеся не выдержала и захлопнула журнал, в сердцах шваркнув его об стенку.

— Твари! Хальер — первая тварь! Его бы на землю в тюрьму, под «бдительный надзор»! За что?! Разве жители других миров виноваты, что вы высосали до дна магию собственной планеты? Заводов они у источников понастроили, порталы межмировые у них установили, видите ли, — вот и поплатились за жадность. У нас тоже бездумно расходуют природные ресурсы, но в чужих мирах их не воруют!

«Если научатся выходить в другие миры, то мигом начнут воровать», — ехидно предположил ее внутренний голос, но Алеся от него отмахнулась. Гипотетические предположения — это одно, а реально существующее насилие над безвинными людьми — это совсем другое! Парни и девушка, которых вместе с ней с Земли перенесли — милые ребята, не преступники, за что с ними поступают, как с животными?! За что лишили своего мира, свободы, право выбора? Ведь у них

наверняка остались на Земле родные и близкие, друзья, учеба, работа, планы на жизнь — так за что?!

— Похоже, мое бегство — это первый прокол ира Хальера. Ну, глава ищеек, обещаю: это будет самый памятный прокол в твоей преступной карьере! Ты меня еще попомнишь, гад, и родовое проклятье мне не мешает!

Наверное, так и становятся народными мстителями, революционерами, непримиримыми врагами режима. Алеся точно знала, что ее ближайшие цели безвозвратно изменились: она не спрячется трусливо в углу, она не сбежит на другой континент в поисках нелегально производящихся там мини-порталов (пресса уверяла, что тайная канцелярия в других империях не добилась столь значительных успехов в контроле всего и вся, как в Велейской империи). Она вытащит из Греблина своих иномирников и тех, кто томится на чертовом острове вместе с ними! И либо они договорятся о достойной жизни здесь, либо вернутся в свои миры, либо погибнут в борьбе за свободу.

Правда, вероятнее был альтернативный вариант: Хальер поймает ее в свои сети и высосет до дна, как паук муху, но Алеся клятвенно пообещала себе, что сделает все, чтобы гад подавился.

Или хотя бы несварение заработал...

Глава 15. Страшные реалии магического мира

Тот, против кого Алеся намеревалась бороться, отстаивая право на свободу, мрачно взирал на мертвое тело убитой девушки. Ир Хальер думал о том, что неспроста заметно участились эти убийства: десять лет назад нераскрытых похожих дел было три-четыре за год, а сейчас только в последний месяц уже два. Маньяк вошел во вкус, ему все больше нравится убивать и он все меньше сдерживает в себе это стремление. Возможно, приобрел наркотическую зависимость от искусственно созданного переизбытка магии в организме, вызывающем эйфорию, сродни той, что наблюдается при алкогольном опьянении, и ощущение всемогущества, как при приеме некоторых травяных настоев и употреблении курительных смесей.

Жертва была обнаружена на опушке леса, под прикрытием живописных кустов, цветущих крупными белыми цветками. Белоснежные лепестки падали на тело, как слезы горюющей матери, которую ищейки под руки отвели домой. Сейчас над женщиной колдовал штатный менталист, стараясь снизить интенсивность переживаний несчастной, «состарить» их, будто со смерти дочери прошли не часы, а годы: после недавнего случая, когда родительница жертвы повесилась, Хальер ввел это обязательное правило.

Ир прикрыл глаза, сосредотачиваясь на запахах окружающего пространства, — только ароматы цветов, привычные запахи летнего леса, лугов и близкого села. Ни малейших запахов другого человека — только убитой девушки.

— Он либо скрывает свой запах с помощью специального амулета, что продаются на черном рынке запрещенных магических предметов, либо перемещается по воздуху, не оставляя следов на земле, опять-таки с помощью амулета или собственной магии, — подытожил Хальер. — Я предположу, что скорее с помощью собственной магии: след от магии амулетов задерживается в пространстве на более долгий срок, в каком-либо из случаев успели бы его засечь. Жаль, что в воздухе запах рассеивается очень быстро, если нет материального носителя этого запаха, а такового нет — преступник ведет себя очень аккуратно и время для убийства выбирает умело — чтобы жертву нашли как можно позднее.

Сотрудники сыска мрачно кивнули, соглашаясь. Девушку убили уже два часа тому назад и как обычно — в разгар рабочего дня, когда родные быстро не спохватятся, что дочь исчезла, или вечером, когда вся молодежь гурьбой выходит на прогулку после трудового дня. Следов магии убийцы тоже не осталось, только мертвенно-серая аура, еще окружающая тело, говорила о том, что жизнь выпита через пустой магический резерв: в случае всех других видов насильственной смерти человека окружала бы постепенно тускнеющая разноцветная аура — такая же, что видна вокруг пожилых людей, медленно слабеющих и умирающих от старости. Ир самолично исследовал местность вокруг опушки леса и пришел к тому же выводу, что и его ищейки во всех аналогичных случаях: девушку убили прямо здесь. Следов переноса тела по воздуху или волочения по земле нет, платье смято и испачкано землей и травой точно так, как в случае безвольного падения из вертикального положения в этом месте. Царапины на щеке от окружающего кустарника и соответствующие следы на ветках подтверждают этот очевидный вывод. Более того, к этому отдаленному месту девушка пришла сама, добровольно и в одиночестве, что уверенно подтверждали взявшие след собаки, приведшие их от тела до дома убитой через луг и весь поселок. Она сама пошла в лес, несмотря на то, что по всем поселениям развешены предупреждения об убийце, требования незамедлительно сообщать обо всех появляющихся в округе незнакомых лицах, и даже чертовы подпольщики всюду устрашают народ маньяком-убийцей, всячески намекая, что им является сам Хальер.

Обобщая все данные о пяти десятках убийств, ир спросил у своих ищеек, все пытающихся отыскать в траве и кустах хоть клочок одежды убийцы:

— Какая общая черта вам кажется самой существенной во всех убийствах?

— Все убитые — незарегистрированные и потому необученные маги? — ответил один из парней, поднимаясь с земли с увеличительным стеклом в руках.

— Это понятно, что еще? — нетерпеливо подогнал ищеек Хальер. Послушал нестройные бормотания и сказал: — У каждой девушки есть жених! Родители у кого-то были, у кого-то нет, но женихи имелись у всех жертв! А ведь женихи у девушек бывают все-таки реже, чем родители, согласны?

— Совпадение, — неуверенно ответили ищейки, переглядываясь.

— Пятьдесят три раза подряд? — нарочито удивленно уточнил Хальер, приподнимая брови.

— Но женихи-то у всех разные! Многие женихи первых жертв давно женаты, кучу детей завести успели, а главное — большинство из них не маги, — ответили ищейки, не понимая, к чему клонит начальство.

А начальство продолжало:

— Подумайте: некоторые из этих девушек скрывали свои магические способности, когда таковые проявились, другие просто уклонялись от проверок, но все они боялись каждого шороха, во всех подозревали ищеек, отправленных выследить людей с резервом, однако каждая сама выходила за пределы села без сопровождающих, даже поздним вечером — тому есть свидетели. Чем же их выманивают в лес, на пустынные берега рек, к отдаленным холмам? Странно, что ни одна девушка не сообщала родителям, что собирается с кем-то встретиться или погулять, хотя те утверждают, что раньше она даже по грибы пойти с подругами без спроса не смела.

— Запугали? Велели молчать?

— В чем вы видите свидетельства запугивания? Те девушки, которых видели незадолго до смерти, были веселы и общительны, вот описание: «шла вприпрыжку, напевая песенку». Все они в момент гибели были нарядно одеты, причесаны, многие переодевались специально перед уходом из дома. Эта последняя жертва с утра стояла у печи, готовила обед на всю семью, потом умылась, заново переплела волосы (мать видела ее до того с другой укладкой), надела выходное платье и ушла, не сказав ни слова родным, как и все прочие до нее. Почему?

— Боялась потревожить родителей?

— Да не боялись они все ничего, в том и дело! Просто не подумали, что стоит предупредить об уходе. Почему? Потому что ситуация с их точки зрения была настолько обыденной и совершенно безопасной, что в голову не пришло предупредить! Самое логичное предположение — они бежали на свидание к своему жениху.

— Так разные у всех женихи, не могут же они все быть убийцами! — воскликнул ищейка с лупой.

— Тайный возлюбленный? Это мог быть один и тот же маг, — предположил другой.

Хальер, качая головой, опроверг это предположение:

— К тайному не бегут по центральной улице, весело напевая у всех на виду. Угрызения совести от измены заметно сказались бы на поведении девушек, родные не могли бы этого не заметить, а на свидания они пробирались бы тишком и с оглядкой.

— И какой вы делаете вывод?

— Я уже сказал: они все спешили на свидание к своему жениху. Единственному, официальному, вероятно — горячо любимому. Вы помните первые уроки магической грамотности? Как забрать у человека магию, а вместе с ней прихватить и жизнь?

— Разжечь в нем чувства, эмоции, пошатнуть внутренние барьеры, — хором ответили ищейки. — Самый простой способ наладить обмен магией — вызвать у мага сексуальное влечение к себе.

— Это так вас учат в школах? Я бы сказал, что куда проще разозлить мага, но это мое субъективное мнение, — фыркнул Хальер, а его сотрудники позволили себе бледные улыбки.

Да, они все оч-чень опасались сердить своего главу, ведь при любом обмене магией в проигрыше оставался тот, кто слабее, так что рискованно было провоцировать ира на «обмен».

— Словом, именно страстный поцелуй с женихом стал для всех девушек смертельным аттракционом, — заключил Хальер.

— Велеть арестовать бывших женихов всех жертв или только последней?

— Ни одного из них, причем тут эти парни? Почти все — не маги, да и алиби у них имеется. Они же давали показания, что не встречались с девушками, и у них есть свидетели, проверенные менталистами, как и сами парни. Нет, убивает маг, вероятно — сильный менталист, способный внушить человеку, что он видит вместо него близкого, любимого человека. Вы должны помнить из курса магии, что радиус действия иллюзии у сильного менталиста может достигать нескольких метров — тогда все, кто попал в это пространство, будут видеть не настоящее лицо и слышать не настоящий голос, а фальшивку. А вот сторонний наблюдатель под воздействие не попадет, потому убийца и выманивал жертвы подальше, чтобы никто не увидел его настоящее лицо, не услышал бы настоящий голос, а не тот, что он проецировал в сознание своей жертвы. Девушки видели своего жениха, тогда как под ментальной иллюзией прятался совсем другой человек.

— И кто из магов на это способен? — тихо спросили ищейки.

— Первый вариант: чистый менталист высокого уровня. Таких в нашем мире сейчас нет, не считая беглой магини, но она-то появилась только недавно и не покидала Кресси. Правда, в этой версии

остается под сомнением способ перемещения убийцы по воздуху, так что я ратую за второй вариант: убийца — сильный маг-универсал наподобие меня, — хладнокровно ответил Хальер. — Других вариантов нет.

— В империи есть еще маги-универсалы **вашего уровня**? Кто же это? — еще тише спросили ищейки и снова переглянулись.

— Чертовски хороший вопрос. Лично я других не знаю.

Закупив в первый вечер продукты, Алеся вторые сутки безвыходно сидела в своем доме, изучая все найденные книги по магии и наблюдая за жизнью из окон гостиной, кухни, спальни или библиотеки, в зависимости от времени суток. Ее никто не беспокоил, только стражники в одно и то же время дважды в день совершали обход по проулку. Они грохотали подкованными сапогами по брусчатке ранним утром и поздним вечером, переговаривались, зевая, о текущих делах: что жалобами от жителей города на произвол ищеек можно будет всю зиму камин в управлении топить, что несуразными требованиями проверять всех идущих в одиночестве людей служба сыска настроила против себя всех поголовно, а хозяева таверн самому императору уже жалобу направили. На второй день вечером те же стражники толковали о том, что обязательную проверку одиноких людей отменили, что теперь велено только присматривать за подозрительными личностями, проследить их передвижения и в случае обоснованных подозрений вызывать штатного менталиста для удаленной тайной проверки памяти человека.

— Смешно, даже мне известно, что скрыть факт проверки сознания невозможно: на человека обязательно накатывает слабость, головная боль, он временно теряет ориентацию в пространстве и потом несколько минут не может прийти в себя, — со скепсисом разглагольствовал один стражник под согласное бурчание второго. — Боюсь, что жалоб меньше не станет.

— Нам-то чего бояться, мы ж не ищейки, — отмахивался его напарник, — жалуются не на нас. Если эта магиня так сильна, как втихаря толкуют по углам, то она уже сто раз могла скрыться из Кресси и сидит себе сейчас где-нибудь на природе, убедив какого-нибудь богатенького рейта, что она — его внезапно объявившаяся внебрачная дочь. Помнишь, как в том романе о магине с ментальными способностями...

— Ты слишком зачитываешься бульварными книжонками, — хохотнул первый стражник.

— Да не я, мне жена каждый вечер всё ею прочитанное пересказывает, не остановить ее никак, волей-неволей сюжет запомнишь, — сконфуженно ответил второй. — Ох, как она сочувствует этой иномирной беглянке, так надеется, что ищейки ее не схватят, что приходится рот затыкать, чтоб не вякала о своих надеждах на каждом углу — ищейки сейчас злые, как шершни, носятся: ни маньяка поймать не могут, ни магиню.

Стражники ушли своей дорогой, ночью под окнами прошагали патрули, а Алеся все сидела за столиком в гостиной, склонившись над книгами. Не думала, не гадала она, что это чтение настолько ее увлечет, больше, чем когда-либо увлекали земные фэнтезийные романы, ведь здесь все было взаправду, по-настоящему и имело прямое отношение к ее выживанию во враждебном мире. Ее поразила в книгах фраза, выделенная бросающимся в глаза курсивом в каждом вступительном слове к книгам по магии:

«В любом магическом противостоянии важен не только уровень магических способностей, но и мотивация сражающихся: сила на стороне того, кто ратует за правое дело».

Похоже, маги Золотых Веков, от которых перешла к потомкам эта мудрость, были людьми куда более приличными, чем маги нынешние, для которых это изречение стало просто красивой фразой.

В толстой линованной тетради Алеся конспектировала существенные моменты из прочитанного и вот что в итоге прояснилось...

Магические способности можно было условно подразделить на:

— управление стихиями (самые слабые маги владели одной-двумя стихиями, более сильным подчинялись все),

— ведьмовство (оно же — колдовство), когда маг действовал на живую и неживую природу не напрямую своей силой, а опосредованно через зелья, заклинания на амулетах и заговоры,

— целительство, когда магией лечили людей, в том числе — восстанавливали уровень «выпитой» или потраченной жизненной энергии (если, конечно, человек еще оставался в живых к моменту появления целителя),

— ментальную магию, когда маг оказывал воздействие на центральную нервную систему человека: мог внушить ему любые мысли и чувства, заставить совершить любые действия, разлюбить и полюбить, забыть, что было и вспомнить то, чего не было, вынудить убить или спасти кого угодно.

Каждый маг обладал одним из указанных видов способностей и стихийник никак не мог выполнять работу целителя или менталиста, но порой (крайне редко) рождались маги-универсалы, умеющие буквально всё, хотя бы в малой степени.

Сравнивая книги магического мира с земной фантастикой, Алеся отметила, что здесь не прописаны способности к телепортации. Пирокинез изучают у стихийников, а факультета некромантии в помине нет — в этом мире, как и на Земле, смерть была окончательным и необратимым вспять процессом. Всякие виды нечисти были исключительно сказочными персонажами, а также ни один маг не мог превратиться сам или обратить другого человека в животное: оборотней не существовало, как класса. Реальностью были только маги, зато какие это были маги!

Алеся запоем читала исторические повествования об известных стихийниках, целителях, колдунах. Рассказы о героях, спасавших людей и природу от губительных пожаров в засушливые года, защищавших селения от паводков и буйств стихий, и о негодях, использовавших свой дар, чтобы держать людей в страхе и повиновении. Таинственные истории о необычных амулетах, открывавших тропы к затерянным источникам магии или позволявшим человеку повелевать зверями. О заклятиях, дарующих здоровье и силу или напротив — насылающих болезни и депрессию. Удивительно было читать имена и биографию этих магов, видеть их годы жизни и осознавать, что это не придумки фантастов, а всамделишная историческая быль.

Но колдуны и стихийники не считались самыми опасными из магов. Почти к богам приравнялись только менталисты. Сильные менталисты. Они могли практически всё, как настоящие боги, только что не творили новых миров.

Зажечь огонь? Запросто — достаточно найти поблизости стихийника и он сделает все, что пожелает его могучий «друг». Поблизости нет стихийников? Не проблема — можно отрядить на это дело людей-марионеток.

Влюбить в себя понравившуюся девушку? Проще простого: видя в мыслях ее идеал, легко внушить ей, что именно ты ему соответствуешь, и что все другие ее привязанности уже покрылись пеленой забвения и равнодушия. Добиться власти? Не вопрос — люди сами пригласят тебя возглавить их общину, реит назначит своим единственным наследником, император признает лучшим другом.

Не удивительно, что сознание своего могущества, своего неоспоримого превосходства над другими людьми, кружило головы магам-менталистам и часто сводило их с ума. Да, быть богом непросто. Пожалуй, это самая трудная работа во Вселенной. От полного порабощения менталистами население мира спасала лишь ограниченность такого магического дара: Алеся прочитала, что удерживать в полном повиновении маг-менталист (даже самый сильный из известных) мог лишь несколько человек и только держа их в поле действия своей магии, а это пара десятков метров. Зато бонусом шло умение менталистов стирать воспоминания людей: о себе, своем воздействии на них или просто — какие-то моменты их жизни. При этом стирались не только сами воспоминания, но и чувства людей, связанные с этими воспоминаниями. Впрочем, в этом вопросе Алеся разбиралась лучше, чем авторы книг, — она имела с этим дело с момента своего рождения на свет и без всякой магии.

Был у менталистов еще один бонус: способность закладывать в разум людей отложенные во времени ментальные установки. В этом случае расход магии шел постепенно, и воздействие могло охватить большую группу людей. Очень большую группу! Алеся с содроганием прочла, как в одном селе спрыгнуло со скалы в море и разбилось насмерть 97 человек, когда однажды утром маг-менталист активировал смертельную установку на рассвет.

«Я помню, как это было, — приводил автор книги слова очевидца тех событий. — Вначале на улицу выбежала моя мать, а отец напрасно звал ее и спрашивал что происходит. Ах, если бы он знал тогда, чего ждать, то запер бы ее дома, приковав цепями к стене! Потом к матери присоединились соседи: сразу вся семья, муж с женой и двумя детьми. Толпа людей на улице все росла и росла и двигалась в предрассветной мгле к скалам на побережье моря. Мы с отцом шли в конце толпы, среди таких же недоумевающих односельчан, непрерывно спрашивающих: «Что случилось?», «Куда все идут?» На вершине скал дул порывистый ветер, лучи рассветного солнца озарили бредущих к обрыву людей и те с радостными возгласами бросились вперед, протягивая руки к солнцу... и посыпались с высоченной горы на чернеющие далеко внизу каменные рифы, омываемые морем. Мало кого успели схватить, остановить, но и эти задержанные с силой бешеного волка рвались из рук, стремясь кинуться в морскую пучину. Тогда единственный раз в жизни я видел красный морской прибой...»

Алеся закрыла книгу, в ужасе качая головой. Она не знала, по какой причине менталист вздумал так дьявольски отомстить жителям поселка, но то, что он побудил к самоубийству даже детей — это

было за гранью всего человеческого. Услышанные после ее появления в этом мире слова Хальера: *«Не хочу задумываться о том, каких дел может наворотить сильный, но совершенно необученный маг-менталист с таким мощным даром в нашем мире, особенно имея облик слабенькой невинной девушки»*, наполнились для нее новым жутким смыслом. Ведь глава тайной канцелярии убежден, что она — именно менталист, так что смертный приговор ей можно считать подписанным, только наивные домохозяйки могут рыдать над ее судьбой, а стражи порядка замуруют ее в одиночной камере без тени сомнений, а при попытке бегства уничтожат на месте.

И Алеся прекрасно их понимала: содержать менталиста было крайне опасно даже под стражей, так что планы ира Хальера в отношении нее теперь были совершенно прозрачны — сразу осушить до дна, до смерти, пополняя запас магии в амулетах-накопителях или личном резерве. Менталистов наверняка даже в Греблине не оставляли в живых — слишком на многое те были способны. Надежным подтверждением этих рассуждений Алеси была еще одна историческая бль:

Незадолго до последнего бунта, имевшего место двадцать два года назад, одним магом, порталщиком-любителем, был пойман и перетянут в Велейскую империю иномирный маг. К несчастью, маг оказался менталистом и через какое-то время сумел сбежать, а в незнакомом враждебном мире ополоумел от ощущения ежеминутной опасности и у него начались неконтролируемые выплески силы. Стражники в поместье одного рейта почти схватили его, когда их накрыло волной ментальной магии... Мужчины набросились с мечами друг на друга, потом на тех, кто пытался их разнять и остановить. Менталист, как умелый кукловод, вовлек в кровавую схватку почти всё население поместья, не пощадив ни женщин, пытавшихся образумить своих мужей, ни детей, ни стариков. Когда в поместье прибыли отряды ищеек, под завязку наполненных магией из амулетов и сопровождаемых взводом собственных менталистов, они обнаружили безмолвное поле отбушевавшего здесь кровавого побоища. Трудно было определить, кто есть кто, где чьи останки, но в одном зарубленном мужчине маг-порталщик опознал того иномирного мага, которого ко всеобщему горю затащил в свой мир. Кукловод погиб под мечом одной из своих марионеток, не справившись с большим числом управляемых им «кукол». Эта бойня произошла уже в разгар бунта, но даже на фоне множества происходивших тогда ужасных событий врезалась в память людей.

«Боженьки, боженьки! — схватившись за голову, раскачивалась из стороны в сторону несчастная попаданка. — Хальер в день моего побега от охотницы Олейры предполагал, что я — сильный менталист, но он точно запретил своим людям разглашать эту информацию, иначе сейчас я наблюдала бы массовое бегство горожан из Кресси. Сообщи кто мне, что в городе прячется сильный менталист, я бы уже бежала прочь, сверкая пятками».

Алеся так прониклась кровавыми историями о спятивших менталистах, что завизжала бы от страха, почувствовав прикосновение к своему разуму хоть одного из них. Бедные горожане, которых из-за нее подвергают ментальным проверкам! Неудивительно, что в сыскное управление поступает куча жалоб.

Откладывая в сторону книгу, Алеся теперь с опаской думала про спасение магов из Греблина. Вдруг, среди пленников острова все-таки остались менталисты? Стоит ли их спасать? Да, их тоже подло обманули и затащили в чужой мир с неблагоприятными целями, но что если их спасение обернется чудовищным злом для других, тоже невинных людей?

Алесе вспомнилась пахнущая теплым хлебом пекарня, пухлая служанка с ведрами в руках, торговец Митяй, множество других улыбающихся людей, в толпе которых она шла к городским воротам. Торговцев, рабочих и крестьян, в своем каждодневном труде никак не связанных ни с магами, ни с магией.

«Опасны могут быть не только горящие желанием мстить менталисты, но и стихийники, колдуны... Да что там, любой маг — крайне опасное создание, если ему нечего терять кроме своих цепей! Прежде чем освобождать всех рабов Греблина, стоит проверить степень их незлобивости и адекватности, — думала Алеся, — и лучше сразу их по родным мирам отправить. М-да, так и сказать начальникам Греблина: гоните межмировые порталы, а не то пойдем громить империю. Ох, что-то я говорю, как террористы в фильмах: подавайте самолет и миллион долларов, а не то уничтожим заложников. Тьфу, Алеся, совсем запуталась ты в своих планах. Но книги почитала не зря, просветление в мыслях имеет место быть: я гораздо лучше представляю, в каком мире живу и насколько глубоко вляпалась в феноменальные неприятности».

Глава 16. Знакомство с подпольщиком

Утром третьего дня объявилась служанка от агентства: пришла несданные дома убирать. По счастливой случайности Алеся заметила ее из окна спальни, когда о брусчатку зазвенели ключи, выпавшие из руки девушки в косынке и длинном фартуке, открывавшей соседний нежилой домой. Дверь служанка так и оставила открытой, проветривая помещение, дополнительно распахнув и несколько окон на первом этаже. Алеся открыла свое окно и прислушалась, как девушка загремела ведрами в чулане, потом заплескала водой на кухне.

Алеся всполошилась:

«Эта девица явно потом и ко мне заявится — ведь в агентстве мне оба этих дома предлагали арендовать. Хорошо, что я остановилась на более отдаленном от перекрестка варианте! Срочно заметаем следы, а не то девица молнией вылетит за порог и кликнет стражников еще до того, как забудет о моем присутствии в этом доме».

Господи, когда она успела так обжиться тут?! Какая удача, что еще раннее утро и печь она пока не топила, воду не грела, завтрак не готовила, так что на кухне все прибрать не долго. Беда была с книгами, они лежали везде: в спальне на тумбочке, столике, под кроватью и одна на подушке; в гостиной на столике у окна, на стульях у столика, на подоконнике; в кухне на столе; в библиотеке на всех горизонтальных поверхностях. Алеся метеором носилась по дому, составляя все отобранные ею для чтения книги на нижнюю полку, а ненужные ей книги с этой полки распахивая по всем свободным местам и сдвигая книги плотными рядами, как они стояли раньше.

«Надеюсь, служанка не обратит внимания, что книги расставлены вперемешку, не по темам, что история отныне соседствует с учебниками магии и физической географией. Какое дело служанке до правил расстановки книг на полках? Она пыль смахнет и все», — пыхтя, трудилась Алеся.

Времени в обрез, а еще в ванной прибраться надо, поношенный ею халат повесить за мужским собратом так, чтобы не сильно выглядывал и не демонстрировал свою помятость и состояние вещи, бывшей в употреблении. Полотенца, которые использовались — тоже вниз. Постельное белье Алеся сдернула с постели и сложила в свой мешок с прочими уликами своего пребывания здесь. Служанка не будет пересчитывать комплекты постельного белья в шкафу. Продукты снесла в погреб и запрятала в дальнем темном углу, загородив их какими-то досками. Из печи выгребла золу и выкинула в кусты у черного крыльца. Бочку она каждый день пополняла из колодца в сквере, выходя перед вечерним обходом стражников, так что убыли воды в ней служанка не обнаружит.

Ох, кажется, ничего не забыла. Одевшись в свой единственный наряд — мужской костюм — Алеся сделала контрольный обход дома и выскользнула из него через черный ход, когда служанка уже звенела ключами, закрывая соседний дом.

«Столько денег заплатила за аренду, а бегу из дома, как любая воровка: вот последствия жизни на незаконно нажитые средства, — вздыхала Алеся, маршируя в сторону лавок. — Ладно, будем акцентироваться на плюсах: уборку самой делать не надо будет».

Шутки шутками, но неприятный осадок на душе остался. Сколько времени ей еще выживать, обманывая народ, не имея возможности честно заслужить свои грохи? Сколько еще скрываться и оглядываться по сторонам? Она живет, как при домашнем аресте, не смея лишний раз выйти за порог. Окружающий город давил своей шумной атмосферой, непривычными видами коней, карет и людей в старинных (на взгляд землянки двадцать первого века) одеждах. Причудливости иномирной архитектуры резали глаз, булыжник раздражал своей неровностью — мечталось пройти по родному асфальту. Кто она в этом мире? Пустое место, даже хуже того — отрицательный элемент, назначенный к уничтожению при обнаружении. Чем ей заниматься здесь? До окончания дней своих разными способами дурить народ на базарах?

«А планирую соотечественников спасать! Да мне не придумать, как саму себя спасти! Надо проштудировать учебники магии, особенно главы про порталы — вдруг, пойму что или узнаю, где найти мага, способного построить портал. На базарах я слышала о существовании здесь подпольного рынка магических предметов, может, там и портал купить можно? А что? Говорят, у нас в России в лихие девяностые годы люди танк на черном рынке купить могли, а чем Велейская империя хуже?»

Но покупка «танка» временно откладывалась за незнанием координат точки, торгующей данным товаром, так что Алеся тратила деньги на более привычные для женщины покупки: одежду. Она три дня ходит в халате, изредка меняя его на мужской костюм! Душа требовала разнообразия, разум — увеличения маскировочных нарядов, так что явившийся в лавку портного «молодой человек» купил вначале миленькое домашнее платьице для «сестры», а потом черный старушечий наряд для «вдовой матери» (улучшенный и приличный аналог одеяния «ворожеи»). Потом выдвинуло свои требования голодное тело и «молодой человек», покинув лавку, ловко пристроился позади

компании подвыпивших юнцов, делая вид, что он пьян сильнее других и еле плетётся вслед за своими товарищами. Вслед за компанией он просочился в таверну, а там уж спокойно сел на отдельное место в дальнем углу и принялся размышлять над прочитанными в книгах сведениями:

«Есть ли хоть малейший шанс, что я — маг-менталист? То, что я ни разу не стихийник и не кто-то другой, это очевидно, но моя способность забываться похожа на умения менталистов. Правда, здесь ключевое слово — *умения*, а у меня все происходит спонтанно. Рассуждаем логически: датчики магии на меня никак не реагируют, никаких «внутренних сил», как положено магу, я в себе не ощущаю, приказывать людям, как любой менталист, не могу. Господи, ну какой из меня великий маг, если я своего университетского преподавателя не смогла убедить не ставить мне «тройку»! Настоящему бы менталисту не только «пять с плюсом» поставили, но еще и в ножки поклонились бы! И потом, менталисты стирают память о себе сознательно, отдельным людям, с близкого расстояния и тратя на это магический резерв, что сопровождается определенными физическими ощущениями, а я? Стираю воспоминания всем подряд, против собственной воли, на любом расстоянии и совершенно не замечая этого, никакого «перерасхода магии» или чего-то похожего по описанию у меня отродясь не наблюдалось!

Нет, более жизнеспособна старая идея родового проклятья, и теперь я могу предположить, откуда оно взялось: скрытый специалист по заклятиям и заговорам моей прабабке на пути встретился, вот и расхлебываем всем родом по нарастающей. Эх, встретиться бы мне с тем магом, я б ему столько «ласковых» слов сказала, новый том «Книги проклятий» можно было бы издать!»

В жаркое послеобеденное время Алеся вернулась в начисто отмытый дом и заново застелила постель. В ней бурлила жажда деятельности и знаний, и она вновь притащила из библиотеки свои книги, сгрузив их на столик в гостиной и усевшись в кресло у окна.

В библиотеке нашлось несколько учебников магии. Не просто описаний магических способностей, а именно учебников. Один назывался: «Магия для начинающих. Основные сведения», другой: «Основы магии стихий. Магическая школа», потом три книги в одинаковых обложках: «Теория магии стихий. Магическая школа», соответственно том первый, том второй и третий.

Однако Алеся вцепилась в книгу с названием: «Школьный практикум по ментальной магии» и, затаив дыхание, открыла её.

Первые страницы занимало введение, гласившее, что чем больше способности менталиста, тем выше его ответственность перед всеми людьми за их разумное использование. Эти философские рассуждения завершались текстом клятвы, которую перед началом обучения произносил всякий менталист, и смахивавшую на клятву Гиппократа: «не убий, не навреди, используй дар для добрых дел, храни в тайне всё, что невольно прочтешь в умах людей, за исключением страшных и преступных их замыслов».

А дальше шел первый раздел, посвященный воздействию на эмоции человека. И тут Алеся вновь ощутила себя семилетней девчонкой, которую мать привела в гости к коллеге по работе, имеющей взрослого сына старшеклассника. Алеся уже занималась по программе первого класса, хорошо умела читать и ей страсть как захотелось подружиться со взрослым мальчиком, пусть хоть на несколько минут. С умным видом подойдя к парню, склонившемуся над тетрадками, она спросила:

— Почему в воскресенье уроки делаешь? Раньше не успел?

— Да.

— А я всегда успеваю в пятницу все сделать, хоть и учусь заочно, — похвасталась она.

— Угу, — промычал в ответ мальчик.

— Ты плохо учишься, поэтому медленно уроки делаешь, да? — Алеся умела быть настойчивой.

— Слушай, иди на кухню, там тебя тортом угостят и чая нальют, — взмолился парень, не в силах под ее лепет сосредоточиться на задании.

— Лучше я помогу тебе уроки сделать, а потом мы вместе чая с тортом поьем, — щедро предложила Алеся.

Мальчик оторвался от тетради и изумленно взглянул на настырную малявку. Невольно улыбнулся при виде ее горящих воодушевлением синих глазенок и торчащих в стороны косичек.

— И по какому предмету ты хочешь мне помочь? — весело спросил он.

— Давай, по математике. — В своем отличном знании этого предмета Алеся была уверена на все сто. В грамотном написании сложных слов она была несильна и честно признавала это, понимая, что в старших классах надо знать явно больше, чем «жи-ши» и «ча-ща», а вот математика — штука

простая и незатейливая, чего в ней может появиться нового к старшим классам?

Мальчик заливисто рассмеялся и торжественно вручил ей учебник с заглавием: «Алгебра и начала математического анализа».

— Страница семнадцать, номер сто три, — сообщил он, и Алеся раскрыла книгу.

Она до сих пор помнила охватившее ее тогда замешательство, как ошеломленно взидала на кучу непонятных символов и названий, несколько раз по слогам прочитала «функция котангенса», запинаясь на каждой букве, и огорошено посмотрела на потешающегося парня:

— Это не математика!

— Она самая, — заверили ее.

— И ты понимаешь, что здесь написано?!

— И даже решить могу. Я, вообще-то, неплохо учусь, просто задают нам очень много.

Мать час не могла оторвать Алесю от стола мальчика — так заворожено она смотрела, как ручка в его руках уверенно выписывает диковинные закорючки, чертит кривые линии и линии, похожие на волны, подписывая рядом с ними странные символы. Алеся была уверена, что наблюдает за работой божества или как минимум — выдающегося гения. А уже дома она долго поражалась тому, сколько же надо выучить, чтобы хоть немного понять в той книжке.

И теперь, благодаря иномирному учебнику магии, к ней вернулось то детское ощущение великого чуда, преклонения перед величиим человеческого разума, способного выразить формулами самые удивительные явления природы.

Да, книга магии была тоже написана языком формул, как учебники физики, химии, астрономии, алгебры и геометрии. А раз так, то магию тоже можно изучить, даже если не удастся самостоятельно применить ее на практике. Алеся в школе легко давались точные науки, хоть в институт она пошла по гуманитарному профилю. Но конкретно этот учебник был явно не для начальной школы. Алеся бережно отложила его в сторону, оставив раскрытым: ей нравилось любоваться диковинной вязью незнакомых знаков, как раньше — математической символикой Земной науки. Читать же она принялась основные магические сведения для начинающих: как проявляют себя первые всплески магии, где и как пройти проверку на наличие магического резерва, как пополнить этот резерв с помощью амулетов и за счет обмена с другим магом. Имелось и предупреждение о том, насколько плачевно может закончиться этот обмен. Заинтересовало Алесю известие, что маги живут дольше обычных людей, если регулярно пополняют свой магический резерв. В старину, когда маги в этом мире подпитывались постоянно энергией магических источников, то жили до трехсот лет, а сейчас сильный маг мог протянуть два века, что в три раза превышало средний срок жизни простого человека в этом мире.

«Вот еще одна причина для азартной ловли иномирных магов — их магия продляет жизнь власть имущим и богачам, способным купить амулеты для подпитки пустого резерва, — поняла Алеся. — А молодое лицо главы тайной канцелярии просто доказывает, что он — сильный долгоживущий маг, тогда как на самом деле он ровесник императора и ему уже за пятьдесят».

Когда наступающие сумерки начали затруднять чтение, покой нежилого переуллка опять тревожили торопливые шаги постороннего прохожего. Даже не шаги, а дробный перестук ботинок бегущего человека.

Отложив книгу, Алеся приткнулась к оконному стеклу. По переулку бежал молодой парень, на вид — ее ровесник. Приглушенный свист за поворотом и крики сообщили о том, что за ним гонятся ищейки. Парень затравленно оглянулся, бросился к первому дому, рванул на себя ручку двери, и истошно завывала сигнализация, оповещая всю округу о попытке взлома помещения. Крики ищейек приближались теперь с обоих концов переуллка, в больших, лучистых серых глазах парня промелькнуло отчаяние, и сердце Алеси дрогнуло. Ведь она сама так же убегала от ищейек, без малейшей надежды на чью-то помощь! И парень был так похож на Колю Королькова из ее университета: такие же ясные серые глаза, темно-рыжие волосы, скуластое лицо. Дрожащими руками отомкнув замок на двери, она крикнула:

— Сюда, быстрее!

Парень сориентировался мгновенно — запрыгнул на крыльцо, под оглушающее завывание потревоженной в соседнем доме сигнализации захлопнул дверь, а Алеся мигом вновь заперла ее на ключ. Сигнализация смолкла и стали слышны громкие шаги и разговоры ищейек, вбежавших в переуллок.

— С той стороны заднее крыльцо, — прошептала Алеся, потянув парня за рукав, но он уперся,

покачал головой, зашептал в ответ:

— Они обкладывают со всех сторон, черный ход точно держат под контролем. Ложись, чтоб в окна не заметили, что в доме кто-то есть, это единственный шанс, иначе и меня заметут, и тебя как соучастницу прихватят.

Они растянулись на ковре гостиной, прислушиваясь к голосам преследователей.

— Вы упустили его, недотёпы?! — прорычал низкий бас.

— Он не выходил из переулка, — убежденно ответил приятный тенор.

— А куда он делся? Оба здания нежилые, их давно не могут сдать в аренду, магическая защита не пропустила его в первое здание, а на втором она даже не тронута: защитное плетение на окнах и двери не подвергалось несанкционированному воздействию ни магией, ни физической силой.

— Обыскиваем заброшенный сквер, он может прятаться там.

— А может, мои сотрудники — слепые неповоротливые курицы, — зло подытожил низкий бас. — Житья нет от этих подпольщиков, так и ждешь, что до нового бунта народ доведут, псы облезлые! Хорошо они во время смуты город изучили, говорят, секретными картами тайной канцелярии разжиться сумели, сволочи, все ходы и лазейки знают лучше нас.

Голоса удалились и перестали быть различимы. Алеся рискнула приподняться и усесться на ковре, поправляя подол своего нового домашнего платья и разглядывая в полутьме неосвещенного дома своего неожиданного гостя. Миловидный парень вызывал чувство доверия: за высоким чистым лбом, за этими светлыми глазами не было места подлым и злым мыслишкам.

«По крайней мере, так оно кажется. Но внешний вид, как известно, обманчив», — напомнила себе Алеся, подбирая под себя ноги и готовясь в любой момент помчаться на кухню — она отлично помнила, где лежат ножи.

— Ты кто? — спросила она.

Парень потянул из кармана куртки тонкий сверток, который рассыпался на десяток листовок с теми антиправительственными прокламациями, что доводилось читать Алесе. Хм, в самом деле — подпольщик. Смешно, словно в прошлое своей прапрапрабабки перенеслась.

— Что, хотели посадить за распространение запрещенной литературы? — хмыкнула Алеся.

— И за написание, — мрачно подтвердил парень.

— О, так ты еще и автор этих убогих текстов? — открыто рассмеялась Алеся, переставшая бояться паренька. Такой яркий защитник прав человека не поднимет руки на беззащитную девушку.

Парень вспыхнул, аки маков цвет, и стал еще обаятельней, как обиженно нахохлившийся щенок.

— Почему это они убогие? Я не один пишу, и глава все редактирует и просматривает. Мы не пишем лживых слезливых статей о героизме ищеек, мы сообщаем людям горькую правду, которую они должны знать!

— Может и должны, но когда постоянно талдычат о том, как плоха и опасна жизнь, какие негодяи управляют честным народом, это быстро набивает оскомину и перестает восприниматься людьми. Я видела в бедных кварталах, как в ваши листки, не вчитываясь в заголовки, люди заворачивали бутерброды, а дети мастерили из них бумажных птичек. Ваши прокламации мало кто читает.

— Ничего, люди еще очнутся ото сна и поймут, что мы всегда были правы в своих предостережениях!

Алеся невольно улыбнулась, от слов парня повеяло родиной, словно она мнение вечной российской оппозиции послушала. Ее улыбку заметили.

— Что, можешь предложить, как вернуть внимание людей? — насмешливо фыркнул сероглазый парень, поддержав ее фамильярное обращение на «ты», последствие совместного укрывательства от официальных стражей правопорядка.

— Как знать... опыт работы в журнале у меня имеется, — с достоинством ответила Алеся, поднялась. — Чай будешь?

Парень встал, пригладил растрепавшиеся волосы, и впервые с интересом осмотрелся по сторонам, пробежался взглядом по Алесе, прислушался к тишине дома. В глазах его застыло изумление. Он еще раз осмотрел домашнее платье Алеси, проход в темную кухню через гостиную, спросил

недоверчиво:

— Ты сама собираешься топить печь и греть мне чай? А слуги где? Дом не бедный, ты хорошо одета, грамотно говоришь, уверенно держишься, в журнале работала — значит, не служанка. Остальные домочадцы где? Родители, муж?

— Я не маленькая девочка, могу сама о себе позаботиться, — холодно ответила Алеся. — Если тебя смущает, что женщина собирается в золе ручки пачкать, то милости прошу — сам печь топи, а я пока на ужин что-нибудь достану. Занавеси на окнах закрой, но лампу пока не зажигай на всякий случай. Небольшой же дым из трубы ночью не виден будет.

Парень кивнул, прошел на кухню, зажег лучину и занялся делом, а Алеся нырнула в погреб, куда утром попрятала все съестное и до сих пор не удосужилась достать, сытно пообедав в таверне. В погребе она не задержалась, лихорадочно отсчитывая заветные минуты. К исходу третьей она уже выскочила в гостиную, но замерла на пороге, словно наткнувшись на невидимую стену: парень стоял у столика и при свете воткнутой в масляную лампу лучины рассматривал разложенные на нем книги по истории, по основам магии и «практикум по менталке», как называла его про себя Алеся.

При виде девушки его открытое лицо приобрело испуганное выражение, он попятился, поднял руки, демонстрируя пустые ладони, сказал опасливо:

— Я ничего не сделал, просто посмотрел. Я тебе не враг, наоборот — мы с самого начала призывали народ помогать иномирной магии.

— С чего ты взял, что я — эта беглая магиня? — попробовала откреститься от очевидного Алеся, но парень вдруг посуровел, как-то мигом повзрослел, сложил руки на груди и сказал веско:

— За дурака держать меня не надо. В нашем мире молодые девицы в одиночестве по нежилым домам в пустынных переулках не прячутся, магическую защиту на них не взламывают и не конспектируют из книг в тетради всем известные сведения. Книгами по практической ментальной магии тоже не зачитываются, если только в Греблине не учатся, но с острова магинь до конца обучения домой не отпускают, потом сразу ставят на солидную должность при каком-нибудь ведомстве, а не отправляют бродяжничать по городам и весям. Кроме того, ты спасла меня от ищеек, тем самым подтвердив, что являешься врагом властей. А в конфронтации с властями находится одна-единственная свободная магиня во всей Велейской империи.

— Я не магиня, — резко ответила Алеся.

— Ага, а как в этот дом мимо защиты прошла?

— Мне агентство ключи выдало, я арендую этот дом, могу показать документы.

— Если бы эти документы были зарегистрированы, как следует, то ищейки знали бы, что дом сдан, — они которые сутки шерстят все арендованные и проданные недавно дома, переворошили все бумаги агентств недвижимости, — логично ответил парень. — Слушай, я тебе не враг, мы по одну сторону баррикад!

— Враг моего врага — мой друг, — хмыкнула Алеся. — Сомнительная истина, чем докажешь свою благонадежность?

Парень нахмурился, посверлил ее взглядом, потом решился.

— У меня при себе есть карта подземного хода, который выводит из города в лес на окраине. В тайной канцелярии нет дубликата этой карты, так что ход совершенно безопасен. Отдать тебе мой экземпляр? Я потом у ребят новый себе срисую.

У Алеся зачесались руки получить эту карту и возможность покинуть осточертевший город хоть на время. В этом подземелье можно пересидеть облавы, можно на время скрыться в лесу, много чего можно! Плюнув на конспирацию (и без того безнадежно порушенную), она сказала:

— Давай свою карту! И пошли ужинать, мой потенциальный соратник. Не бойсь, я магиня мирная, для людей не опасная.

— Знаю. Иномиряне спустя годы с ума сходят, а в первое время все адекватные, если в угол их не загонять, — на полном серьезе ответил парень.

Глава 17. Разговоры по душам

Нового сероглазого знакомого Алеси звали **Рис**лирин Хорс, и он просил называть его по-дружески **Рисом**. Алесю тоже честно представилась, ей-то все одно ничего не угрожало: парень забудет о ней через стандартные три минуты после ухода, так что сейчас можно было рассказывать ему что угодно, не опасаясь выдать опасной информации. Впрочем, самую опасную информацию о ней Рис уже знал, но за стражниками пока не кинулся, хотя мог бы позариться на обещанное властями вознаграждение за ее поимку и обменять свою свободу на ее.

Рис был младшим сыном мелкопоместного рейта, на наследство рассчитывать ему было нечего — невеликое свое хозяйство отец решил не дробить и все завещал старшему сыну, попутно отдав скромные денежные накопления дочери на приданое. Младшему же велел зарабатывать на жизнь собственным умом и руками или продолжать жить в родительском доме, помогая в делах старшему брату. Рис выбрал собственный ум и переехал в Кресси, нанявшись наборщиком на работу в печатный цех. Труд наборщиков был труден и кропотлив — они составляли печатные матрицы будущих страниц книги из мелких чугунных буковок, попутно исправляя имевшиеся в тексте грамматические ошибки. Потом эти матрицы заливались чернилами и с них делалось необходимое количество оттисков на бумаге — получался тираж книги.

Разговорчивый Рис охотно рассказал, как познакомился с подпольщиками: те потеряли значительную часть кованных букв от своего печатного станка, спасаясь бегством во время очередной облавы, и явились к нему с предложением купить у него буквы за хорошую сумму денег. Ясно, что предварительно эти буквы Рису предлагалось украсть в цеху. Рис воровать отказался, но ночью подбил напарника набрать подпольщикам листовки и втайне отпечатать их. Естественно, дело вскрылось, ему даже в тюрьме городской несколько месяцев посидеть пришлось и на общественно-полезных работах спину погнуть, чтобы уплатить хозяину цеха (за убытки) и тайной канцелярии (за пособничество подпольщикам) назначенные по суду штрафы. Зато при выходе на свободу его с распахнутыми объятиями встретили друзья-подпольщики. Встретили уже как верного сотоварища, пострадавшего от произвола и жестокости властей.

— Ну-ну, — только и сказала на это Алесю. Уши и глаза она все эти дни держала открытыми, так что составила представления о реалиях местной жизни, да и особой «жестокости властей» в отношении к Рису не усмотрела. — И какие у тебя основания для патетических криков о тяжелой участи народа? На ферме у отца тебя плетью порол или ты видел, как с других кожу кровавыми лохмотьями снимают? В цехах и на мануфактурах цепями к станкам рабочих приковывают и заставляют их работать по пятнадцать часов подряд? Дети и женщины до изнеможения на производствах трудятся, в голодные обмороки падают и от чахотки, как мухи, мрут?

Рис побелел, вытаращил на нее потрясенные глаза и судорожно сглотнул.

— Ты что? Так не бывает... Кого приковывают и бьют?! Где ты такое слышала?! Какие дети в цехах?! Дети по домам сидят, по улицам бегают, кто ж их на мануфактуры пустит?! И лечат детей бесплатно во всех больницах, и бесплатно кормят в школах трижды в день, это старикам туго приходится, коли родные не помогают, о стариках государство не думает, только недавно...

Алесю оборвала его взмахом руки:

— Детей не только от любых болезней, но и от увечий бесплатно магией лечат? Ого-го, то-то я не видела никого, собирающего пожертвования на лечение ребенка! И ты еще говоришь о тяжелой участи народа!!! Так, вернемся к телесным наказаниям на работе, к непосильному и детскому труду: одно то, что ты считаешь это невозможным, немислимим, свидетельствует о том, что управляют империей отнюдь не плохо и у власти сидят не отпетые злодеи.

Ее высказывание Рису не понравилось. Он насутился и неприятно скрежещущим тоном спросил:

— То есть убийц ты злодеями не считаешь? Девушек несчастных тебе не жалко? А ведь тебя ждет такая же судьба, если Хальер тебя поймает!

М-да, беседа переставала быть продуктивной. Алесе нужны были сведения, а не патетические прокламации «Ах, ах, нами правит шайка убийц!». Она сочувствующе коснулась ладошкой руки парня, спросила:

— У тебя погибла любимая девушка или родственница?

— У меня — нет, у **Дираса** дочь до дна выпили. Она — одна из жертв.

Видя, как глаза иномирной магини наполнились неподдельным сочувствием, Рис принялся рассказывать о главе местного подполья, уверяя, что Дирас буквально мечтает о содружестве с беглой магией, и желая убедить Алесю в том, что «им по пути», и «нужно объединить усилия».

На призывы такого рода Алеся не обращала внимания, поскольку отлично знала, как трудно ей с кем-либо «объединиться», а вот информация о рейте Нике Дирасе показалась важной.

Дирас и до бунта был богатым помещиком, а после бунта стал еще богаче: как верному стороннику династии Ламокков ему выделили в управление часть земель взбунтовавшегося соседа. Дирас был не только богат, но и умен: активно спонсировал разработки парового двигателя взамен двигателя на магической тяге, старался убедить тайную канцелярию в том, что из иномирных магов надо выкачивать не столько магию, сколько технические знания их миров. Он заседал в рейтнате и обладал немалой властью.

Его жизнь рухнула, когда единственная и горячо любимая дочь стала жертвой мага-маньяка. Дирас требовал найти убийцу, пробовал вести собственное расследование, но оно неизменно приводило его в тупик, как и ищейек. Бессилие власти в самом важном для него вопросе заставило Дираса оставить пост члена рейтната, а потом и вовсе уйти в подполье, негласно поддерживая и возглавляя оппозицию к императору. Собственно, Алеся пришла к выводу, что Дирас убедился в виновности Хальера в смерти дочери и понял, что единственный способ добраться до главы тайной канцелярии и отомстить — это сперва скинуть с престола его верного друга императора.

«Интересно, на основании каких фактов он счел Хальера неопровержимо виновным, — задумалась Алеся. — Да, косвенных улик масса, но умный человек прекрасно понимает, насколько легко можно подтасовать косвенные доказательства, тем более — в магическом мире. Но мне важно другое — насколько сильно Дирас ненавидит Хальера? Готов ли он ввязаться в смертельно опасный проект освобождения пленников Греблина? Опасный со всех сторон: и со стороны сильных врагов, и со стороны самих спасаемых, действия которых невозможно предсказать. Рис так уверенно говорит, что иномирные маги спустя годы рабства сходят с ума...»

— Ты меня слушаешь? — донесся до нее голос Риса.

— Ась? — вскинула голову Алеся, ушедшая в свои мысли на середине пламенной речи собеседника о равенстве всех перед законом.

— Ты не считаешь, что закон должен быть выше императорских желаний?

— Считаю, считаю, по вашим законам так оно и есть, — нетерпеливо ответила Алеся, желая подробнее расспросить про Греблин.

— Какая разница, что написано в законах, если император покрывает убийцу? Ир Хальер сам признался, что убивал девушек, а никто и ухом не повел!

— Как признался? Когда? — подивилась Алеся.

— Знакомый ищейка рассказывал, что на последнее убийство ир сам выезжал, тело осматривал и место преступления, а потом сказал, что подозревать можно или чистого менталиста высокого уровня или сильного мага-универсала. Так вот: очень сильных менталистов у нас нет, а универсал один-единственный — ир Хальер!

— Ага, а сам Хальер не знает, что он единственный, потому и брякнул не подумав, — укоризненно покачала головой Алеся. — Маньяк-убийца не будет так опрометчиво наводить всех на мысль о своей причастности к преступлениям.

— Или он так уверовал в свою недосыгаемость для правосудия, что ему сам черт не страшен, можно и похвалиться силушкой, — зло возразил Рис. — Тебе стоит прислушаться к моим словам и не рассчитывать, что ищейки тебя отправят на остров, если схватят. Я готов голову заложить, что тебя приведут к нему, к Хальеру, и живой ты от него не уйдешь!

— Допустим. Скажи, что ты знаешь об иномирных магах, живущих в Греблине?

— То, что не было случая, чтобы кто-то из них покинул остров живым и объявился в империи. То, что никого из них после задержания не видели. То, что с Греблина поступает в продажу уйма магии и император очень хорошо на ней наживает. То, что ученые маги Греблина ведут научные работы и пытаются возродить источники магии и порталное сообщение, что тоже требует уймы магии. То, что магов ловят постоянно, а значит — в Греблине регулярно освобождаются места для новых пленников. Полагаю, выводы ты можешь сделать самостоятельно.

— Да, — сдавленно ответила Алеся, — могу.

Рис покрутил головой по сторонам, посмотрел на занимающийся за окном рассвет.

— Я забуду тебя, да? — грустно спросил он.

— Да.

— Может, оставишь мне память? У меня есть магический амулет, стирающий воспоминания последних лет, на случай, если ищейки когда-нибудь меня схватят — так что сведения о тебе они не смогут узнать даже с помощью менталиста.

— Извини, но память оставить не могу, — развела руками Алеся.

— Все-таки не доверяешь мне, — печально сказал Рис. — Если бы ты поверила и поселилась в доме Дираса, то мы могли бы общаться, подружиться. Тебе не надоело скрываться в одиночестве? И сколько еще времени ты продержишься, прежде чем слетишь с катушек от постоянного преследования и сама начнешь убивать? Какие вообще у тебя планы?

«Уж точно мои планы состоят не в том, чтобы жить на содержании богатого рейта Дираса», — мысленно осадил парня Алеся, а вслух сказала тоскливо:

— Убивать не начну, не волнуйся, а планы — это слишком громко сказано. Хотелось бы вернуться домой, в свой мир. У нас небо голубое, а не сиреневое, луна по ночам светит одна, а солнце такое красное только ближе к закату. Я читала, что раньше многие маги умели создавать миниатюрные одноразовые порталы. Скажи, нелегал-подпольщик, можно ли где-то в империи купить обратный портал?

— Теперь нет, уже много лет нет. Ты знаешь, что обученный маг с пустым резервом очень чутко улавливает малейшие колебания магии в радиусе десятка миль вокруг себя? Ищейки специально отправляют патрулировать местность с пустым резервом, чтобы они проверяли все такие всплески, так что подпольные производства магических предметов давным-давно ликвидированы тайной канцелярией. Ворованными амулетами и магией приторговывают, но это мелочь, причем ир Хальер и тут держит руку на пульсе, так сказать, а подпольный рынок магических предметов кое-как функционирует только на других материках. Ты скажи, разве одномирников своих спасти не хочешь?

— Всей душой хочу, но как? Без портала нам некуда деться.

Рис придвинулся ближе и зашептал:

— В нашей империи сохранился один древний межмировой стационарный портал. У Дираса есть сведения, что маги Греблина исследовали его и пришли к выводу, что его можно запустить, если накачать магией. Только надо очень много магии, понимаешь? Если освободить всех рабов Греблина, то их общей магии должно хватить, понимаешь? Это реальный шанс спастись вам всем!

— Почему же император не пытается его запустить с помощью тех же рабов? — недоверчиво спросила Алеся. Идея оживления древних врат, заросших сорняками и облепленных гнездами птиц, показалась ей совсем уж утопической.

— Кто же убивает всех дойных коров ради одного эксперимента, который может не удался? — с показным цинизмом ответил Рис. — Но ходят слухи, что Хальер специально для этой цели готовится перетащить в наш мир сотни магов и даже бараки для них уже приготовил, те пока пустые на территории острова стоят.

— А где находится этот межмировой древний портал?

Рис склонился к ней, насмешливо сверкая серыми очами:

— Еще не догадалась? В центре того самого имения, что император выделил своему любимому другу — иру Хальеру. Хальер — официальный хранитель портала.

— Черт! — в сердцах высказалась Алеся, а Рис рассмеялся. — Слушай, а что с лицом у этого хранителя?

— Шрамы, которые, как говорят, невозможно убрать даже магией, — пожал плечами Рис.

— И кто его сумел так украсить, если Хальер — один из сильнейших магов в империи?

— Не «один из», а самый сильный, — поправил Рис. — Про шрамы не знаю, никто не знает.

Красноватое солнце выкатилось на светло-сиреневое небо, когда Рис выскользнул в проулок и зашагал к центру города, надвинув кепку на затылок и посвистывая. У сквера он обернулся и помахал рукой смотрящий из окна Алеся. А на перекрестке уже не обернулся: он застыл, смотря перед собой, почесал в затылке, пожал плечами и отправился по своим делам.

У Алеся осталась карта подземного хода, адрес Риса, адрес городского дома рейта Дираса, знание секретной информации о том, что завтра вечером в доме рейта будет проходить собрание местных подпольных врагов режима (Рис гордо сообщил, что вместе с главой их целых двенадцать человек) и

много новых сведений в голове, которые следовало обмозговать.

Ир Хальер был зол с самого утра: его ночные работы с магическим плетением портала остались безрезультатными. Он чувствовал, что ответ на вопрос где-то совсем рядом, витает в воздухе у него под носом, но ухватить это решение все никак не удавалось. Решение составленных им уравнений уводило в дурную бесконечность, маго-числовые ряды упорно расходились, количество неопределенных коэффициентов в его теории множилось и множилось, а он никак не мог уловить явно имеющуюся в этом множестве закономерность, которая позволила бы подвести всё безобразие под единый знаменатель.

В рабочем кабинете он раздраженно кинул в камин стопку исписанных листов, не приведших к желаемому результату, и уселся в кресло, грозно рявкнув на вошедшего с докладом второго дознавателя:

— Что по беглой магине?!

— Э-ээ... ею занимается Лоурес, — несмело напомнил второй дознаватель.

— Ею занимается вся тайная канцелярия, а кто не в курсе всех нюансов этого дела — может писать рапорт об увольнении! Мне повторить вопрос?!

— Все брошенные дома обысканы, каждую ночь проверяются патрулями. Ищейки проверили все дома, что были арендованы или проданы с момента появления в Кресси беглой магии, — быстро отрапортовал второй дознаватель, благословляя небеса за свою хорошую память и ежедневные общие сборы.

Рано он начал благодарить небеса: после его слов глава взвился, как ужаленный:

— А НЕ арендованные и НЕ проданные?! Сколько раз можно повторять: ищите то, чего НЕТ, а не то, что есть, что отложилось в памяти людей и отражено в бумагах!

Второй дознаватель не посмел заметить, что таких домов чересчур много. Он уже чувствовал, как закружилась вокруг него магия, услышал, как изменился голос ира, и гаркнул, вытягиваясь в струнку:

— Есть искать, немедленно отправлю новые группы! Разрешите идти?

— Идите, — раздраженно отмахнулся Хальер.

Дознаватель вылетел из кабинета, как камень из пращи, чуть не столкнувшись в дверях с императором. Адис вошел, закрыл за собой дверь, внимательно посмотрел на усталого и взвинченного главу тайной канцелярии.

— Привет, — сказал Хальер. — С чем пожаловал?

— Новая жертва маньяка. Ты сам выезжал на место, что скажешь?

— Увы, ничего **значимого**. У меня нет подозреваемых, магические способности которых позволили бы им проверить такое дельце.

— У тебя жутко измученный вид — ты опять не спал всю ночь? — спросил император.

— Да, работал над проблемой портала. Адис, я почти нашел решение, я его уже носом чую, но никак не могу ухватить крутящуюся в мозгу какую-то очевидную догадку. Но не переживай, я в силах работать дальше — магии во мне полно, она отлично поддерживает физические силы.

Император нахмурился. Велел наложить звукоизолирующее заклинание на стены. Прошелся от окна до стола и обратно. Склонился над другом:

— Знаю я, как магия восстанавливает твои физические силы... Скажи, у тебя еще бывают минуты полного расслабления, когда ты живешь одними чувствами, отключая разум?

— Конечно, это единственная возможность быстро отдохнуть и набраться сил после бессонной ночи, как сегодня, иначе я бы уже тронулся умом от перегрузки или успевал бы куда меньше желаемого.

— Ты уверен, что помнишь все, что с тобой происходит в эти минуты ухода из реальности?

— Да, поскольку я просто стою на одном месте. Адис, ты не раз видел меня в такие моменты.

— Видел и вспоминаю с содроганием. Ты принимаешься, как зверь, вокруг бесконтрольно бурлит

твоя магия, а глаза совершенно бессмысленны.

— Так и должно быть, это нормально.

— Коул, на всякий случай избегай пока таких релаксаций. Лучше спи всю ночь в постели, как простые люди, прошу тебя. Напрасно ты всю ночь колдовал над порталом, было бы куда лучше, кувыркайся ты с любовницей. В будущем, пожалуйста, избегай накопления крайней усталости и старайся быть всегда на виду.

Глава тайной канцелярии застыл в своем кресле. Резко выпрямился.

— Ты меня подозреваешь, — глубоким, зазвеневшим на миг голосом произнес Хальер.

Синие глаза его засветились, как неоновые лампочки, рокошующее клокотание вырвалось из горла. К императору потянулись невидимые нити, заискрила магия.

— Зачем бы мне понадобились эти девицы? Ради магии? У меня в Греблине куча иномирных магов, — бархатным, обволакивающим голосом протянул глава тайной канцелярии.

Магические всполохи засверкали вокруг, воздух в кабинете стал вязким и тяжелым, в нем словно зависли звуки чарующего голоса мага, эхом отдаваясь по всем углам.

— Прекрати, я не девица, чтобы падать к твоим ногам под влиянием наполненного магией голоса. Коул, ты пробуешь меня «выпить» через резерв? Успокойся!

От резкого окрика Хальер пришел в себя. Выдохнул.

— Извини, это непроизвольная реакция. И тебе ничего не грозило — я сразу прихожу в себя, как только чувствую приток чужой жизненной силы, ты же знаешь.

— Уверен, что всегда приходишь в себя вовремя? Твои ищейки боятся прогневать тебя хоть словом — ты за секунду «непроизвольной реакции» можешь лишить их года жизни.

— Они регулярно подпитываются магией из амулетов-накопителей, так что все равно живут дольше обычных людей, — резонно ответил Хальер. — И я стараюсь как можно меньше контактировать на работе с женщинами, их легче «выпить» в состоянии гнева: они слишком подвержены влиянию моей магии и мгновенно откликаются горячим влечением, вступая в магический обмен.

— Страсть в ответ на злость — всегда считал, что твоя магия несправедливо поступает с женским полом. Почему бы не выдать женщинам защитные амулеты, которые ты раздаешь своим любовницам?

— Потому что сотрудниц у меня куда больше, чем любовниц, а магию стоит экономить, — хмыкнул Хальер. — Адис, этими убийствами кто-то чертовски умело меня подставляет, настолько умело, что я готов рукоплескать ему стоя. Но мне интересно другое: если ты готов счесть меня злобным убийцей невинных девиц, то почему прикрываешь мою спину?

— Честно? Твоя спина мне важнее даже сотни девиц и тысяч иномирных магов. Кроме того, я никогда не держал в уме, что ты убиваешь осознанно, боялся, что это твоя своевольная магия так проявляет себя, когда ты отпускаешь ее в вольное плавание.

Хальер укоризненно покачал головой на признания императора. Посмотрел в окно: цвел жасмин, на подоконнике ворковали голуби, а вдалеке, на дворцовой площади, прогуливались мамочки с детьми и парочки влюбленных любовались фонтаном. Картины мирной жизни, из которых он был исключен от рождения. Резко отвернувшись от окна, он сказал:

— Нас с тобой трудно назвать добрыми праведными людьми, Адис, да?

— Нас невозможно назвать слабаками и глупцами, это существеннее всего остального. Ты мой друг, чтобы ни случилось, — это первое. Без тебя мне не возродить империю — это второе.

Глава 18. Ник Дирас и его соратники

«Рис не солгал о подземном ходе», — подставляя лицо солнышку, радовалась Алеся. Она была одета в мужской костюм, сидела на зеленой траве лесной полянки и горевала об оставленных на берегу джинсах, что были куда удобнее узких брюк на широком ремне. Подземный ход оказался что надо: сухой, с высоким потолком, укрепленным деревянными перекрытиями. Кое-где на стенах были глиной прикреплены свечи, рядом с первой свечой в расщелине стены лежало огниво, но Алеся сама запаслась и первым и вторым еще до выхода из дома. Ход начинался под высоким холмом на берегу реки и чтобы добраться до этого входа Алесе пришлось влезть в самую чащу колючих кустов, а потом долго шарить по зеленому склону в поиске отодвигаемого в сторону плоского камня. Зеленый мох, покрывавший весь склон, делал все камни неотличимыми друг от друга и крепко связывал их между собой, так что отодвинуть камень тоже оказалось делом непростым. Да, без карты и указаний вовек этот ход не найдешь!

Алеся набрала горсть синих ягод, похожих на чернику — она покупала такие у женщин на базаре и была уверена в их съедобности. Побродила по лесу, попила воды из чистого ручья. Перезвоны птиц, жужжание насекомых действовали на нее успокаивающе — лесной гам подтверждал, что к ней не бегут толпы ищек, что наконец-то она может хоть на миг расслабиться.

Или не может? Алеся вдруг ощутила спиной чужой пристальный взгляд. Резко обернувшись, прижав руки к груди. Ах, как понимала она сейчас своих предшественников — беглых магов: будь у нее магические силы, между нею и опасностью уже стояла бы огненная стена и бог с ними, с лесными пожарами!

Из кустов выступил огромный барс: на шкуре цвета молочного шоколада красиво смотрелись белые пятна, на ушах торчком стояли пушистые кисточки, за спиной извивался мощный хвост. Размером этот барс был с земного тигра и по очертаниям напоминал ту зверюгу, что раздумывала, закусить ли Алесей, во вторую ночь ее пребывания в этом мире, и тех, что расхаживали под деревом, на котором она пряталась, дожидаясь, когда она свалится им на обед. Барс оскалился, пригнулся и прижал к лобастой голове уши с кисточками. Рядом с этим монстром в кустах нарисовался еще один силуэт, и послышалось рычание его собрата.

Алеся не помнила, как она домчалась до подземного хода, как заскочила в него и закрыла за собой чугунный люк, что прикрывал с этой стороны проход под землю. Очнувшись в прохладной темноте и зажгла свечку.

— Мапочки, что ж так не везет? Городской я житель, мне леса противопоказаны, — бормотала она, а свет от пламени свечи судорожно метался по земляным стенам, так дрожали ее руки. — Всё, Алесенька, больше ни шагу за пределы городской черты!

С этими мыслями она прошла по подземному ходу и вернулась в свой переулок.

У первого дома опять были гости: ищейки, в сопровождении знакомого пожилого дворецкого из агентства, открывали ключами двери. Быстро шагнув за угол, спрятавшись за широким столбом с черной металлической кошкой на ограде особняка, стоящего на противоположной стороне переулка, Алеся оценивала ситуацию: дом они обойдут за пару минут, не больше, а потом сразу перейдут к ее жилищу. Она никак не успеет пробраться туда раньше них, тем более — всё прибрать.

«Хорошо, что все свои деньги я всегда ношу с собой. Еще лучше, что карта подземелья и адрес главного подпольщика тоже при мне — я не подставлю Риса и его друзей. А все остальное просто ужасно — мне опять нигде жить. Агентство точно сменит замки на двери и в этот дом мне не вернуться уже никогда. За что я грохи платила, спрашивается? Где в этом мире справедливость? Ну хоть самая ма-ааленькая справедливость, а? Или наоборот — это и есть справедливое воздаяние за облапошивание народа?»

Развернувшись на каблуках, беспризорная попаданка отправилась в таверну: ей всегда лучше думалось на сытый желудок, а на голодный вообще думалось только о еде. Хорошо хоть отменен приказ сходу накидываться с проверками на всех одиноких людей. Спасибо вам, горожане, за жалобы!

«А мне, дурочке, надо было сразу запасную одежду, еду и часть книг в подземелье спрятать, еще лучше — матрасы, одеяла и постельное белье в него перенести, посуду... обустроиться надо было в этом подземелье на крайний случай, а теперь опять все заново начинать. Так никаких денежных запасов не хватит. Вот если эту черную кошку на столбе постучать по голове, то раздастся звон, потому что голова у нее чугунная и пустая, и очень удивительно, почему при стуке по моей голове звона нет. Похоже, в моей башке такой полный вакуум, что даже звук в ней не распространяется. Рискнем познакомиться с подпольщиками, нагрянем на их общий сбор, а то Рис прав — я скоро совсем одичаю и одурею в вечном одиночестве и вечных бегах. Хальер, небось, на то и рассчитывает — обложить меня со всех сторон, чтобы сама к нему на коленях приползла. Не дождется».

Дом Ника Дираса был большим особняком, окруженным кованой оградой, увитой зелеными лозами растений, за которой густо разрослись садовые деревья. Он располагался, как сказали бы на Земле, в спальном районе города: в самом живописном месте на излучине реки располагались богатые дома видных горожан, желавших и в городе иметь большое личное пространство и максимально удаленных от них соседей. Собственно, весьма удобно для подпольщиков и заговорщиков, но ищейки тут их не разыскивали — слишком статусное место, а стражники у всех домов имелись свои собственные, работающие на хозяев постоянно.

Вечерело. Чересчур красное солнце клонилось к закату, звонче и навязчивей гудели насекомые в воздухе, напоенном ароматами садов.

— Что угодно? — спросил Алесю стражник у дома с искомым номером.

— Мне нужно увидеться с Ником Дирасом, — твердо ответила Алеся.

Стражник задумчиво пожевал губами, внимательно осмотрел ее несколько порванный колючими кустами и закапанный свечным салом костюм, сказал:

— Незнакомых на территорию пускать не велено, но могу передать, что вы его тут ожидаете. Какое имя назвать?

— Скажите, что пришел знакомый Рислирина Хорса, которого сам Рис не помнит и помнить не может, но которому он подарил важный клочок бумаги с рисунком, что считает утерянным. Ничего не перепутаете?

Стражник озадаченно почесал в затылке, кликнул лакея и Алеся снова повторила свои слова. Лакей убежал, а Алеся понадеялась, что хозяина он отыщет быстро, иначе через четверть часа придется подходить к дому снова и повторять разговор с охранником.

Подходить и повторять пришлось четыре раза, пока наконец лакей не добежал до хозяина достаточно быстро, чтобы не забыть о своей миссии. Алеся облегченно выдохнула, когда на усыпанной красной гранитной крошкой дороге появился тридцатилетний на вид мужчина с умным волевым лицом, одетый в строгий летний костюм. Ага, глава пришел без Риса, самолично. Впрочем, это мог быть и не Дирас, а кто-то другой из их группы.

Мужчина остановился по другую сторону кованых ворот, не делая попытки выйти за ограду и не приказывая стражнику пропустить Алесю внутрь этой ограды. Холодные карие глаза под веерами длинных черных ресниц окинули ее цепким взглядом.

— Что за бумага с рисунком? — не поздоровавшись, спросил мужчина.

— Хотелось бы для начала убедиться, что я говорю с рейтом Дирасом, — ответила попаданка, научившаяся в чужом мире осторожности.

Стражник гневно ахнул, но промолчал, а Дирас высокомерно приподнял брови:

— Вам принести семейные портреты?

— Нет нужды так утруждаться, я сам до них дойти могу, — пожала плечами Алеся, не отводя взгляда от ледяных карих глаз.

В их бархатной глубине проскользнула усмешка.

— Однако, — протянул Дирас. Обернувшись к стражнику, он спросил: — Магические амулеты при нем есть? Полный личный резерв?

— Никак нет, датчики магии при его приближении не сработали.

— Пропусти.

С этим отрывистым повелением Дирас повернулся и размашисто зашагал к дому, молча предоставляя Алесе возможность определиться, желает ли она следовать за ним. Алеся желала. Ник Дирас ей понравился: сдержанный, властный, с твердым лицом — такие не сгибаются перед людьми и обстоятельствами, а своих врагов уничтожают продуманно и хладнокровно. Ир Хальер имел в его лице опасного врага, интересно — знал ли глава ищейек об этом? Рис рассказал, что дочери Дираса было семнадцать, когда ее убили, она была помолвлена с сыном состоятельного рейта, чье имение располагалось недалеко от поместья Дирасов. Жена Дираса умерла раньше их дочери в результате несчастного случая на прогулке верхом, но он всё равно не вступил в повторный брак, хоть у него и не осталось наследников.

Широким жестом указав в гостиной на портреты своих родителей и себя самого в юношеском возрасте, Дирас коротко бросил:

— Удовлетворены?

— Да, вполне, только думаю, что будет удобнее, если я встречусь сразу со всеми заинтересованными лицами, так сказать. Не то, чтобы это обязательно, но не придется два раза все повторять.

— Вы о чем?

— Об общем сборе, рейт Дирас. Собственно, Рис пригласил меня прийти сегодня и присоединиться к вашей дружной компании.

Дирас потемнел лицом, нахмурился, зло прищурился.

— Впервые слышу, он не предупреждал о вашем приходе и вам лучше покинуть мой дом, мое терпение в выслушивании глупостей не бесконечно.

— Вот только не надо подозревать во мне сотрудника тайной канцелярии, — усмехнулась Алеся. — Не волнуйтесь, я не связан с ищейками.

— Почему я должен волноваться по этому поводу? Я верноподданный престола и законов не нарушаю, — холодно ответил Дирас, складывая руки на груди и буравя ее неприязненным взглядом.

— Поверю на слово. А если вдруг у вас все-таки есть опасения, что я увижу нечто не предназначенное для чужих глаз или запомню слишком много лиц, то вы ведь можете воспользоваться амулетом для стирания памяти, верно?

— Что за оскорбительные выдумки? Подобные амулеты относятся к категории запрещенных магических предметов и у меня их, разумеется, нет, — еще более холодным, буквально ледяным тоном отверг предположения Алеси рейт.

— Хорошо, давайте сойдемся на том, что двенадцати законопослушным взрослым вооруженным мужчинам, тайно собравшимся в магически защищенном помещении, нет нужды опасаться одного тощего паренька, не имеющего при себе ни амулетов, ни оружия, — насмешливо предложила Алеся. — И поверьте, меня действительно пригласил Рис, но, увы, забыл о своем приглашении, так же как и о том, куда девал это...

Алеся протянула рукописную карту подземного хода:

— Позвольте вернуть вам подарок Риса.

Дирас развернул листок, глянул, свернул его снова и бросил на тлеющие угли в камине. Карта вспыхнула и сгорела.

— Говоришь, забыл...

Глубокие карие глаза с новым интересом принялись осматривать девушку в мужском наряде. Молчание затягивалось, но Алеся не намеревалась прерывать его — вряд ли Дирасу нужно объяснять, кто она такая. Точнее нужно, но после того, как он сделает первый шаг. Рис уверял, что ей будут рады, но так ли это на самом деле? И как долго продлится эта радость после сообщения, что она не магиня.

— Зачем вы стерли Рису память? Могли бы прийти сюда вместе с ним и не устраивать этот балаган. Я не ради красного словца позволял писать в листовках, что надо помогать беглой магине. Я не считаю, что император ведет верную политику в отношении иномирных магов.

— Да, Рис рассказывал о ваших политических взглядах и не только. Сочувствую вашей утрате. — В карих глазах промелькнула боль, а Алеся продолжила: — И повторю: удобнее, если я встречусь сразу со всеми.

— Хорошо. Рис рассказал, что вчера вечером ищейки загнали его в переулок и обложили со всех сторон, что он безуспешно пытался прорваться в магически защищенный дом, а потом якобы запрятался в незапертом соседнем доме, который ищейки сочли закрытым и укутанным магической защитой. В этом доме он якобы просидел в одиночестве до утра, а затем ушел, забыв там карту. Примечательно, что когда его товарищ попытался сегодня утром вернуться за картой, то дом был заперт и зачарован, а не успел он далеко уйти, как в дом пожаловали ищейки и нашли следы проживания в нем иномирной магини. Я сразу предположил, что Риса вчера могли спасти вы. Спасибо.

Алеся кивнула, принимая благодарность.

— Ник Дирас, — учтиво представился хозяин дома.

— Алеся Новикова. Но в моем мире по фамилии называть не принято, так что просто — Алеся.

Они прошли по длинному коридору, который вывел их в отдельный флигель дома. В большой комнате этого флигеля за овальным столом сидели одиннадцать молодых людей и Рис в их числе. Окно в комнате было занавешено тяжелыми темными гардинами, на столе горела магическая лампа (очень дорогое удовольствие!), по столу были разбросаны бумаги и карандаши, слева от входной двери в стене виднелась еще одна узкая дверца.

Первым взволнованно заговорил Рис:

— Я не знаю этого человека, глава, вас ввели в заблуждение! Он соврал лакею, что знаком со мной!

— Да нет, все точно, ты действительно забыл вашу встречу, — усмехнулся Дирас, захлопывая и закрывая входную дверь на замок. — Друзья мои, извольте познакомиться с иномирной магией! Алеся Новикова!

Алеся сняла кепку. Белокурые локоны рассыпались по ее плечам. Мужчины шумно выдохнули — ей удалось удивить их. В карих глазах Дираса промелькнуло чисто мужское восхищение, что польстило женскому самолюбию Алеся. Давненько она под видом парня бродит и лишена заинтересованных мужских взоров, столь необходимых для хорошего женского настроения. Да, Рису она вчера понравилась, но Рис — это юный мальчишка, а Ник Дирас — совсем другой уровень.

— Зачем вы стерли мне память? — спросил Рис, опять становясь похожим на очаровательного, но страшно обиженного на хозяина щеночка. — Я бы вас не выдал!

— Иномирная магия? — с сомнением переспросил парень с вытянутым лицом и длинным носом, похожий на англичанина-аристократа. — А почему датчики магии молчат?

Он продемонстрировал какие-то приборы, покрутив их в руках.

— Для сильных магов это норма, — обронил Дирас, продолжавший задумчиво рассматривать Алеся, улыбаясь свои мыслям. Алеся готова была спорить на все свои рохи, что в его голове роились грандиозные планы по использованию сильного иномирного мага.

— **Сильный менталист?** — тихо пробормотало сразу несколько парней и переглянулись с остальными.

В комнате повисло ощутимое напряжение. Парни явно читали те же книжки, что Алеся нашла в библиотеке своего бывшего арендованного дома.

Ник Дирас хмыкнул и веско сказал:

— О, я уверен, наша гостья не откажется принести клятву на обязующем амулете, что не будет применять к нам магии. Ни ментальной, ни какой иной, которой владеет.

— Клятву не пользоваться магией я дать могу, даже убеждена, что ваш амулет ее проглотит и не поморщится, но обязать меня не стирать вам память он не сможет, — покачала головой Алеся.

Собравшиеся в комнате маги дружно рассмеялись. Все, за исключением Дираса. Хозяин дома молча и задумчиво слушал, как его соратники наперебой просвещают иномирную гостью о свойствах магического амулета, который любого заставит сдерживать данную клятву. Даже профессора Каллинга, ректора Магического университета, заставит.

— Дайте сказать слово нашей гостье, — остановил Дирас долгие речи парней. — Если она сомневается в том, что амулет сможет ее как-то ограничить, то у нее есть на это основания: Алеся не производит впечатления пустомели. Кроме того, мы можем проверить уровень ее магических способностей прямо сейчас: нас двенадцать человек, а даже мой далекий знаменитый прадед не мог управлять таким количеством людей одновременно. Пр продемонстрируйте нам свои умения, дорогая магия, — мы должны знать, кого впускаем в наш близкий круг.

«Да пожалуйста!» — пожала плечами Алеся.

— Эта дверца куда ведет? Я смогу спрятаться там на несколько минут? — спросила она, указывая на вторую дверь.

— Она ведет в уборную, — вежливо проинформировал Дирас, а парни ухмыльнулись.

«М-да, в этом мире частое посещение уборных не по прямой надобности входит у меня в привычку», — вздохнула про себя Алеся и посмотрела на большие механические часы на стене.

— Прекрасно, — с показной бодростью сказала она. — Прошу каждого из вас написать на листке бумаги следующее: *«Проводим эксперимент по стиранию памяти иномирной магией. Магиня — девушка-блондинка, глаза синие, спряталась за дверцей уборной. Она вошла туда в 19:00, выйдет оттуда в 19:04. К этому моменту я перестану помнить о ее появлении в этой комнате и разговоре с нами. Не нападать! Магиня — наш товарищ!»*

Подпольщики еще раз переглянулись, но послушались. Опыт провели в соответствии с планом и Алеся, стоя за дверью, слушала тихие переговоры в комнате:

— Рис, а ты совсем ничего не помнишь о вчерашнем?

— А голова у тебя не болела?

— Странно, я совсем не ощущаю чувства давления в голове, а оно обязательно должно быть при ментальном воздействии. Значит, не сотрет нам память. Силушки не хватит!

Спустя три минуты речи поменялись:

— Ребят, а что за ерунду я на листке написал? И у тебя то же?!

— Да ну, не было никакой магини, и датчики молчат!

— Может, заглянуть за дверцу?

— Уборную давно не видел? Нет там никого.

Алеся собралась с духом и взялась за ручку двери. Приоткрывшаяся дверь громко скрипнула. В комнате раздался слаженный вздох многих голосов, заскрежетали отодвигаемые стулья и... лязгнули-взвизгнули вытаскиваемые из ножен клинки...

— Эй-эй, уговор был не нападать! — завопила Алеся, осторожно выглядывая из-за двери и прикидывая, в каком направлении драпать. — Товарищи, мы вместе боремся за правое дело! Долой ищеек и Хальера! Вся власть — народу! Пролетарии всех миров, объединяйтесь! И, и...

Черт, лозунги больше не придумывались!

Испуганно тараща глаза, Алеся смотрела на мужчин. Те смотрели в ответ с озадаченными выражениями на лицах. Понемногу они проникались ее идеологическими правильными воззваниями, перепуганным выражением большеглазой мордашки, и суровые мужские лица смягчились, на них проступило веселье, пронесли приглушенные смешки. Алеся облегченно выдохнула и шагнула в комнату.

— Там больше никого не осталось? — подняв брови, спросил Дирас.

— Нет. Можете проверить, — улыбнулась Алеся.

Не поверите — он таки проверил!

Подполье Велейской империи воодушевленно загомонило, но Алеся не вслушивалась в слова парней: она играла «в гляделки» с Ником Дирасом.

— Начисто стереть память дюжине людей сразу за столь малый срок — это не виданная доселе магическая мощь, — негромко сказал Ник. — Алеся, а каков ваш предел воздействия по количеству человек? И почему я совсем не ощущаю физических последствий ментального вмешательства в мой разум?

Все примолкли, в комнате повисла исполненная горячего любопытства тишина. Пришло время открыть карты и признаться, что у нее на руках не магический флеш рояль, а так — всего лишь пара двоек, то есть родовое проклятье.

— Не ощущаете, потому что никакого вмешательства и не было, я не действовала магией. Во мне вообще магии нет и управлять ей я не умею, потому и клятва на амулете в неиспользовании магии — пустое дело. Видите ли, в чем дело: я — не магиня!

— Не понял..., — свел брови Дирас.

Все собравшиеся дружно посмотрели в свои записки, потом на дверь, на часы на стене, на Алеся. На всех без исключения лицах проступило сомнение в здравости ее рассудка. А сбрендивший маг-менталист огромной силы — это вам не хухры-мухры.

Народ поднялся и попятился подальше от Алеся. У входной двери образовалась давка.

— Я все объясню! — быстро протараторила Алеся и успокаивающе улыбнулась. — Можно присесть?

К ней мигом сдвинули кучу стульев, она опустилась на ближайший.

— Я не могу не стирать память, поскольку это происходит помимо моего желания. Повторю еще раз, я не магиня, ваши датчики магии правильно молчат.

Алеся рассказала о своей странной жизни на Земле, потом — о приключениях в Велейской империи. Рассказ затянулся, ее успели галантно пересадить в единственное мягкое кресло в комнате, накормить фруктами и печеньем, стоявшими на изящной горке, но главное — внимательно выслушать. Все это время их никто не беспокоил. Под конец Дирас мерил шагами ковер в гостиной и задумчиво молчал, остальные тоже призадумались.

Наконец Ник Дирас признал:

— Вселенная велика и тайны ее неисчислимы. Необычная у вас врожденная особенность, никогда о такой раньше не слышал. Когда-нибудь наши власти доиграются до того, что заташат в мир существо, смертельно опасное для всей нашей цивилизации.

— Я не смертельно опасна, но тоже не пушистая заяка, — немного обиделась Алеся, что ее приписали к безобидным зверюшкам.

— Это я уже понял, — искренне улыбнулся Дирас, — лотерея — просто гениально! И прикинуться пьяным юнцом — тоже.

— Иногда, чтобы хорошо спрятать вещь, достаточно положить ее на виду.

— Согласен. Все никак не верится, что я забуду вас, как только уйду из этой комнаты, но проверенные факты — штука упрямая. Что же нам предпринять?

— Вы все при мне запишите на листке собственной рукой, что видели меня, и опишите внешность. Этот листок держите перед глазами больше трех минут после моего ухода и лучше вообще держать его при себе, чтобы часто видеть. Потом запишите все, что вам показалось важным в нашем разговоре, ваше мнение обо мне — его вы тоже забудете, как и чувства, что я в вас вызвала. Надеюсь, что среди этих чувств найдется доверие.

— Безусловно. Надеюсь, доверие взаимное?

— Безусловно, — эхом повторила Алеся, улыбаясь.

Придти к подпольщикам оказалось верным решением.

Она ждала, когда мужчины напишут свои напоминки, и беззастенчиво рассматривала их, пользуясь тем, что мужчины заняты и не могут видеть ее интереса. Внимательней всех она разглядывала Дираса. Темно-каштановые волосы его были красиво подстрижены, лицо чисто выбрито, полные губы сосредоточенно сжаты. Чернильный карандаш, заменявший в этом мире шариковую авторучку, легко скользил по бумаге, оставляя на ней ровные строчки каллиграфически выписанных слов. Руки у Дираса были сильные, но изящные, с длинными пальцами и идеально отполированными ногтями — мужчина следил за своим внешним видом. Закончив писать, он небольшой клочок бумаги спрятал в медальон больших часов, висевших на поясе на цепочке.

— Так я часто буду видеть сообщение, что в моем доме появилась иномирная беглянка, потрясающая блондинка с синими очами, — сказал Дирас. — Если ваши планы по спасению соотечественников, о которых вы рассказали, не изменятся, то нам придется работать сообща.

— Остается надеяться, что я смогу быть полезной. И мне бы как-то легализоваться в вашем мире... обрести имя, которое не будет вызывать подозрений и позволит устроиться на работу или начать какое-нибудь свое дело. Это возможно?

— Я подумаю над этим, — ответил Дирас и сделал короткую запись в тетради, отведенной под сведения об Алесе. — Вы говорили, что в своем мире работали в журнале — не желаете продолжить это занятие? Будете помогать Рису писать статьи в наш листок. Сумеете?

— Сумею, но мне кажется, что форму заметок стоит несколько видоизменить...

— Это как? — тут же встрял Рис, недовольный, что ему советуют что-то поменять в таких замечательных и правильных статьях.

Алеся прямо взглянула в лицо Дираса:

— Я верно понимаю, что одна из ваших целей — вывести ира Хальера из милости императора и лишить его власти?

— Пожалуй, что так. И что вы предлагаете?

— Слышали фразу «Разделяй и властвуй»?

— У нас говорят: «Рассорь и возглавь».

— Тоже верно. От этого и советую отталкиваться. Вы сейчас новые тексты обдумываете? Давайте, набросаю свою идейку, она много места в газете не займет...

Глава 19. Новые заботы тайной канцелярии

Солнце уже опустилось за горизонт, когда рейт Дирас объявил о завершении собрания, еще раз глянул на листок с записью об Алесе и сказал с улыбкой:

— Никогда не думал, что придется напоминать себе о присутствующей в моем доме молодой красотке.

Парни вокруг засмеялись:

— Возраст берет свое! Красотки уже не числятся в ваших приоритетах, рейт!

Дирас с улыбкой проигнорировал подтрунивания и спросил:

— Алеся Новикова, вы же окажете мне честь и погостите в моем доме?

— Просто Алеся. Спасибо за приглашение, немного погощу.

— Тогда вам приготовят гостевые покои, а я проведу пока небольшой инструктаж по безопасности и покажу дом.

Чтобы инструктаж был максимально наглядным и запоминающимся, Дирас провел Алесю за дом, где располагалось три просторных вольера с псами, при виде которых вспоминалась знаменитая собака Баскервильей: все три зверюги были черного цвета, монструозных размеров, их пастичемоданы были утыканы зубами-кинжалами, а злобное рычание вызывало озноб ужаса. Алесю они облаяли так яростно, что она не выдержала и спряталась за широкой спиной хозяина псов.

— Запомните накрепко: после захода солнца территория и дом охраняются собаками, их выпускают из вольеров и они до утра свободно бегают по саду. На собаках амулеты, делающие их невосприимчивыми к магии, а с оружием против них выстоит разве что опытный воин. Знакомых людей они не трогают, мои ребята давно их прикормили, но если псы увидят на охраняемой территории постороннего, то...

Дирас многозначительно умолк. Алеся сглотнула и сдавленно сказала, вспомнив далекое детство и мать, отказавшуюся покупать щенка:

— Я для них всегда буду незнакомкой, сколь часто не появлялась бы у вас.

— Тогда ни в коем случае не заходите в мой сад после заката, не предупредив меня о визите или желании выйти ночным воздухом подышать. Как только вы уйдете в свои комнаты, я сразу выпущу собак.

Почесав псов за ушами сквозь прутья клетки и ласково потрепав их по загривкам, Дирас провел для Алеси экскурсию по дому. На первом этаже гостиные, оружейный зал, библиотека, рабочий кабинет, бальная зала и большая хозяйственная часть (кухни, кладовые, чуланы, прачечная и прочее). На втором гостевые спальни, общая гостиная, музыкальная комната, картинная галерея, на третьем — комнаты хозяев дома. На четвертом, мансардном этаже жили слуги.

В картинной галерее Алеся остановилась у портрета пожилого бородатого мужчины, одетого в старинную (даже по меркам этого мира) одежду. Портрет привлек ее не цветом и текстурой красок, не прекрасно выписанным лицом человека, а сидящим у его ног зверем. Этот зверь мог быть родным братом того, что встретился ей сегодня в лесу: шоколадного окраса барс с белыми пятнами на шкуре, лобастой мордой, тяжелыми широкими лапами и забавными растрепанными кисточками на ушах. Этих зверей держат в домах?!

— Кто это? — пораженно спросила Алеся.

— Мой очень далекий предок, один из первых в роду. Очень известный маг своего времени, а жил он на заре Золотых Веков. Был профессором Университета Магических Наук и около ста лет занимал пост ректора университета. При нем был построен стационарный межмировой портал в нашей империи и начались первые межмировые регулярные сообщения. К слову, он же был первым хранителем этого портала, а сейчас этот почетный пост занимает Хальер. Ну, теперь-то это чисто номинальная должность, портал много веков не функционирует.

— А зверь? — спросила Алеся, у которой и первый вопрос относился к барсу, а не к человеку на портрете.

— Это аскольд. Есть сведения, что раньше они частенько бывали спутниками магов, особенно — сильных менталистов, как мой предок.

— А сейчас?

— Сейчас этот вид хищных зверей практически вымер на нашей планете, очень давно их никто не видел. Если они и остались где-то, то живут далеко от поселений людей. Впрочем, как я говорил, их держали сильные менталисты, а этот вид магов тоже практически перевёлся. Слабенькие менталисты встречаются довольно часто, а вот сильные — увы, вымерли как класс. Вас потому так упорно ищут, что считают мощным магом-менталистом, а без обучения и в состоянии стресса они крайне опасны.

— Да, я читала об этом, — рассеянно ответила Алеся, думая о другом.

Аскольдов давно никто не видел, а она умудрилась наткнуться на них дважды, а сегодня сразу на нескольких... Подозрительная случайность. Ее проклятье привлекает этих хищников, так как схоже с ментальной магией? Похоже, из города ей подземным переходом не выбраться, на выходе встретят эти очаровашки и вряд ли встретят по-дружески. Алеся вспомнила, как грозно они сегодня рычали на нее, и поежилась.

Ник Дирас довел ее до выделенных ей комнат, вежливо попрощался, заверив, что бумагу с записями о ней оставит на прикроватном столике, так что завтра утром ей не будет нужды заново напоминать, кто она такая.

— Все-таки крайне удивительная у вас особенность, — сказал он напоследок.

— Прикидываете, как ее получше использовать, раз уж магических фокусов от меня не дождешься? — слабо улыбнулась Алеся.

— Если вы намерены вернуться в свой мир да еще товарищей по несчастью спасти — то вам придется использовать все свои знания и умения. Из лап Хальера еще никто не выскальзывал.

Голос Дираса стал мрачным и холодным, как северный ветер. Не удержавшись, Алеся тихо спросила, стоя на пороге гостевых покоев:

— Почему вы так уверены, что именно он убил вашу дочь? Доказательств же нет, иначе император не смог бы проигнорировать ваши обвинения, вы же не последний человек к стране, были тогда членом рейтната.

— Пожалуй, я расскажу вам, — решительно ответил Ник, переступая порог комнаты и плотно прикрывая за ними дверь, — ведь до тех пор, пока он считает вас магией, он постарается выпить досуха и вас, как мою дочь. Кто знает — возможно, он способен лишить жизни и простого человека или ваша особенность поможет ему в этом... Алеся, вы должны твердо знать — убийцей является именно глава тайной канцелярии и надо опасаться его!

Ник не вдавался в подробности того, как было обнаружено тело его дочери, как он старался сам вести расследование, он сразу перешел к тому моменту, когда в его доме появился близкий друг, тоже приближенный ко двору и императору. Имя этого друга Ник не назвал, сказав, что этот молодой человек занимает очень высокое положение, но несмотря на это озабочен трудной участью рабочего народа и помогает подпольщикам.

— Никто из моих ребят не знает имени нашего высокого покровителя, так что не обижайтесь, что и вам я его не назову, — извинился Ник и продолжил.

Этот знатный неизвестный сообщил, что ищейки после убийства обыскивали все таверны поблизости, где мог бы останавливаться убийца, и наткнулись на свежие следы на тропе за одной из них. Следы не простые — от них еще шел слабый ток магии, доказывавший, что здесь недавно прошел маг с полным резервом и резервом немаленьким. Допросили хозяйку и та призналась, что в ночь перед убийством видела подозрительного человека, прятанного свое лицо за высоким воротником и широкополой шляпой. Человек этот прошел по тропе далеко за таверной в сторону поместья Дирасов, вынырнув из густого леса и снова скрывшись в зарослях, лишь на миг попав под свет двух лун. Хозяйка совершенно случайно оказалась ночью поблизости от ограды заднего двора вблизи той тропы и заметила его: в ту ночь у нее телилась корова и она сидела в хлеву, дожидаясь появления приплода и помогая скотине разрешиться от бремени.

Отвечая на расспросы ищеек, хозяйка таверны была очень напугана и бормотала лишь одно: она не знает этого человека и вообще лицо его совсем не разглядела, однако ужас в ее глазах заставлял предполагать, что женщина врёт.

— К хозяйке таверны уже направили менталиста, так что поспеши, — сказал мне мой друг, — ведь главе тайной канцелярии тоже обо всем уже доложено. К счастью, ему далеко добираться до твоих земель, ты можешь успеть раньше.

Дирас успел. Женщина вначале упорствовала в том, что не разглядела ночного прохожего, но в итоге доверилась знакомому рейту.

— Это был глава тайной канцелярии, точно! Я увидела через щели в заборе шрамы на щеке и его глаза: синие-синие. Ира Хальера знают все, его невозможно с кем-нибудь спутать! Помогите мне, рейт Дирас, меня убьют, если я скажу хоть слово против ира!

В этом месте своего рассказа Ник запнулся, провел рукой по волосам. Потом с усилием продолжил:

— Я даже не успел пообещать защиты: на моих глазах женщина начала задыхаться, хватаясь руками за горло, словно ее душили невидимые путы. Я помочь ей ничем не смог, прибежавшие на мои крики люди и ищейки тоже оказались беспомощны. Через несколько минут она умерла от удушья, а моему рассказу о ее предсмертных словах не поверили. Как выяснилось позже — женщина скончалась от медленно действующего яда, который ярко проявляет себя лишь в последние мгновения, когда человека уже не спасти, а до того яд может несколько часов скрытно убивать его организм. Конечно, нашлась уйма свидетелей, видевших в эти часы ира Хальера в сотне миль от той таверны, следовательно, яд он сам подсыпать свидетельнице не мог. Так до сих пор и не выяснили, кто же убил хозяйку таверны. Удивительно, да?

— Вот как, — задумчиво обронила Алеся.

Как-то слишком складно получилось: Дирас своевременно пришел, услышал подтверждение своим подозрениям, потом испытал глубокое потрясение от наблюдения за мучительной агонией свидетельницы... Да, при таком раскладе не мудрено уверовать в виновность Хальера, очень уж... хорошо кто-то всё продумал? Или правда — стечение обстоятельств, позволившее выявить убийцу?

«Очень интересно — кто этот знатный молодой человек, настолько приближенный ко двору, что в курсе всех последних новостей, докладываемых главе тайной канцелярии. Или докладываемых императору? Императора точно держат в курсе всех событий, на то он и император... Получается, это либо кто-то из верхушки управления тайной канцелярии, либо из приближенных к императору лиц, — продолжала размышлять Алеся, укладываясь спать на новом месте. — Читают ли в тайной канцелярии листки подпольщиков? Когда завтра выйдет свежий выпуск, обратят ли они внимание на мою маленькую заметку?»

В сгущающейся вечерней мгле ир Хальер смотрел на разрытую могилу. Могилу заброшенную, оплеванную всеми случайно проходившими мимо людьми, заросшую репейником и посыпанную битым красным камнем — символом пролитой крови. Так отмечали могилы убийц, если только их не казнили и тела не кремировали палачи императора, если по стечению обстоятельств приходилось закапывать тела убийц рядом с местом совершенного ими преступления.

— Повезло, что его все-таки закопали, а не сожгли и не разорвали на много маленьких кусочков осатаневшие от горя люди, — пробормотал Хальер, когда его ищейки добрались, наконец, до обитателя этой безымянной могилы. — Для экспертизы достаточно небольшого фрагмента, так что не копайтесь и зарывайте все обратно, ночь уж на дворе, — скомандовал он, отходя и доставая амулет.

— Эльтар? Да, это я. Да, знаю, что в Греблине уже середина ночи, но мне срочно нужна помощь эксперта. Я отправлю тебе гонцов с посылкой на скребле, надо быстро определить, жителю какого мира принадлежат останки.

— Коул, ты в своем уме? — громко зарокотал в амулете грозный бас. — Ты знаешь, сколько во Вселенной миров, с которыми доводилось контактировать нашей планете?! Возраст своих останков знаешь?

— Я на своем жизненном пути еще не дошел до стадии «останков», так что останки пока не мои, — хмыкнул Хальер, — но их возраст знаю: двадцать два года.

— Шутник, однако, — буркнул голос. — Быстро все равно не получится, в те времена разные умельцы-недоумки выдерживали к нам иномирных магов со всех концов Универсума.

— Мне важно знать: в нашем или не в нашем мире родился этот человек, а если не в нашем, то название его родины не столь существенно, — пояснил Хальер.

— А, тогда это пустяковое дело, как доставят твой образец — гляну и за несколько часов озвучу свой вердикт. Только глянуть смогу лишь поздно вечером — у меня есть студенты и основная работа, не забывай.

— Так выходной грядет, завтра с обеда уж отдыхать пора, — напомнил Хальер.

— Кто бы говорил о выходных! Сам-то даже ночью уgomониться не можешь и другим покоя не даешь, — пробурчал голос и отключился.

Хальер, убирая амулет в карман сюртука, с сожалением вздохнул:

— Нет, дорогой профессор Каллинг, в этот выходной мне **придется** отдыхать — приказ самого императора! Столько времени псу под хвост! Парни, вы закончили? Молодцы, грузимся в скребл, высадите меня в столице по дороге в Греблин — дел неуворот, а мне скоро ехать баклуши бить в загородное имение императора. Надеюсь, он не продержит меня там весь выходной.

Утром последнего и короткого рабочего дня недели неотложные дела привели ира Хальера в главное управление тайной канцелярии, в отделение сыскной службы столицы. Атмосфера, царившая в управлении, уже с первого этажа показалась иру странной: сотрудники испуганно вскакивали при его появлении, торопливо пряча в стол какие-то листки, а из отдаленных кабинетов тем временем продолжали слышаться шепотки, смешки, приговоры: «А что, верно написано...»

Лоурес, сидящий в своем кабинете, тоже рассматривал какой-то листок и тоже резко вскочил при появлении в дверях начальства.

— Ир... Здравия желаю, чем могу служить?

— Нужны данные за последние два года по легальным и подпольным производителям амулетов-накопителей. Это срочно, сделать к вечеру и доложить. Задача: выяснить, могли ли мы прошыпать формирование крупных неучтенных запасов магии. Задача ясна?

— Так точно, ир, ясна. — Лоурес нахмурился: — Есть основания подозревать, что такие запасы могли быть созданы?

— Надеюсь, что они действительно где-то созданы, поскольку альтернатива куда хуже, — мрачно ответил Хальер, опускаясь в кресло у стола. — Что за бардак в управлении, чем все так увлеченно зачитываются?

— Э-эээ... мы же обязаны отслеживать печатные издания подпольщиков, ночные патрули стараются по максимуму извлечь у населения все агитационные материалы и сдать их в управление. Обычно это не представляет труда — людям давно надоели нудные воззвания подпольщиков, они их просто не подбирают с порогов или быстро выкидывают.

— Что изменилось сегодня?

Хальер властно протянул руку и Лоурес вложил в нее печатный листок.

На листке сразу бросалась в глаза картинка, изображавшая дюжего пахаря в рубашке нараспашку, одной рукой нажимающего на плуг, а второй утирающего пот со лба. Лицо этого пахаря было четко прорисовано лишь с правой стороны, а левая представляла собой нагромождение ломаных линий, словом, аналогия была прозрачной. Этот пахарь говорил встретившемуся на середине поля корявому пню: «Не мешайте работать, сир пень, отойдите-ка в сторонку, а то выкорчёвывать придется».

Ниже шел текст:

«Глава тайной канцелярии — поразительный труженик. Он отвечает за внутреннюю и внешнюю безопасность государства, разрабатывает новые законы, ловит преступников, пресекает темную деятельность черных рынков, контролирует суды, чтобы те выносили верные решения. Члены рейтната, охотники на магов, сборщики податей, маги Греблина, ищейки и стражники всей империи постоянно нуждаются в ценных советах и руководстве ира Хальера.

К иру постоянно имеется куча вопросов: «Кто убивает девушек?», «Кто прикарманивает собранные подати?», «Какой будет квота на магические амулеты в следующем году?», «Где своровать иномирных магов?», «Каких перемен ожидать в законодательстве?», «Как найти маньяков и мошенников?», «Как схватить иномирную магину?» и так далее, без конца...

К императору всегда имеется только один нетерпеливый вопрос:

«Где ир Хальер???»

Насмешливая статейка называлась: **«Кто правит империей?»**

Плотно сжатые губы Хальера дрогнули в улыбке. Он еще раз внимательно прочитал статью, задумчиво постучал пальцами по изуродованной щеке. В кармане запищал амулет связи, ир ответил на вызов.

— Коул, уже видел листок подпольщиков? — рокотнул голос императора.

— Да. Кто-то вспомнил древнюю истину про «рассорь» и так далее. Но каково мастерство исполнения! Изящно, умно, ненавязчиво, даже забавно... Ничего не напоминает?

— Тебе опять мерещатся происки иномирной магии?

— Это определенно ее почерк, дела с лотереей и ворожеей на рынках были состряпаны таким же образом: изящно, умно, с хорошей долей юмора и отличным знанием человеческой психологии. Это однозначно ее творчество. М-да, они все-таки встретились...

— Кто встретился?

— Моя беглянка и подпольщики. Надо прикрывать эту шайку, пока не наворотили совместных дел. Горстка никому не интересных заговорщиков — это одно, но та же горстка в компании сильного менталиста — совсем другое.

Произнося это, Хальер улыбался уже открыто, веселье прорвалось наружу и зазвенело в его голосе, вызвав выражение ужаса на лице первого дознавателя и недовольное высказывание императора:

— Ты потешаешься, Коул?!

Хальер сделал знак Лоуресу покинуть кабинет и идти по делам, наложил заглушающее звуки заклинание на комнату. Ответил:

— Еще как потешаюсь — впервые за много лет передо мной стоят действительно интересные задачи. Можешь говорить спокойно — нас не слышат.

— Ужас. Обычно ты считаешь очень интересными те случаи, что несут потенциальную опасность взорвать наш мир к чертовой матери и когда приходится уповать лишь на Божью милость, — проворчал император. — Ты помнишь про мой приказ на выходной?

— Помню, — поморщился Хальер.

— А сегодня вечером...

— Вечером не могу, у меня очень важный эксперимент. — Теперь в голосе ира прозвучало еле сдерживаемое возбуждение, тоже замеченное императором:

— Есть подвижки по порталу?

— Кажется, есть. Во всяком случае, идея, которая меня посетила, — оригинальна и гениальна, а вот работает ли...

— Ну-ну, успехов тебе, скромный мой друг. Коул, прошу — спи этой ночью в своей постели и желательно — не один, ладно?

Хальер поморщился:

— Заботишься о моем алиби?

Ответ императора прозвучал еле слышно:

— Я сам, лично сравнил даты последних убийств с датами твоих магических экспериментов с порталом, о которых еще помнил. Коул, совпадение стопроцентное.

Хальер удивился. Задумался. Сказал:

— Спасибо, что заметил, мне никогда не пришло бы в голову сопоставить эти данные.

— Надеюсь, ты сделаешь из них верный вывод...

— Конечно, вывод очевиден: кто-то старательно отслеживает мои работы в области теории магии и явно с неблагоприятной целью оклеветать меня этими убийствами и прикарманить результаты моих трудов. Адис, ты же понимаешь — если кто-то посторонний завладеет моими записями, то нынешние наши проблемы покажутся детскими игрушками, а слова про «взорвать империю к чертовой матери» перестанут быть шуткой. За сохранность дубликата моей тетради, лежащего в императорском хранилище, отвечаешь ты и отвечаешь не только своей короной, но и жизнями своих родных и нас с тобой.

— Знаю, не опасайся за свои гениальные и жутко опасные разработки, сам их не потеряй, — ворчливо ответил император. — Завтра утром будешь во дворце?

— Да.

— Готовься к раннему вылету на отдых.

Хальер поморщился, но промолчал. Когда император сбросил звонок, глава тайной канцелярии

поднялся к себе на этаж и велел позвать в его кабинет второго дознавателя. Когда тот вошел в двери, холодный синий взгляд главы заставил его вытянуться в струнку и рывкнуть по уставу:

— Здравия желаю, ир! По вашему приказанию прибыл!

— Крелис, вопрос прежний: что по беглой магине? Что дал обход домов?

— Вы были правы, ир: в одном доме, который в агентстве числился как несданный, мы обнаружили следы проживания женщины: платье, платки, черный вдовый наряд, похожий по описанию на тот, что был на базарной ворожее, и книги по магии и истории, разбросанные на всех столах и у кровати. Еще запасы провизии и тетрадь с ее записями.

— Тетрадь немедленно принести мне, — встрепенулся Хальер, — книги, которые она читала — тоже, позаботьтесь о закладках, если книги раскрыты. Что за дом? Какой адрес? Где он расположен на карте города?

Мужчины склонились над картой Кресси. Рассмотрев местоположение дома, ир одобрительно присвистнул:

— Умница, голубка моя, сам бы именно такой вариант на твоём месте выбрал. Крелис, говоришь, засада до сих пор там, но никто не приходил? Уже не придёт, она как-то перекинулась к подпольщикам, когда вы ее спугнули... В этом районе ничего в последние дни не происходило?

— Прикажете выяснить, ир? — вновь вытягиваясь в струнку, гаркнул второй дознаватель.

Хальер поморщился и проворчал:

— Так и скажи — не в курсе дел, сам не сообразил, сейчас все исправлю, чего орать над ухом?

Вскоре главе тайной канцелярии доложили, что в этом переулке позавчера от погони скрылся парень, распространявший прокламации подпольщиков. После очередного грозного рыка главы ищейки заметались и к вечеру выдали имя парня: Рислирин Хорс, который уже проходил когда-то давно по делу о помощи подпольщикам и его портрет сохранился в деле и был опознан преследовавшими его ищейками.

— Можете, когда хотите. Значит, Рислирин Хорс...

Глава 20. Неприличное предложение

Утро в доме Ника Дираса началось у Алеси с визита служанки, принесшей в спальню вычищенный и выглаженный мужской костюм — единственный, что остался у Алеси — и выстиранный полотняный платок, требующийся для превращения девичьей груди в юношескую. Поблагодарив девушку и отпустив ее, Алеся вытащила из-под подушки пояс с деньгами, предусмотрительно запрятанный вечером. В поясе были сложены оставшиеся 25 золотых монет, 7 серебряных и горстка медной мелочи. Отложив один золотой, Алеся все остальные рохи вновь запрятала в пояс, а прочие деньги сыпала в карман жилетки, намереваясь при случае разменять отложенный рох — золотые было удобно копить и носить при себе, но в остальном они слишком бросались в глаза, так как редко использовались при расчетах в лавках, тавернах и на базарах. Одевшись и комкая в руках кепку, Алеся старалась предугадать, как ее встретит хозяин дома. Она уже стерлась из его памяти, но раз он прислал служанку в ее комнаты — значит, записки свои не потерял и о ее присутствии в доме знает.

«Самое тяжелое — смотреть в глаза знакомых людей, испытывать к ним симпатию, что успела во мне возрасти, и видеть в ответ полнейшее равнодушие в эмоциональном плане. Равнодушие, которое невозможно скрыть. События и факты легко записать, изучить и заново внести их в свою память, но на какой «бумаге» запишешь чувства? Помню, как старательно бабушка снимала на камеру наши встречи, сколько сил прикладывала к тому, чтобы помнить не только разумом, но и сердцем, но напрасно. Да, она любила меня, очень любила, но умозрительно, как любят тех далеких родных, которых никогда не доводилось видеть.

Мне Ник вчера очень понравился и я ему тоже, это точно. Его вначале холодный взгляд к моменту нашего расставания потеплел, проникся симпатией, интересом. Самонадеянно предположу, что и уважением тоже, а что меня ждет сейчас? Даже если он записал, как я и просила, сложившееся отношение ко мне, это не сильно поможет. Смешно читать: я доверяю такому-то и очень ему симпатизирую, если лицо этого такого-то не помнишь и внутреннее чутье упорно убеждает тебя, что все это может быть тщательно спланированным обманом. Когда люди убежденно говорят, что полагаются только на разум, они бессознательно лгут самим себе: уж я-то точно знаю, насколько важны чувства. Именно глубоко запрятанные впечатления, ощущения, образы, возникшие при общении с другим человеком, формируют наше подсознательное мнение о нём, порождают ту интуицию, благодаря которой мы либо доверяем, либо нет этому человеку. В случае со мной такие образы в бессознательном отсутствуют, и человек волей-неволей воспринимает меня как подозрительный объект, несмотря ни на какие увещевания разума».

Глубоко вдохнув и приготовившись ко всему (не впервой!), Алеся прошла в гостиную.

В знакомой по вчерашнему дню светлой комнате был сервирован на две персоны столик для завтрака, в вазах благоухали свежие цветы, на стеклах буфета и хрустале плясали солнечные зайчики. На звук ее шагов обернулся Ник. Руки его были заложены за спину, лицо сохраняло подчеркнуто нейтральное выражение. Каштановые волосы причесаны волосок к волоску, глубокие карие глаза смотрят настороженно и... как на опасную чужачку.

Чуда не произошло.

Алеся сглотнула ком в горле, сдержала слезы. Что ж, именно поэтому она так и не решилась на близкие отношения с мужчиной — невозможно каждый день начинать строить заново, с нуля, эти самые отношения. Да, после недолгого расставания о встречах с тобой знают, если оставят на видном месте фотографии и записи, но ничего сами не помнят и никаких сердечных, настоящих чувств уже не испытывают. Она попыталась поиграть в любовь с первого взгляда с Колей Корольковым, этой попытки ей достаточно. Она теперь твердо знает, что вторая встреча куда важнее первой и жестоко ставит ее на место, с которого вздумалось сойти.

— Доброе утро, рейт Дирас, — спокойно поздоровалась она.

— Доброе утро, Алеся. Видите — я не забыл ваших советов.

— Забыли, но записки-напоминалки вынудили вас смириться с невероятной реальностью, — поправила Алеся. — Впрочем, вы наверняка отправляли утром служанку проверить — есть ли кто в гостевой комнате.

— Вы правы. — Мужчина нервно провел рукой по волосам. Прошел к столику и любезно отодвинул стул, приглашая к трапезе. — Странно знать то, о чем совершенно ничего не помнишь, поневоле усомнишься, но я справлюсь и привыкну.

Волевое скуластое лицо его исполнилось решимости, Ник окинул Алесю взглядом и сказал:

— Мне стоило больше слов посвятить вашей красоте. Фраза «хорошенькая блондинка с синими глазами» и в малой степени ее не отражает.

Не удержавшись, Алеся ответила на его обаятельную улыбку, чувствуя, как тает ледяная броня, окружившая сердце.

«Я веду себя, как путник в пустыне: настолько умираю от жажды человеческого участия, что готова гнаться за миражом. За улыбками и комплиментами Ника скрывается подтекст, его глаза излишне пристально останавливаются на мне, но я старательно игнорирую очевидное, мне слишком хочется верить, что вмиг вернулись вчерашние теплота и симпатия. Эх, Алеся, когда-нибудь ты очень сильно обожжешься!»

Хозяин дома действительно был самой любезностью. За столом рассказывал последние городские новости, со смехом вспоминал ее статейку, высказывал надежды, что та не пройдет незамеченной. После завтрака пригласил на прогулку и охотно отвечал на расспросы Алеси о мире и магах:

— В настоящий момент Велейская империя ни с кем не воюет и не собирается, императору удалось наладить взаимопонимание с торийцами и лирмийцами, ходят упорные слухи, что наследник престола Имир женится на племяннице правителя Лирмийской империи, как только той стукнет шестнадцать лет. Правда, пока это лишь слухи, кронпринц еще не расстался со своей любовницей, с которой живет уже три года. Да, у нас вступить в брак можно с шестнадцати и простите за нескромный вопрос: сколько вам лет, Алеся?

— Двадцать два.

— Вы выглядите моложе... У вас в мире люди сколько лет живут?

— Как и у вас, если они не маги или не пополняют свой резерв.

— Мало у кого имеется возможность его пополнять, магия стоит очень дорого. Я перестал заботиться об этом после смерти моей жены, перестал видеть смысл в том, чтобы продлевать тоскливую жизнь, а уж после гибели дочери...

Ник замолчал. Они прошли по посыпанной гравием дорожке, остановились у цветущего куста, похожего на жасмин, и мужчина сорвал для Алеси пахучую, усыпанную белыми цветами веточку.

— Вы выглядите лет на тридцать, но учитывая, что вашей дочери сейчас было бы двадцать лет, лицо явно не отражает ваш настоящий возраст, — заметила Алеся, принимая цветок.

— Мне сорок. А вы в своем мире были замужем?

— Нет, у нас редко кто вступает в брак так рано.

— Двадцать два — это рано для девушки? — удивился Ник и поспешно сказал: — Извините, у нас все несколько иначе, к этому возрасту многие уже нескольких детей имеют.

— Да, я обратила внимание.

Ник продолжил рассказывать о жизни двора, о последнем увлечении младшего принца, о том, чьей дочерью является постоянная любовница старшего, пока Алеся не выдержала и не сказала тихо, когда они вышли прогуляться в сад:

— Рейт Дирас, я понимаю, что вы стараетесь говорить о том, что полагаете интересным для меня, но, видите ли... Я бы предпочла, чтобы вы поведали мне о чем-то жизненно важном и полезном для меня, а не о свежих сплетнях. Мне глубоко безразличны закулисные любовные интриги императорского двора, политические заботы старшего принца и меценатство с благотворительностью младшего. Я много дней прожила в вашем мире, читала не только подпольные листки, но и официальные газеты, книги и знаю, что младшего принца все считают чуть ли не ангелом во плоти: он-де всю заботится о сирых и убогих, помог отцу подготовить последний закон о бесплатном лечении калек, ратует за облегчение условий труда всех крестьян и рабочих и так далее, а старший принц растет достойным преемником отца и во всем на него похож. Вы мне лучше расскажите, являются ли члены правящей семьи магами, отвечают ли за то, что творится в Греблине, и как принято обращаться к вашей знати? Кого именуют ирами, кого — сирами, кого — рейтами?

— «Сир» или «**си**ра» — обращение только к членам императорской семьи. К людям, возглавляющим какие-либо ведомства, обращаются «ир», даже если они не из знатных семейств. Ко всем остальным землевладельцам обращаются «рейт». Крупные торговцы, богатые горожане требуют и для себя такого обращения, но этот закон еще не принят, так что рейт — это человек, имеющий земли и поместье и соответственно — имеющий право быть избранным в рейтнат. Само собой разумеется, в заседаниях рейтната может участвовать любой ир и сир.

— А купцы, банкиры, владельцы цехов, мануфактур, другие богатые люди права влиять на политические решения и законы не имеют, если больших земельных угодий нет? Их в рейтнат не

изберут? — удивилась Алеся.

— Именно так. Поэтому земля стоит дорого и ее редко продают. До последнего бунта даже рейты никакой политической власти не имели, все вопросы император решал единолично. Говорят, ир Хальер часто и громко возмущается, что теперь его друг Адис Ламокок вынужден прислушиваться к чьему-то мнению.

Ник презрительно усмехнулся, мрачней при мысли о своем кровном враге.

— Расскажите о магических способностях правящей семьи и особенно — о Хальере. Правда, что у него волшебный голос, которого надо бояться? Что он может «выпить» магию и жизнь не приближаясь к человеку?

Ник рассказал, что император и его сыновья — очень слабые маги с небольшим резервом. Сам император и его старший сын имеют способности стихийников, младший принц — менталист очень низкого уровня, а императрица — простой человек. Зато ир Хальер — мощный маг-универсал, способный на любое колдовство.

— Его завораживающий голос — проявление ментальных способностей. Маг может совершить обмен магической энергией с другим магом, если их связали хоть на миг сильные чувства, причем неважно — негативные или позитивные, — объяснял Ник. — Девушкам не стоит злить Хальера, для них это самый быстрый и надежный способ умереть, ведь в ответ его усиленный ментальной магией голос вызовет в женщине сильнейшее страстное влечение к нему и спровоцирует обмен, а точнее — отток всей ее магии и жизненной энергии к Хальеру. И правда, что прикасаться к женщине при этом у него нет необходимости.

— А если заткнуть кляпом и завязать ему рот? — мрачно спросила Алеся, прекрасно помнящая, как этот чарующий голос воздействовал на нее саму в лесу.

Замерев на месте, Ник ошеломленно посмотрел на нее и громко расхохотался.

— Хотел бы я посмотреть на того, кто сумеет завязать рот иру Хальеру! Впрочем, это не поможет — если человек пробудил в нем сильные эмоции, то магия ира найдет виновника и в тишине. Я видел и ощущал сам, как это происходит: Хальер молчит, но глаза его начинают сиять синим светом, воздух вокруг дрожит и будто густеет, и если в тебе всколыхнулся страх (а он всколыхнется обязательно, он пронзает, как метко пущенная стрела), то можешь начинать молиться. Голос — просто яркое проявление выплеска магии и сильно действует на женщин, но Хальер легко может погубить и мужчину без всякого томного влечения.

— А убитые девушки...

— Он сознательно разжигал в них страсть (для менталиста это пустячное дело) и выпивал до дна, — глухо ответил Ник, отворачиваясь. Он уставился на клумбу, словно никогда ранее не видел растущих на ней цветов.

— Он их... они были... ну..., — неловко попыталась сформулировать Алеся болезненный для него вопрос.

Ее поняли. Ник ответил, всё так же не сводя глаз с красно-белой россыпи роз:

— Нет, он не вступал с жертвами в интимную связь. Ира Хальера трудно увлечь как мужчину. Глава тайной канцелярии — ледяная глыба, в нем весьма сложно зажечь страстные чувства, он хладнокровен во всем, на это даже его любовницы втихаря жалуются.

— Не так уж втихаря, раз о том известно, — хмыкнула Алеся.

— Я бы на их месте радовался, а не жаловался: если бы Хальер хоть раз воспылал к кому-то истинной страстью, то эту несчастную уже похоронили бы. Ведь если слабый маг ничем не защищен (а против Хальера не устоят никакие амулеты), а сильный маг не успеет (или не захочет) вовремя остановиться, вступив в магический обмен, то легко можно лишиться не только запаса магии, но и жизни. Сильные маги всегда старались вступать в браки с теми, кто близок им по уровню силы — тогда обоим супругам нечего опасаться, но если уровни слишком разные, то... Это как наполнять кувшин из бочки, а потом выливать все обратно: бочка никогда не опустеет, а вот кувшин мигом лишится всей «воды».

— Я верно понимаю, что если любовницей сильного мага будет не магиня, то ничего худого с ней не приключится? Маг не может «осушить» человека, так?

— Да, но среди высшего света и купечества простых людей мало, императрица Кларисса — это исключение из правила, а великий ир Хальер до бедных селянок не снисходит, — отрывисто объяснил Ник. — Так что его дамам действительно повезло, что их щедрый любовник холоден в

чувствах. Злость контролировать проще, чем страсть, и раз с сотрудницами тайной канцелярии до сих пор не происходило несчастных случаев при общении с главой, то Хальера нельзя обвинить в несдержанности. Он и на жертвы свои охотится продуманно и целенаправленно, безучастный ко всему, кроме своих интересов: наполнить резерв магией, позволяющей ему вволю экспериментировать в создании новых заклинаний. Ир Хальер — признанный гений в области теоретической магии. Профессор Каллинг, ректор Магического Университета, — его хороший друг.

— Ого, — ахнула Алеся, — меня преследует и разыскивает не просто злодей, а очень-очень умный злодей. Гм-ммм... предпочла бы глупого и ленивого негодяя.

— То, что вы не излучаете магии, сильно затрудняет его поиски. Алеся, вы вчера спрашивали, можно ли вас как-то легализовать в нашем мире, найти вам постоянное пристанище, в котором вы могли бы не опасаться ищеек и их главы. Не знаю, почему я не подумал об этом еще вчера, но сегодня предлагаю вам простейший выход: станьте моей постоянной любовницей, живите в моем доме и я обеспечу вам безбедную, беззаботную жизнь. Вы будете разъезжать в каретах, одеваться в лучшие платья и считаться дочерью моего управляющего — у него по молодости лет было много романов, так что еще одна внезапно объявившаяся внебрачная дочь никого не удивит, вы будете четвертой по счету.

На Алесю словно вылили ушат холодной воды.

«Вот и причина его повышенного внимания к моей «красоте», и подтекст всех рассказов о тайнах Велейского двора: меня подводили к мысли, что роль любовницы в их мире — практически официальное трудоустройство, что таких «сотрудниц» имеют все богатые люди. Я думала, что прийти к подпольщикам — хорошая мысль? Я ошибалась».

Ник заметил, как похолодело лицо Алеси, как она замкнулась, отвернулась и отгородилась от него холодной сдержанностью, и добавил, настойчиво разворачивая девушку лицом к себе, заглядывая в глаза:

— Я готов обещать, что вы будете моей единственной любовницей, Алеся. Учитывая, что я каждое утро буду воспринимать вас, как новую и неизведанную незнакомку, такое обещание сдержать будет несложно — вы точно мне не наскучите.

Алеся стиснула зубы, сдерживая неразумное желание врезать по гладко выбритому породистому лицу. Она-то, глупая, переживала, что близкий человек ее не вспомнит после совместной ночи, а оказывается — это дар Небес, что не вспомнит, ведь так она *НЕ НАСКУЧИТ!*

С усилием выдохнула, раздвинула губы в притворной улыбке:

— Как я сама не подумала, что наилучшее использование моей способности моментально забываться — это устроиться содержанкой скучающего рейта! В самом деле — у рейта каждый день будет фактически новая любовница и никаких усилий для ее поисков. Все разнообразие включено в один комплект за те же деньги.

Она резким движением выбросила веточку жасмина и натянула на голову кепку, пряча под нее длинные волосы. Хорошенько затянула ремешок, удерживающий кепку, чтобы та не вздумала упасть, и сказала сухо:

— Спасибо за гостеприимство, рейт Дирас. Передавайте привет вашим юношам, пусть они выкинут свои записи обо мне — те им больше не понадобятся. Счастливо оставаться.

Широким шагом, еле сдерживаясь чтобы не побежать, Алеся понеслась к воротам. Подступающие слезы она сглатывала и старалась распалиться злостью, чтобы не сорваться в пропасть жалости к себе.

«Пора зарубить себе на носу: я — одиночка! Навсегда! Не то что любимые люди, даже друзья — это недостижимая утопия. Ничего, в родном мире выжила и в этом найду свое место, — твердила себе Алеся. — Пусть во мне нет магии, мне мозги заменят все заклинания на свете и полноценно заменят!»

Ее догнали, схватили за руку, резко развернули и прижали к крепкой груди, обтянутой тонкой рубашкой. Широкие ладони заскользили по спине, поглаживая и успокаивая.

— Хорошо, что высокая ограда и густая зелень скрывают с улицы картину того, как я обнимаю в своем саду щуплого парнишку, — прошептали Алесе на ухо горячие мужские губы. — Прости за эту проверку! Читать на листе, что ты кого-то уважаешь и доверяешь ему — это одно, чувствовать — совсем другое.

Проверка? Это была проверка?!

Алесею переполнил праведный гнев, она закричала:

— Знаю! В том и будет вечная проблема — вы через три минуты, как отвернетесь от меня, опять перестанете чувствовать! И что — сто раз на дню будете меня так проверять? Не хочу! Я бесконечно устала от этой безнадежности еще в своем мире...

Ее слезы таки закапали на белый батист рубашки Ника. Он вытащил из кармана хлопковый платок, аккуратно вытер девичье лицо, ласково тронул лоб губами.

— Я постараюсь впредь так не поступать, я все запишу и объясню самому себе. Алесея, давай перейдем на «ты» и постараемся стать друзьями? Про дочь управляющего я не шутил — сейчас же отправлю письмо в поместье и попрошу сделать церковные метрики, подтверждающие твое рождение в моем селе. Выучишь карту моих земель, имена монахов, старейшин всех сел, изучишь биографию своих «отца» и «матери» — никакой опрос не выявит разночтений в твоих словах. Конечно, проверку у менталиста ты не пройдешь, но к нему тебя просто и не поведут, если не усомнятся в том, кто ты такая, и если не будешь бродить по улицам в одиночку. Договорились?

Да, они договорились. Ник сдержал свое слово — долго что-то писал в тетради в присутствии Алеси, постоянно на нее посматривая и по-настоящему, открыто улыбаясь, пока Алесея сидела, замерев в кресле, и боялась поверить, что у них может сложиться нормальное сотрудничество. Если бы можно было всегда быть рядом, в поле видимости и слышимости, не спать ночами и не отходить друг от друга! Потом она изучала карту земель Дираса, внимательно следя за его пальцем,двигающимся по линиям и названиям, и сопровождаемым подробными пояснениями. А вечером прибежал довольный Рис, заявивший, что небольшая насмешливая заметка Алеси в газете имела ошеломительный успех, что он, Рис, восхищен и признает ее своим главным редактором, и что умоляет ее не бросать благое дело «открывания глаз народу». А чтобы не спутать своего «главного редактора» с кем-либо другим, Рис набросал карандашом портрет Алеси. Юноша умело рисовал не только карикатуры в газету — Алесея получилась на рисунке как живая. У Риса был явный художественный талант.

Глава 21. Гениальные прозрения ира Хальера

Явившись вечером в свой столичный особняк, чтобы перекусить на скорую руку и скорее бежать проверять свою гениальную идею «латания дыр» в древнем портале, Хальер был неприятно удивлен тем, что в его спальне вольготно разместилась Луиза Боруар.

— Не припоминаю, чтобы приглашал тебя сегодня, — сухо бросил он любовнице.

— Разве я не могу прийти сама, потому что очень соскучилась? — томно ответила Луиза, принимая эффектную позу на черном покрывале кровати. — Мы не встречались почти месяц, дорогой!

— У меня дела! — раздраженно рявкнул Хальер, неприязненно осматривая стол, накрытый в маленькой личной гостиной к ужину на две персоны, причем накрытый по всем правилам, с множеством столовых приборов и перемен блюд, тогда как он четко приказал слугам: бутерброды с мясом и крепкий чай — частично на тарелке, частично упакованными для того, чтобы унести с собой. — Тебе кто позволил распоряжаться в моем доме?!

От его злого рыка любовница вдруг глубоко задышала, покраснелась и потянулась к нему, смотря широко раскрытыми шальными глазами, а Хальер ощутил тонкие струйки тянущейся к нему слабенькой магии... Не может быть! Потрясенный до глубины души тупым бабьим безрассудством, он подскочил к женщине и схватил ее за руку: на правом запястье отсутствовал защитный амулет!

Неимоверным усилием воли задавив в себе чувство ярости и прервав магический обмен, Хальер ледяным тоном обронил:

— Ты лишилась рассудка?

Лицо Луизы вспыхнуло злостью, она вскочила и крикнула:

— Наверное, может и так! Мне надоела эта вечная бесстрастность, я хочу бурления чувств, хочу подпасть под действие твоей магии, испытать эти невероятные головокружительные ощущения!

— Выражайся точнее: ты хочешь испытать наркотическое упоение от переполнения резерва, а потом умереть от истощения жизненной энергии, — холодно поправил Хальер.

Женщина очнулась, взяла себя в руки, возразила нежно:

— Я хочу твоей неподдельной страсти.

«Звучит красиво, но флюиды лжи сильно портят впечатление», — усмехнулся Хальер и жестко сказал:

— Если я в самом деле воспылаю к тебе неимоверной страстью, то никакой защитный амулет не спасет тебя от смерти, Луиза, и даже сотня амулетов не спасет. К счастью, ничего подобного тебе не грозит, особенно теперь: я не желаю больше тебя видеть. Сумму денежной компенсации за разрыв можешь сообщить мне завтра, а сейчас — освободи комнату от своего присутствия: терпеть не могу глупцов, знаешь ли, а еще — у меня нет времени на праздное времяпрепровождение.

Утром выходного дня Адис нашел главу тайной канцелярии в его личных покоях, но отнюдь не в спальне, как было велено. Помимо рабочего кабинета, имевшего отдельный вход из коридора и не сообщавшегося с другими комнатами, иру Хальеру были выделены во дворце еще три комнаты. Одну из них он превратил в библиотеку, вторую — еще в один рабочий кабинет, но кабинет личный, куда допускался лишь очень малый круг доверенных лиц, — здесь Коул Хальер предавался своему излюбленному занятию: теоретической магии. Самая маленькая комнатка была отведена под спальню, но она редко использовалась по назначению: на покрывале большой кровати обычно были разложены схемы и разбросаны листки с уравнениями и поясняющими их рисунками.

Собственно, такая картина и сейчас предстала перед глазами императора: в кабинете за столом сидел Хальер, с отрешенным видом складывая детский конструктор, а от стола к кровати в смежной комнате вела белая дорожка из вороха исписанных листков.

— Ты опять не спал, — Адис обвиняюще ткнул пальцем в товарища. Потом вспомнил о своем даре стихийника и потратил невеликий резерв своей магии на удаление пыли со всех поверхностей и из всех углов: в эти комнаты было запрещено являться служанкам, а сам Хальер такими неважными делами, как уборка, голову себе не забивал.

Ир очнулся:

— А? Уже утро?

— И чем ты всю ночь опять занимался? — грозно спросил император, складывая руки на груди.

— Жизнь и магию из девушек не выпивал, оставил это развлечение на сегодняшний день: поедem в твоe имение, устроим на девиц совместную охоту...

— Не смешно. Колдуешь над проблемой портала? Как вчерашний эксперимент, не удался? Все без изменений?

— Ага. Течёт, гад. Сколько ни вливаю магию — вся уходит без толку. Адис, посмотри — видишь общие черты во всех заклинаниях?

Хальер вскочил, схватил с кровати листки, быстро их перебрал, вытащив штук десять, потом еще десяток набрал с пола. Разложив все на своем большущем столе, сказал нетерпеливо:

— Ну, что скажешь?

— А что я могу сказать? Я в Греблине не учился, во мне никогда не было зачатков гениальности, которые стоило бы развивать. Вижу, что это формулы, описывающие разные заклинания. Вот эти — точно стихийные, эти похожи на целительские, но то совсем не моя тема. Откуда ты их наскрёб?

— Я не наскрёб, я восстановил их по структуре портала. Раньше вязь этих двадцати заклинаний опоясывала портал, удерживая в нем магию. Не только межмировой портал — на транспортных такая же структура. Если соединить эти клочки в единую сеть вокруг портала — магия перестанет уходить, это абсолютно точно.

— Ух, ты! Так в чем проблема?

— В конструктор такой играл в детстве?

Хальер указал на набор деревянных деталек, которые Алеся сочла бы рассыпавшимися фигурками от Тетриса: они все имели разные выступы и выпуклости, ровные углубления и вогнутости, но при правильной сборке идеально подходили друг к другу: выпуклости ложились в вогнутости, образуя в итоге ровную призму. Трехмерный пазл, как сказали бы земляне, знакомые с похожими игрушками.

— Само собой — в школе всех стихийников учат управлять стихией воздуха, собирая конструктор без помощи рук. К чему ведешь?

— К тому, что я долго не мог понять, почему все выписанные мною заклинания такие разные и как их подвести под общий знаменатель, а вчера ночью понял: они и должны быть разные, как детали этого конструктора! Общие черты, которые я в них видел, нужны не для того, чтобы соединить их логической цепочкой и прийти к конечной итоговой формуле — совсем нет! Эти схожие черты позволяют им цепляться друг за друга, образуя объемную сетку. В этой теории нет промежуточных этапов — все эти формулы одинаково важны, как важен каждый камень в кладке стены, понимаешь?

— Смутно, — признался император.

— Это и есть моя новая гениальная идея: нужно воссоздать все эти заклинания и «сложить» их друг на друга, а не стремиться получить одно-единственное сложное заклинание из всех этих простых — так яснее?

— Да. И в чем проблема, раз ты такой мрачный?

— Проблема в том, что они не желают удерживаться вместе — рассыпаются, когда я дохожу всего до середины «стопки», — недовольно объяснил Хальер, — всю ночь на это пропащее дело угробил!

— Хм... цементируй?

— Ценный совет, но в магии не существует аналогов цемента, — хмуро ответил Хальер.

— Так, на сегодня ты закончил научные труды и поехал отдыхать: Клари и сыновья уже ждут нас на стоянке скреблов, а нехорошо заставлять императрицу и двух наследников престола ждать.

Как назло, у Хальера затрещал амулет связи. С притворным сожалением разведя руками, он ответил на звонок:

— Слушаю, Эльтар. Человек не из нашего мира? Точно уверен, что это был иномирец, ошибки быть не может? Не сомневаюсь, не сомневаюсь, просто твой ответ добавил мне грудy вопросов, вместо того, чтобы разрешить одну нетривиальную загадку. Говоришь, есть любопытные моменты, продолжишь исследования? А в чем суть этих моментов? Как — не маг?! Иномирец, но НЕ маг?! Вот этого точно быть не может! Эльтар, ты ошибся, перепроверь. Чьи останки, спрашиваешь? Пожалуй, это лучше обсудить при личной встрече. Да. Да, как только выкрою полдня. Да, держи в курсе,

полную экзгумацию разрешаю, позвони Лоуресу — он выдаст тебе официальную бумагу. Спасибо, до встречи.

Император хотел было расспросить, о чем шла речь, но тут вспомнил собственные увещевания отложить все деловые вопросы до рабочих дней и молча, решительно потащил друга на выход.

Загородное поместье императорской семьи не было помпезным, как столичный дворец, — сердцем родового имения Ламокков был небольшой, уютный дом, увитый зеленью от крыльца до крыши над вторым этажом, окруженный цветами и плодовыми деревьями, с которых свисали пока еще маленькие и зеленые, но уже ароматные фрукты, обещающие к осени богатый урожай. Под этими деревьями установили стол, накрытый для завтрака — семья императора, как и глава тайной канцелярии, еще не успела перекусить. Императрица Кларисса Ламокк вызвалась сама обслужить сегодня своих мужчин и друга семьи.

— Я устала во дворце от бесконечных слуг вокруг. Что ни говори, а это все-таки чужие люди и их постоянное присутствие рядом утомляет, — сказала она, накладывая всем полные тарелки снеди. С улыбкой посмотрела, как дружно все уплетают за обе щеки и сказала с ностальгией: — Не поверите, но я порой скучаю по тем временам, когда мы завтракали и обедали в гордом одиночестве, только мы с Адисом, Коул и маленький Имир, сидя на траве и поедая пойманную дичь без всяких столовых приборов и церемоний.

— Дичь обычно ловил я, — гордо заявил Адис, выпячивая грудь, Хальер хмыкнул, а сыновья императора рассмеялись — они частенько слышали такие перепалки, когда отец и его друг доказывали, что именно на их плечи легли все тягости того давнего времени, и именно благодаря им все бывали сыты и здоровы.

— Дядя Коул, неужели ты ни словом не возразишь? — весело спросил двадцатилетний Имир.

— Ему некогда возражать — он ломает голову, как маньяка с магией поймать, ни на миг не может расслабиться и ни о чем не думать, — укоризненно поглядывая на отрешенного друга, заметил император. — Коул, ау, ты еще здесь?

— Да-да, я вас слышу, — так рассеянно ответил Хальер, что императорское семейство снова дружно рассмеялось.

— Надо не насмешничать, а помочь, — подавив смех, серьезно заявил Имир. — В газетах уже пишут, что трудится только дядя Коул, а мы все прохлаждаемся, как пни на поле.

— Тот, кто старался вас поссорить таким образом, явно не подозревает, насколько вы дружны, — покачала головой императрица. — И что работы в управлении империей всем с избытком хватает. Коул, рассказывай, о чем думаешь: один ум — хорошо, но пять умов — лучше.

— Я действительно думаю о маньяке, — признал Хальер. — Зачем он начал так часто выходить на охоту? Десять лет назад убийства девушек были единичными случаями, я даже могу предположить, что они вообще совершались не им, но сейчас их число растет лавинообразно.

— Это же маньяк! Они входят во вкус, им требуется все больше и больше жертв для удовлетворения своих низменных страстей, так в учебниках по сыску пишут, — ответил Имир, сосредоточенно сведя ровные смольные брови. Имир знал, о чем говорит, он старательно вникал во все дела и проблемы империи, всячески помогая в делах своему отцу, хоть приоритетным направлением деятельности старшего принца были внешнеполитические сообщения. — Тебе этот довод не кажется убедительным?

Хальер отодвинул кружку чая, сложил ладони вместе, тарабанил пальцами, как часто делал в минуты задумчивости.

— Я могу допустить, что ему просто нравится убивать, но магию он куда деваает? — задал вопрос глава ищеек. — Жизненная энергия человека — это уйма магии, а в последнее время убийства так участились, что маг-стихийник уже светился бы, как солнце, если бы не использовал, не сливал магию. Однако нет сведений ни о пожарах, ни о потопах, ни о прочих стихийных бедствиях в империи, так что он вряд ли стихийник, а это подталкивает к более мрачным предположениям.

— Возможно, он заполняет амулеты-накопители?

— Вопрос прежний — зачем? Для чего ему огромный запас магии? Черный рынок стабилен, всплесков продаж подпольной магии нет, так что он ее не продает. Скажу больше — производство и продажа пустых накопителей тоже негласно контролируются тайной канцелярией. Крупных сторонних заказчиков у производителей амулетов не было и нет, их основные потребители — это магоёмкие производства и государственные структуры, в первую очередь — мои ведомства. Лоурес

отрапортовал вчера вечером, что ищейки проследили судьбу каждой партии амулетов за последние два года и все прозрачно, пропаж нет. А ведь речь может идти о сотне крупных накопителей в последний год! Нет, он точно тратит магию, но на что, если делает это так незаметно? В последние дни я часто думаю о магах-менталистах...

— Неужели! — закатив глаза, насмешливо фыркнул Адис. — С чего бы это?

— Ты не задумывался, что кто-то из них мог приложить руку к последнему бунту? Уж больно внезапно он вспыхнул, причем не на периферии империи, где жизнь людей менее устроена, а в благополучных и богатых пристоличных районах.

Младший принц Леван возмущенно высказал свое видение ситуации:

— Благополучно лишь у рейтов, а крестьяне и рабочие трудятся от зари до зари!

Адис, пожав плечами, заметил:

— Мы с Коулом частенько и по ночам работаем, как тебе известно, и ответственности на нас лежит куда больше, чем на любом крестьянине. Леван, пора повзрослеть и видеть все многообразие палитры цветов, а не только черное и белое. Пора бы приобщить тебя к трудам тайной канцелярии: Империя занимается внешними делами страны, а ты начнешь заниматься внутренними не только в части социальной политики. К слову, о трудах до зари: только перед бунтом рабочий день во всех цехах и на мануфактурах, во всех сельскохозяйственных предприятиях был официально уменьшен с двенадцати часов до десяти.

— Надо было сразу уменьшать его до восьми часов, а не ограничиваться полумерами! — ответил Леван.

— Сейчас он уменьшен до этих восьми часов, так что же — теперь для бунта нет причин? — задумчиво смотря на младшего принца, спросил Хальер.

— Пока существует неравенство в распределении материальных благ, для бунта всегда есть причины, — эмоционально ответил принц. — Но конкретно по этому вопросу ситуация удовлетворительная.

— Любопытно, что в архивах тайной канцелярии сохранились доклады многих старших смен, руководителей цехов, утверждавших, что и тогда напряженность удалось снять, — заметил Хальер. — Мой предшественник на посту главы тайной канцелярии переживал об отдаленных районах, а вблизи столицы жизнь крестьянства и рабочих описывалась, как стабильная.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, Коул, но это сколько ж надо менталистов, чтобы поднять в штыки четыре центральных провинции?! — воскликнул император.

— Один.

— Один?!

— Увы. Ты стихийник и наверняка не помнишь о способностях сильных менталистов. Подчеркиваю: очень сильных. Так вот: они могут внушить человеку что-то сделать не прямо сейчас, а через час, день, год — и такая установка будет незаметно храниться в голове человека вплоть до наступления определенного события или некоего сигнала. Эти приказы менталист постепенно вложит в тысячи голов, как пороховые заряды в землю, а потом достаточно поднести фитиль — и целый город взлетит на воздух. Ментальная установка перестаёт действовать через сутки, но начавшийся после взрыва пожар уже не остановишь: когда обезглавливают империю, слишком многие желают воспользоваться шансом занять освободившийся трон.

— Маньяк-убийца тратит магию на отложенные во времени ментальные внушения?!

— Эта гипотеза не кажется тебе правдоподобной?

— В том и беда, что кажется. Прошлый бунт начался именно как вспышка: бальный зал во дворце вдруг превратился в окровавленное поле, в личные покои членов императорской семьи ворвались убийцы — все произошло в считанные часы. Коул, нельзя как-то выяснить, что за установки закладывает нынешний менталист и когда «рванет»?

— Не вижу ни единой возможности это выяснить, тем более что воздействие иномирной беглянки вообще не оставляет следов в разуме человека и, увы, есть основания предполагать, что убийца-маньяк настолько же силен. К слову, процесс «считывания памяти» вообще всегда не оставляет следов. Как правило, заметны только следы внушения, управления сознанием, стирания памяти. Я регулярно проверяю только вас и никаких ментальных установок не вижу, но проверить все население империи я не способен, а менталистов необходимого для этого среднего уровня силы у

нас слишком мало для качественных массовых проверок. Но если уничтожить того, кто задал установки, то «взрыва» можно не опасаться — в момент смерти менталиста они просто выгорают.

Выходной день пошел своим чередом. После завтрака императорское семейство играло в шахматы — эту игру завезли в Велейскую империю в самом начале межмировых сообщений, шахматы были распространены повсеместно в прогрессивных мирах, как и карты, нарды, многие другие сложные стратегические игры. Абсолютным победителем неизменно выходил Хальер, так что основная борьба разворачивалась за второе место, на которое в равной мере претендовали все остальные участники семейного турнира. После обеда ездили на охоту в лес, а вечером дружной компанией собрались в гостиной послушать игру Клариссы на пианино. Ир Хальер явился с детским конструктором и рассеянно складывал его на столе под дивные звуки музыки.

Когда музыкальное выступление императрицы закончилось, к столу мага подошли принцы и император с предложением сыграть партию в карты.

— Чуть позже, мне надо подумать, — отказался Хальер, порывом ветра разбрасывая детали конструктора по столу и снова складывая их друг на друга прямо в воздухе.

— Над загадкой детского конструктора? — весело улыбнулся Имир. — Дядя Коул, ах, выходной, мы отдыхаем! Я могу похвастаться более сложной головоломкой, чем у тебя: мне ее на днях подарили — кто-то из кузнецов придумал и так выполнил затейливо, посмотрите.

Имир присел за стол, вытащил из кармана металлический шарик, нажал одновременно на две небольшие выпуклости с противоположных сторон — и шарик распался на три части.

— Попробуйте теперь собрать! — торжественно воскликнул Имир, протягивая родным ладонь с тремя металлическими лепестками.

Первым за головоломку ухватился Леван. Пока родители принцев мирно беседовали, не особо заинтересовавшись детской игрушкой, он быстро сложил две части, потом так и эдак пытался пристроить к ним третью, но она ни в какую не входила в свободное пространство. Леван пробовал изменить порядок сборки, но безуспешно. Императрица, разлив всем вечерний чай, дала несколько советов, попыталась сама соединить все части, но тоже безуспешно. Ко времени исчезновения десерта эстафета перешла к императору, но и он скоро сдался, сказав:

— Если бы своими глазами не видел этот шарик в собранном виде, то поклялся бы, что его невозможно собрать. Не понимаю, почему защелки никак не войдут в пазы, они же подходят по размеру, если сначала соединить здесь... но потом не соединяются в другом месте, где только что отлично совмещались, что за ерунда?

Вдруг император ахнул, болезненно сморщился. Его взгляд стал рассеянным и пустым, в жестах появилась резкость. Неловко выбросив руку в сторону Хальера, он скинул ему на ладонь детали головоломки и шумно выдохнул, сжав руками виски. Во взгляд его вернулась осмысленность, и Адис гневно воскликнул:

— Коул, что за черт?! Ты сделал мне ментальное внушение отдать тебе эту игрушку?! Совсем умом тронулся? На кой она тебе так сдалась, что не изволил просто попросить, а?

Хальер не ответил. Он расположил на своей широкой ладони все три детали и резко сдвинул их вместе. Все три детали одновременно... Раздался звонкий щелчок и цельный шарик покатился по столу.

— Их невозможно сложить по очереди, только все одновременно, — глухим, механическим голосом сказал Хальер и сорвался с места, умчавшись из гостиной в магическом вихре.

В саду мелькнула его темная фигура, перелетающая через ограду, а в комнате повисла ошеломленная тишина. Имир подхватил подкатившийся к краю стола шарик.

— Кто-нибудь что-нибудь понял? — спросила императрица.

— А что тут понимать? — ответил ее младший сын. — У нашего великого ученого опять случился приступ гениального прозрения. Хорошо, что дядя Коул хоть поужинать успел.

— Мне кажется, он разгадал тайну портала, — вспомнив утренний разговор с другом, сказал император.

Глава 22. Иномирянка на отдыхе

У Алеси выходной день выдался насыщенным. Ник Дирас перестал проверять ее на благонадежность и моральную устойчивость, а всю засыпал вопросами о ее мире. Особенно сильно его интересовали технические устройства и виды энергии, питающей эти устройства. Он внимательнейшим образом выслушивал и конспектировал рассказы Алеси о машинах, самолетах, поездах, кораблях, метро, мобильной связи и телевидении, и в бархатных карих глазах его разгоралось восхищение и нетерпеливое желание немедленно создать нечто подобное в собственном мире. Ник допытывался у Алеси, как устроены все эти механизмы и приборы, на что та лишь разводила руками:

— Я не инженер, не механик и даже не физик, чтобы объяснить вам принцип их действия. Увы, я не технарь, у меня гуманитарное образование, но абсолютно уверена в том, что и физик-ядерщик не смог бы построить у вас атомную электростанцию. Пойми, технологии развиваются постепенно, прежде чем протягивать электрические сети надо научиться лить сталь, вытягивать проволоку, создавать электроизоляционные материалы, а это обычно искусственные резины и пластики, которых у вас опять-таки нет. Главное же — нужно развитие соответствующих разделов науки, а у вас про физику и химию слухом не слыхивали, так что о земных высоких технологиях мечтать бесполезно.

— Ты рассуждаешь в точности, как профессор Каллинг, когда я требовал узнавать у иномирных магов про технические достижения их миров, — разочарованно сказал Ник. — Он всегда приходил к выводу, что у нас из всех наук лучше всего развиты практическая и теоретическая магия разных подразделов, так что на нее нам и нужно опираться.

— В чем-то он прав, хотя с учетом истощения собственных магических ресурсов стоит позаботиться об альтернативе магии, — сказала Алеся.

— Весь Греблин занят проблемой возрождения магических источников и запуска межмирового портала, — сообщил Ник. — Но я слишком насел на тебя, а сегодня выходной. Чем бы ты хотела заняться?

— Если честно, то больше всего хотела бы спокойно пройтись по городу, посмотреть центральную площадь, не опасаясь быть схваченной ищейками и не вздрагивая от каждого шага за спиной, — призналась Алеся. — Я ни разу не добралась до фонтана на центральной площади, все кралась мышкой по задворкам.

— Это организовать не сложно, — улыбнулся Ник. — Хочешь, в столицу тебя на глайдере с ребятами отправлю — там фонтан роскошней нашего и на императорский дворец посмотришь. У меня есть дом в столице — оставите там глайдер и вольетесь в толпы отдыхающего люда.

Кто ж откажется полетать на магическом суперкаре и посмотреть на столицу иномирной империи?

Спустя пару часов по дворцовой площади столицы вышагивала компания из четверых молодых рабочих парней, наряженных по случаю выходного дня в белые рубахи и блестящие кожаные жилетки. Компания весело гомонила, заигрывала со встречающимися девушками, чинно вышагивавшими в сопровождении мамок и нянек, одобрительно свистела вослед девицам легкого поведения, дефилировавшим по тротуарам в ожидании более богатых клиентов, чем рабочая молодежь. Словом, эта группа ничем не отличалась от сотни подобных и никакого интереса у стражников и ищеек не вызвала.

Рис, Алеся, Малик и Слэн несколько раз обошли вокруг фонтана, струи которого взмывали вверх метров на десять и играли всеми цветами радуги, плавно сменявшими друг друга. Послушали музыку городского оркестра, поглазели на смену конного караула у дверей императорского дворца: кони красиво гарцевали и выделяли забавные па под звуки оркестра, пока не замерли на страже до следующей смены. Сам дворец был роскошен, пестрел витражами и красовался витыми беломраморными колоннами. По сторонам дворца стояли здания, выполненные в едином с ним стиле и соединявшиеся с ним широкими крытыми переходами.

— Столичное управление тайной канцелярии и палаты рейтната, — просветил Рис. — В этом управлении и сидит в своем кабинете ир Хальер, а в его подвальных этажах расположена императорская тюрьма для самых важных и опасных арестантов.

На крыльцо второго здания вышла большая группа важных надутых мужчин в богатых одеждах, впереди которой сбежал по ступеням серьезный черноволосый молодой человек в более строгом одеянии. К этому молодому человеку мигом подскочили два широкоплечих мужчины в форме и по их сигналу подъехал серебристый глайдер. Молодой человек уселся на переднее сиденье, мужчины (очевидно, телохранители) примостились сзади, и машина на магической тяге без пыли и шума заскользила прочь с центральной площади, плавно несясь над дорогой.

— О, сегодня кронпринц возглавлял заседание рейтната. Что-то не сильно довольный выскочил, опять какой-то новый закон рейты на корню зарубили, — присвистнул Слэн.

— Или велели ему дать отставку любовнице и ехать свататься к принцессе, — хохотнул Малик.

— Неужели рейты в самом деле могут указывать принцу, как ему распоряжаться своей личной жизнью? — не поверила Алеся.

— Конечно, это же политический вопрос. Никто не позволит Имиру злить правителя Лирмийской империи наличием любовницы в момент официального сватовства. Его фаворитку выдадут замуж и отправят в дальнее поместье с глаз долой еще до отъезда кронпринца в Лирмийскую империю. — На Алеся недоуменно посмотрели все парни, и она невольно пожалела принца.

— Вот глава тайной канцелярии может творить что угодно. Поговаривают, он тоже намерен вскоре жениться, чтобы наследником обзавестись, но трёх его любовниц точно никто прогнать не потребует, — сказал Рис, — у родителей невесты духу на это не хватит.

Хальер женится? Алеся от всего сердца посочувствовала несчастной девушке. Бедняжка, такого жуткого супруга: холодного, жестокого, обезображенного и совершенно бесчувственного, никому не пожелаешь. Парни обсуждали сплетню, что ир присматривает себе среди девушек высшего света не просто мага-пустышку, а девицу, от рождения имевшую полный резерв.

— И обязательно отлично учившуюся в магической школе! — восклицал Рис, подняв вверх указательный палец. — Великий ученый и маг не хочет портить своим детям наследственность, так-то.

— Представляю, сколько девиц сейчас горюют над своими отличными школьными аттестатами, — хохотнул Слэн.

— Ник говорил, что сильные маги всегда стараются вступать в браки с теми, кто близок им по уровню силы, только тогда можно не бояться несчастных случаев при магическом обмене, — вспомнила Алеся.

— В этом плане Хальеру ничего не светит — в империи нет никого, кто был бы достаточно близок к его уровню, разве что профессор Каллинг — ректор университета магии, но на нем он вряд ли женится, тем паче, что профессор уже женат! — расхохотались парни.

Они потащили Алеся на дальнейшую экскурсию по столице, потом в таверну, потом свернули в сквер, где за столами сидели на лавочках молодые и старые, сражаясь в различные настольные игры. Алеся поразились, что больше половины этих игр были ей хорошо известны.

— Так это ж всемирно распространенные игры, они есть везде, где хоть когда-то действовали межмировые порталы и хоть раз появлялись гости из прогрессивных миров, — пожали плечами парни в ответ на высказанное ею недоумение. — Во что сыграешь?

В шахматы здесь многие играли на деньги и, присмотрелась Алеся, играли не слишком профессионально. Жаль, что она раньше не рискнула зайти в центр Кресси и оглядеться как следует, а то знала бы, где можно разжиться лишней монеткой в голодные времена — ребята заверили, что в их городке тоже играют в центральных скверах.

Позвенева грохами в кармане, она присела на освободившееся место. На нее с насмешкой уставился пожилой бородатый мужик в добротной одежде. Он пригладил полуседую бороду, спросил:

— Тебе мамка-то разрешает на деньги играть, малец?

— Я взрослый, — с показной обидой заявила Алеся, а Рис с товарищами горячо поддержал ее, заявляя, что их друг смены в цеху отстаивает не хуже прочих и вообще — на отличном счету у мастера.

Вся троица столпилась у нее за спиной, предвкушая зрелище того, как справится гражданин их империи с иномирной девицей и справится ли. Бородатый мужик оценил хитрые глаза компании парней и более серьезно отнесся к новому противнику.

— Значит так: ходить той фигурой, за которую взялся, перехаживать запрещено, незамеченный шах — техническое поражение, ясно? — сурово озвучил он основные условия.

— А то, — потеряла ручки Алеся, с удовольствиям берясь за лакированные фигурки и расставляя их на доске. Играть ей выпало белыми. — Сколько ставим?

— Пять тогрохов.

— Чего мелочиться? Давай по гроху.

— Ого, молодой, да ранний, — загудел услышавший ее слова окружающий народ и подтянулся к их столику.

Бородатый мужик нахмурился, но протестовать против резкого повышения ставок не стал.

Партия началась под советы и толки толпы. Стандартные первые ходы игроков, белые выводят вперед слона и двух коней, черные отвечают тем же, но второго коня вывести не успевают, поскольку на пятом ходу белые совершают грубейший промах: открывают своего ферзя для удара черного слона!

— Ты что?!! — завопил Рис и протянул руку, чтобы сдвинуть фигуру обратно, но столпившиеся рядом мужики его оттолкнули от доски и обматерили на чём свет стоит.

— Брось, Рис, один грох — не все деньги на свете, — расстроено успокоил товарища Малик.

Бородатый противник Алеси с торжествующим видом снял с доски белого ферзя. Зрители фыркнули и согласились с тем, что молодой незнакомый парень горяч, но не шибко умен.

Алеся невозмутимо сдвинула слона:

— Шах.

Бородатый отвел короля в сторону, но его тут же настиг белый конь.

— Мат, — оповестила Алеся.

Мгновения ошеломленной тишины. Звяканье сдвигаемых Алесей выигранных монет. И бурные овации зрителей:

— Ого-го-го!!!

— Ах, твою ж... На седьмом ходу!!!

— Ты, видел, видел — на седьмом ходу Кузьму под орех разделал!

— Вот это паренек!

— Со мной сыграй, со мной!

«Да, мат Легалья всегда зрелищен, и счастье, что соперник совершил все классические грубые ошибки и позарился на ферзя», — радовалась Алеся, готовясь к новой партии с другим соперником.

В тот вечер только одна ее партия закончилась вничью, а остальные принесли полновесный доход. Впрочем, Алеся твердо намеревалась в следующий свой приезд в столицу обыграть того, с кем сложилась ничья: он-то ее не вспомнит, а она хорошо запомнила его тактику, обратила внимание на слабые места, учла встретившиеся огрехи. Со знакомым противником играть проще (а она для своих соперников всегда будет незнакомкой!), она знала это еще по Петербургскому шахматному кружку и своим сражениям с Колей Корольковым. Да, пользоваться своим преимуществом в опыте совместных игр нехорошо, но... пусть от родового проклятья хоть какая-то польза будет.

«Честно говоря, в этом мире от него сплошная польза, если не считать Ника», — подумала Алеся и вздохнула: глава подпольщиков ей нравился, а она опять с утра стала для него чужачкой в эмоциональном плане.

Что ж, в самой скверной ситуации надо учиться видеть плюсы, а не зловеще скрещенные минусы. Алеся давно этому научилась.

Остановив глайдер у порога дома Дираса и сдав Алесю с рук на руки Нику, Рис сказал ей:

— Первым делом я запишу в своей памятке: никогда не играть с тобой в шахматы на деньги! И вам, рейт Дирас, настоятельно советую записать этот совет, а то в один прекрасный день и дом ваш и поместье утекут в загребушие иномирные ручки. Алеся, я очень рад, что натолкнулся на тебя тем вечером! Ты можешь рассчитывать на то, что я всегда тебя узнаю, даже если не вспомню наши встречи в реальности, и всегда помогу, чем могу.

Ночью Алеся впервые за долгое время заснула не просто спокойно, а умиротворенно: у нее появились друзья, которые стараются ее помнить. Это уже очень много.

Той же ночью, ближе к рассвету, первый дознаватель тайной канцелярии был разбужен звонком своего главы:

— Тащи свою сонную тушу в управление, дело есть, — прозвучал отрывистый приказ. — И по дороге не спи, а вспоминай, кто из ищеек хорошо учился в магической школе.

— Так точно, — согласился Лоурес, протирая глаза и еле удерживаясь от зевков.

В кабинете главы по большому дубовому столу был рассыпан разноцветный детский конструктор, а сам глава, бормоча себе под нос, нумеровал какие-то листы. При виде своего первого заместителя он кивнул, велел подойти и всмотреться в надписи, сделанные Хальером. На каждом листке красовалась одна-единственная, но достаточно сложная формула магического заклинания.

— Значит, так: выделяю твоему отделу пару дней на то, чтобы отобрать двадцать наиболее сообразительных ищеек, имеющих приличный резерв и способных отличить стихийное заклинание от целительского, — сказал Хальер. — Каждому выдай по одному листку, вели зубрить и практиковаться в материализации заклинания — само по себе, в отдельности от других, оно ничего не значит и совершенно безвредно и бессмысленно. Главное: никто из ищеек не должен пока знать, что таких, как он, — двадцать штук, вели им держать язык за зубами о полученном задании. Копии формул они снять не смогут — я надежно зачаровал все листы и от порчи и от переписывания: при попытке воспроизвести формулы на бумаге они будут стираться из памяти, сразу парней предупреди.

— Как прикажете. Мне положено знать, для чего это нужно?

— Тебе поясню. Надо окупать межмировой портал сложным многослойным заклинанием. Видишь конструктор? Следи за моими действиями.

Все детали конструктора взмыли в воздух и зависли, повинувшись пассам рук главы тайной канцелярии. Быстро замелькали, сортируясь и выстраиваясь друг над другом в определенной последовательности. Миг неподвижности, короткий взмах руки — и с тихим треском все детали столкнулись вместе, сдвинулись и образовали правильную шестиугольную призму.

— Точно так же надо собрать сетку заклинания вокруг портала, по частям ее не сложить. Я всю ночь пробовал в одиночку контролировать и сдвигать вместе двадцать заклинаний, но кроме головной боли никакого результата не получил, — объяснил Хальер. — Буду пробовать управлять частями, которые создают и удерживают другие маги — тогда должно сработать.

— И начнет действовать древний портал? — не веря в такое чудо, спросил Лоурес. Глаза его загорелись воодушевлением, остатки сонливости слетели напрочь.

— Гм-ммм... это предпоследняя ступенька на пути к его восстановлению, — заверил Хальер. — Тебе не надо объяснять, насколько это секретная информация? До того, как пройдет эксперимент, я формулы даже в свою тетрадь не записал, поскольку они еще не проверены на опыте. Правда, я не сомневаюсь в их эффективности.

— Я все понял, глава. Магов подберу, особо говорливым языки отрежу, коли болтать вздумают — отдельно прослежу за этим.

— И еще одно: прежде, чем кому-либо отдавать бумаги, даже мне или императору, — убедись, что перед тобой не менталист, внушающий тебе то, чего нет, ясно? Я только потому и доверяю тебе эти бумаги, что ты — единственный достаточно сильный менталист в управлении, способный распознать своего собрата по магическому дару.

Лоурес немного опешил от такого предостережения. Спросил недоуменно:

— Вы полагаете, что иномирная магия...

— Я много чего предполагаю, работа у меня такая. Ты про предупреждение не забудь.

Глава 23. Завершение эксперимента

Первый рабочий день в центральном управлении тайной канцелярии у его сотрудников не задался с самого утра. Ир Хальер привел младшего принца и велел всем сотрудникам помочь сынку императора влиться в рабочий процесс, проникнуться целями, задачами, проблемами и делами ведомства, так как принц Леван с этого дня занимается внутренней политикой государства не только в социальной сфере. А поскольку тайная канцелярия со всеми своими подразделениями — главная внутренняя управляющая и контролирующая структура империи, то с нее молодому сиру и начинать.

Примечательно, что сам глава тайной канцелярии благополучно сбежал из управления, скинув принца на руки своим подчиненным, назначив Левану личного «путеводителя» по преступному миру империи — начальницу подразделения крупных страж. То, что эту могучую, дородную женщину перекосило от такого назначения, ира ничуть не смутило, он сделал вид, что не заметил ее мрачной гримасы и игнорирования радужных улыбок прекрасного принца. И весь день суровые руководители отделов убийств, краж, физического насилия, торгово-промышленных преступлений и прочих вынужденно любовались очаровательным младшим наследником, слушали его красивый голос и отвечали на множество его вопросов.

И думали: «Боже, зачем императору **два** сына?! Был бы один и занимался бы с рейтнатом!»

К середине дня, чувствуя новый наплыв тупой головной боли, первый дознаватель Лоурес, сидящий в своем кабинете с самого рассвета из-за сверххранного вызова главы, недовольно скривился, размышляя о Леване:

«Угрозидо же императора младшего сыночка к нам под крыло направить! Отдельный кабинет ему выделили и Милану личной нянькой к нему приставили, будто у начальницы подразделения крупных краж других забот нет, как только за принцами приглядывать. Лучше ездил бы принц как раньше по больницам и школам с проверками, взыскивал бы с нерадивых работников систем образования и медицины, с аптекарей, не поставивших вовремя лекарства, да с книгоиздателей, задержавших партию учебников. Поражал бы сердца юных дев своим благородным сердцем и дивной красотой. Понятно, что император хочет немного спустить добродушного сынка с небес на землю, познакомить его с изнанкой того «народа» и «рабочего люда», о которых так печется младший принц. Надо сказать Милане, чтобы она показала ему то дело, что сейчас совместно с нашим отделом расследует: как несколько представителей рабочего сообщества напали на сотрудников банка, доставлявших недельную зарплату в их цех, а пока ищейки разыскивали этих преступников, сбежавших с деньгами, их недовольные коллеги по работе напились в стельку и насмерть забили казначея цеха, сказавшего, что деньги за неделю они получают только после выходного дня».

Лоурес потёр ноющие виски, послушал голос Миланы, проводящей для принца Левана экскурсию по соседнему небольшому отделу охотников за иномирными магами и с обреченностью в голосе рассказывающей о функциях каждого подразделения в нем, и решил сбежать домой. Скоро должен был прийти месячный отчет из Греблина, который нужно осветить на завтрашнем ежедневном общем собрании, но это пустяки — достаточно велеть дежурному направить гонца к дому. Неотложное дело у него было одно: до завтрашнего вечера набрать для ира Хальера двадцать ищеек, способных быстро выучить и материализовать незнакомое заклинание, но и это вполне можно было сделать дома — там в рабочем кабинете хранились копии личных дел всех сотрудников его отдела с выписками школьных свидетельств, описывающих возможности и умения магов.

Вопрос: надежно ли спрятаны от посторонних взглядов секретные листы с формулами в кабинете управления? Днём вслед за принцем в управление заявила его свита, его друзья-приятели, а листки хоть и спрятаны в магически зачарованный от огня и взломщиков железный ящик, но сам-то ящик при желании можно вынести из кабинета. А вот в доме Лоуреса такой ящик приварен к чугунному кругу, вмурованному в стену, да и сам Лоурес будет неотлучно находиться рядом, открыв дверь в спальню, чтобы и ночью видеть свой сейф.

Да, дома бумаги будут спрятаны надежнее, чем здесь — устроили проходной дом из управления! Забрав листки Хальера и бережно вложив их во внутренний карман сюртука, Лоурес отправился домой, прижимая к груди секретную ношу.

После сытного обеда и часового приятного ничегонеделания, Лоурес засел в кабинете и обложился бумагами. Да, все ищейки были магами, только резерв из амулета наполнил, но способных и сильных магов — единицы даже в сыскной службе. Большинство таковых возглавляли различные подразделения и ведомства, но ир четко приказал: набрать из ищеек последнего звена, операцию держать в строжайшей тайне, каждому выдать по одному листку и велеть учить и ждать сигнала, ни словом не посвящая в детали предстоящего эксперимента.

Глава тайной канцелярии сбежал из управления не для того, чтобы бездельничать и прохлаждаться: его неодолимо притягивал к себе межмировой портал, бросавший вызов его разуму, его знаниям, его способности управляться с магией. В кои-то веки он выделил время для своих работ не в ночное, а в светлое время суток, отложив на потом другие заботы. Обходя каменную арку круг за кругом, Хальер развешивал в воздухе все двадцать заклинаний и старательно сдвигал их ближе и ближе, внимательно отслеживая все возникающие при этом эффекты: он сомневался, что двадцать магов смогут справиться с задачей, которую не осилил он один.

«Стоит попробовать привлечь помощников, если у меня дело так и не выгорит, но меня преследует ощущение, что я опять что-то упустил из виду. Что?»

Хальер резко сдвинул заклинания, строго следя за синхронностью их подлета к portalу.

Оглушительный хлопок, сноп искр, разлетающиеся в стороны и рассеивающиеся заклинания, вызывающие закручивание вихрей в воздухе и содрогание земли под ногами мага.

После серии безуспешных попыток, Хальер пришел к выводу, что проблема рассыпания деталей не в том, что они не одновременно устанавливаются на свои места, а в том, что они отталкиваются от портала! Одиночные заклинания спокойно удерживаются вблизи каменных врат, но стоит подтащить их всем скопом — бах! — и конструкция разлетелась. Опять возникала дилемма: либо заклинания собирать по очереди не вызывая этого отталкивания, но тогда структура рассыплется еще на середине пути, либо соединять их все сразу, но тогда собранная сеть будет отторгаться порталом и взрываться, разлетаясь по сторонам. Что за чертовщина?

«Первое: заклинание удерживания магии — это не логическая цепочка, а сеть, кладка из «камней». Второе: эти «камни» надо соединить все сразу, в один миг, иначе они не «сцепятся» друг с другом. Должен быть еще третий важный момент, который я никак не могу выявить!» — бился маг над сложной задачей, ощущая, что решение витает очень близко.

В концентрации ему всегда помогала релаксация, отрешенность от окружающего, некое подобие сна наяву. Во время обучения магии удачные сочетания стихий и составляющих зелий, оригинальные решения в комбинировании заклинаний частенько приходили ему в голову во время ночного отдыха и он выскакивал из постели, торопясь записать идею или немедленно опробовать новый состав. Вот и сейчас Хальер привалился спиной к шершавым камням ворот, рассеянным взглядом окинул мерцающую пелену защиты, накрывающую куполом старинный портал и его самого у подножия древнего сооружения. Глаза его непроизвольно закрылись, а магия потекла вольно и свободно, как ничем не сдерживаемая горная река. Защитный полог не являлся для магии препятствием, ведь из нее же он и был соткан, был детищем ира Хальера и только его.

Восприятие перешло на новый уровень. Из-за экранирующего действия защитного полога звуки и запахи не обрушились лавиной, как обычно, а слышались, как глухой морской прибой за окном. Пустынные камни вельда, оставшиеся на месте исчерпанного источника магии, ощущались теперь, как болезненная рана в груди. Хотелось залечить эту рану, почувствовать всем телом и душой, как бьют из земли упругие струи магической энергии, оживляя все вокруг, а от осознания невозможности излечения становилось тоскливо до воя.

В унисон эмоциям мага по лесу разнесся скорбный вой. Опять легкое ментальное касание, прилетевшее извне... Ещё одно и ещё... Магия Хальера отскочила обратно к хозяину под полог, мерцающая пелена которого мешала ей сконцентрироваться и нанести ответный удар по незванным гостям.

Хальер распахнул глаза и взвился на ноги. Не в первый раз ему мерещилось чье-то присутствие рядом. Не то чтобы враждебное, но отчетливо ощущаемое *чужое* присутствие.

И сегодня гостей пожаловало много...

Настороженный маг выстроил в сознании ментальные блоки и вышел за пределы защитной пленки. Любопытно, кто настолько осмелел, что решился нарушить границы его владений и приблизиться к portalу и окружающему его с одной стороны лесочку. Слугам в имении главы тайной канцелярии строго-настрого запрещалось пересекать границы вельда, а уж тем паче — проходить через пустынное каменное плато к вратам и лесу за ними. Впрочем, безжизненное каменное плато и древняя громада арки навевали на слуг такой суеверный ужас, что никто и не помышлял прогуливаться тут.

— Выходите, нежданные визитёры, — разлетелся над сухой травой и пожухлыми кустами опушки мягкий, завораживающий голос Хальера, — поведайте, с чем пришли.

Шорох многих ног... или лап? Из зарослей выступил вперед лобастый, мощный аскольд, нервно дергая длинным хвостом. За ним шагнули строем с десятков членов его стаи, пригнувшись и угрожающе рыча на мужчину.

Покачивая головой, Хальер сказал укоризненно:

— Я смотрю, слухи о вымирании вашего вида сильно преувеличены. Неразумно раскрывать пасть на мага, я не менталист, как ваши прежние хозяева, я маг-универсал и на попытки устрашить меня отвечаю так...

Огненная дуга понеслась по земле в сторону зверей, расширяясь и поднимая ввысь оранжево-алые всполохи пламени. Аскольды взвыли, бросились прочь, только их вожак спокойно пятился, сверля мага холодным, пристальным взглядом желтых глаз. Когда пламя подобралось к самым его лапам зверь коротко рывкнул, зашипел на мага, резко развернулся и скрылся в чаще невысоких деревьев.

Хальер погасил пламя.

«Я чувствовал ментальное прикосновение, идущее от аскольдов? Но ведь звери неразумны, в ментальном плане они ощущаются как пустота. Мне доводилось раньше видеть этих хищников в зверинцах, изредка сталкивался с ними в лесах, но не замечал ничего не обычного. Хотя... недавно здесь же почувствовал ментальное касание, а потом провал и пустоту, словно и не было никого. Аскольды могут скрывать свои способности? Они недаром были спутниками менталистов? Логичное предположение... Аскольды не просто звери, они — магически одаренные животные, сохранились сведения, что в других мирах такие встречаются. Что им от меня нужно? У последнего перед истощением источника хранителя портала был питомец аскольд, у его предшественника — тоже, так как все известные хранители межмирового портала в Золотые Века были менталистами и держали при себе этих хищников».

У Хальера замерло сердце, а через миг застучало, как бешеное, — так всегда бывало, когда на него обрушивался ответ на вопрос, который долго не удавалось сформулировать. ВСЕ хранители портала в древности были менталистами! Вот третий ключевой момент, который он не учел в своих рассуждениях!

Правда, то, что хранителями портала в Золотые Века всегда были менталисты, его никогда не удивляло и не фокусировало на себе его внимание: менталисты во все времена занимали особое положение среди других магов, были вершиной негласной иерархии в их среде. Это считалось само собой разумеющимся, поскольку и очень сильный стихийник не рискнул бы помериться силой даже с менталистом средней руки: схватка закончилась бы тем, что он придушил бы самого себя воздушными вихрями и не заметил бы этого до последнего момента.

Однако теперь давно известные факты приобретали новое значение... Среди двадцати заклинаний Хальера не имелось ни одного ментального, что начинало казаться странным...

Маг кинулся к portalу, проскочив сквозь пелену защиты и прижав ладони к омертвелым камням. Да, если сосредоточиться, то еще можно ощутить слабые отголоски ментальной магии. Контролирующей и управляющей магии! Еще не доверяя собственному прозрению, Хальер материализовал все воссозданные им заклинания, рассортировал их в нужном порядке, развесил в воздухе вокруг портала и начал сдвигать ближе и ближе.

Ощувив нарастающую силу отталкивания, он сконцентрировался на своем даре менталиста, увы, занимавшего в ранге его способностей последнее место. Всю энергию магии внутреннего ментального резерва он направил на отдачу одного-единственного мысленного приказа: принять сетку заклинаний, смириться с ней и не отторгать!

Портал ответил голубым свечением и ответной ментальной волной, которая менталиста послабее отправила бы в глубокий обморок, чтоб не смел тут распоряжаться. Хальер покрылся холодным потом, но устоял, усиливая собственное давление... и древний раритет уступил, поддался.

Отталкивание внезапно сменилось сильнейшим притяжением. Все заклинания слетелись вместе, как стая птиц на зерно. Разноцветные ленты соединившихся заклинаний оплели арку портала и словно впитались в его камни. Теперь только глаз мага мог разглядеть появившуюся на воротах новую, затейливо сплетенную структуру.

Притяжение смело волной не одни заклинания — Хальера тоже свалило с ног, протащило по камням к подножию исполинских врат. Перевернувшись на спину, маг с блаженной улыбкой гениального сумасшедшего любовался творением своих рук, укутавшим портал магической сетью.

Но любое устройство должно пройти проверку. Хальер посмотрел на солнце в зените, сказал себе:

— Я успею слетать в Греблин и вернуться еще до наступления вечера.

Он понесся к стоянке скреблов на поляне у парадного входа в его загородный дом.

Поздним вечером этого долгого дня император Адис Ламокк наконец-то застал своего друга в его дворцовых апартаментах. Ир Хальер сидел, развалился в кресле у камина с бокалом кроваво-красного вина в руке.

— Если бы мне не сообщили утром, что ты ушел в управление вместе с Леваном, я бы пребывал в уверенности, что ты вторые сутки безостановочно колдуешь над порталом, — сказал Адис, усаживаясь во второе кресло. — Быстрее рассказывай, сработала ли твоя гениальная задумка, пока сюда не явилась Клари и не отругала нас, как детишек, за нарушение режима труда и отдыха: ночь опять подкралась незаметно.

Хальер криво усмехнулся, окутал комнату звуконепроницаемым пологом, склонился к товарищу и сказал, азартно сверкая синими очами:

— Мое долгое исследование магического плетения портала с целью определить в нем брешь, вызывающую утечку магии, завершено! Я нашел эту брешь и ликвидировал ее. Теперь портал в моем поместье — это бочка, которая НЕ ТЕЧЁТ.

— Не может быть! — ахнул император. — И ты молчал, связаться со мной по амулету не мог?! Значит, заклинания таки сложились в сетку. Раз утверждаешь, что течи теперь нет, значит, уже как следует этот факт проверил. Давно испробовал-то?

— Этим вечером. Уровень магии три контрольных часа не менялся с момента заливки, так что моя система работает, надо лишь каждый раз заново материализовывать и активировать все заклинания перед началом заливки магии, но это несложно — я давно вызубрил все формулы наизусть, так долго пытался заставить их функционировать.

— А портал заливал, небось, свежей иномирной магией? Как дела у сомирников беглянки? Их же трое?

— Уже двое, — поморщился Хальер, — но магии в одном из парней оказалось немало. Двое оставшихся иномирян куда слабее — совершенно необученные маги среднего уровня силы.

— И ты всю магию иномирного парня в портал вбухал, экспериментатор? — грозно нахмурился император, сдерживая усмешку.

— Никак нет, ваше императорское величество, ровно половину, — отсалютовал бокалом Хальер. — Остальное залито в амулеты и передано на нужды государства.

— Если бы ты полагал, что энергии в парне достаточно, чтобы доверху залить портал, то о нуждах государства не побеспокоился бы, — проницательно заметил император. — Прихожу к выводу, что наполнить портал до краев не так-то просто. Стоит потратить на это стратегический запас магии империи?

— Стоит поймать мою беглянку. Адис, не хотел говорить тебе этого раньше, но из амулетов портал не зальешь. Раньше его наполняла живая магия расположенного рядом природного источника, и сейчас также необходима магия живого источника, причем магия собственная, самовосстановленная или украденная у других людей, но не обезличенная магия из амулетов. Я всегда это знал.

Император расстроено охнул, потер подбородок, спросил:

— Сколько в Греблине...

Хальер поднял руку, останавливая речь товарища. Сказал:

— Это не единственная проблема. Сегодня стало ясно, что минимум половина магии должна принадлежать магу-менталисту. Увы, одаренный соотечественник беглянки был стихийником. Адис, если я соскребу со всех концов империи имеющихся в ней слабеньких менталистов, я всё одно не наберу достаточное количество их врожденной магии, даже с учетом моей собственной и профессора Листица из Греблина. Портал слишком долго стоял без магии, в нем не сохранилось ни крохи, а залить его надо сразу до конца, по частям не получится. Недаром в Золотые Века все хранители порталов были сильными менталистами! Правда, им приходилось проще: портал никогда не был *настолько* пуст.

— Да, похоже, что без беглянки не обойтись — она единственный сильный менталист в стране.

Лицо Хальера исказила обычная для него кривая улыбка. Он потер шрамы на щеке и возразил:

— Не единственный. Их двое, Адис. Вокруг нас бродят два мощных менталиста, никогда не забывай об этом. Я не шутил в выходной, когда рассуждал о маге-убийце. Ты можешь надеяться на то, что это я сам в состоянии транса убиваю девушек, но в реальности ситуация гораздо хуже. И чтобы

ненароком не накалить обстановку, надо срочно изъять у Лоуреса бумаги с моими формулами.

— Ты отдал свои разработки по магии портала Лоуресу? Зачем?! — воскликнул император. — А если менталист-убийца или беглая магиня выкрадут их и сами активируют портал?! В них же довольно ментальной магии для этого, сам сказал! А портал — это свободный проход в другие миры, откуда можно протащить к нам самое разрушительное оружие, тысячи злобных порождений тьмы, управляемых менталистом. Коул, немедленно буди своего зама, я отправлю за ним глайдер — пусть везет твои гениальные формулы во дворец, я запрю их в хранилище!

Хальер согласно кивнул и соединился по амулету с первым дознавателем:

— Доброй ночи, Лоурес, рад слышать по твоему бодрому тону, что ты еще не лёг. Надеюсь, ты размышляешь над моим заданием?

В ответ в амулете прозвучал веселый голос первого дознавателя:

— Я честно посвятил ему все послеобеденное время и начало вечера, даже забрал ваши бумаги с собой домой, чтобы не оставлять их без личного присмотра в управлении, а сейчас извините, ир, у меня встреча с дамой. У вас что-то срочное?

— Хм-ммм... — Хальер переглянулся с императором, — не хочется срывать твою романтическую встречу, но нужно срочно привезти бумаги ко мне во дворец, пусть дама тебя подождет.

— Дама еще не доехала, это я её жду, — печально вздохнул Лоурес. — Я уже свечи зажег, вино по бокалам разлил, а она что-то не торопится.

Хальер настороженно замер.

— Вино и свечи, говоришь? — медленно цедя слова, переспросил он.

— Да, я галантно встречаю любых дам, даже куртизанок, — чинно ответил Лоурес.

— Какой смысл заранее зажигать свечи — они же некрасиво оплавят, а вино безнадежно выдохнется в бокалах... — После микроскопической паузы глава тайной канцелярии грозно взвыл: — Идиот!!! Она уже приехала, твоя псевдо-куртизанка, оттого и свечи ты зажег и вино разлил! Оцепляй дом, проверяй ванную комнату — она наверняка спряталась там, дожидаясь, пока ее магия стирания памяти на тебе сработает. Лоурес, я же велел опасаться менталистов, дьявол тебя задери! И смотри — чтоб ни единый волос с головы моей беглянки не упал!!!

Амулет связи затрещал помехами — его явно уронили на пол. Хальер сорвался с места и понесся в городской дом первого дознавателя. Зло чертыхающийся император остался во дворце ждать вестей «с линии фронта».

Глава 24. Один — ноль в пользу беглой магини

Ранним утром того же долгого дня.

Алеся проснулась на рассвете от неприятного предчувствия. Тем более неприятного, что засыпала она в прекрасном настроении после отлично проведенного с парнями подпольщиками выходного дня, обогатившего ее еще на семь грохов благодаря прошлым регулярным посещениям Петербургского шахматного клуба. Она лежала на мягкой роскошной постели, смотрела на поднимающееся из-за горизонта красное солнце и не могла избавиться от давящего ощущения в голове и мерзкого чувства обреченности. С чего это интуиция сегодня с утра покоя не дает?

Поняв, что заснуть не удастся, Алеся спрыгнула с кровати и оделась в милое платьице, купленное вчера «для сестры» в портновской лавке после шахматного выигрыша. С того же выигрыша она приобрела недорогой амулет связи, которым её тут же обучили пользоваться. Ник предлагал вечером купить ей самый лучший амулет и обеспечить её полным гардеробом, но она решительно отказалась, предупредив радужного рейта, что как только обретет «имя собственное», сразу арендует хороший дом в центре, благо, что средств у нее было достаточно. Ник неохотно согласился с тем, что она будет жить отдельно, пообещав сходить вместе с ней в знакомое ему агентство, чтобы у служащих конторы точно не возникло подозрений.

— Но ты должна понимать, что они сочтут тебя моей любовницей, — предостерег он.

— Мне безразлично, кто что подумает, мне важно лишь то, что есть на самом деле, — веско ответила Алеся. — Если мне для легализации в вашем мире надо числиться твоей содержанкой, то так тому и быть, но обеспечивать себя я буду самостоятельно и любовницей не буду.

— Да, у меня записан твой категорический отказ от этой «должности». Я каждый раз впадаю в грусть и меланхолию, перечитывая этот абзац, — лукаво прищурился Ник, вызывая ответную улыбку и чувство глубокой признательности у Алеся.

Алеся улыбнулась и сейчас, вспоминая волевое и привлекательное лицо Ника.

«Мне нельзя всерьез увлекаться мужчиной, — напомнила она себе, — это совершенно безнадежная затея, но... почему-то становится особенно горько, когда глубокие бархатные карие глаза лучатся симпатией, от их задорного прищура разбегаются тонкие морщинки, красиво очерченные губы складываются в улыбку... Ах, Алеся, холодной воды тебе за шиворот, думай о чём-нибудь другом!»

В тихом спящем доме она спустилась на первый этаж. За низким витражным окном промелькнул силуэт крупной собаки и Алеся поёжилась, вспоминая, как кормила этих псин вместе с Ником утром и вечером. Собаки по-прежнему зло облаивали ее, но она продолжала ласково говорить с ними и кидать им в вольеры вкусные кусочки, надеясь не подружиться с ними (с ее проклятьем это было невозможно), а усмирить собственные страхи в отношении собак. Если, не дай бог, ей придется столкнуться с ними на узкой садовой тропинке, она не хотела, чтобы слепой ужас обратил ее в паническое бегство и лишил возможного мизерного шанса на спасение. Правда, в последнее время Алесе мерещилось, что собаки лают не так яростно, как раньше, а как бы желая выслужиться перед хозяином, но это, конечно, были только ее фантазии. Она просто привыкала к виду этих псин.

Пройдя в кухню, Алеся налила себе воды и залпом выпила целый стакан, но комок в горле не желал уходить. Под окном кухни снова промелькнули собаки и послышались чьи-то приглушенные голоса. Исполненная любопытства Алеся шагнула к двери черного хода, ведущего из кухни в сад и к задней калитке в ограде. Выиграв в споре с собственными тактичностью и вежливостью, она приняла ухом к замочной скважине.

— Листы с формулами Хальер доверил первому дознавателю. Я сделаю всё возможное, чтобы подтолкнуть того вынести их из управления, — донеслось до Алеся.

Давление в её висках стало сильнее, накатило чувство дезориентации в пространстве, и прежний голос произнес:

— Ник, у нас появился слушатель. Ого, как интересно — ощущение разумного присутствия есть, а мысли и память я считать не могу.

Ахнув, Алеся попятилась прочь. К двери черного хода приблизились шаги. Тот же незнакомый голос сказал:

— Удивительно сильный ментальный блок! Ник, признавайся честно — что за мага ты прячешь?

— Магиню, хоть и не совсем магиню. Неужели это Алеся?

Ник свистнул собак, велел сидеть и открыл дверь. Три оскаленные морды псов попробовали

сунуться в кухню, но от резкого окрика хозяина сдали назад и уселись на задние лапы, метя хвостами.

Карие глаза Ника вновь с ледяным интересом осматривали Алесю, как незнакомого человека. Потом в их глубине что-то дрогнуло, выражение чеканного лица немного смягчилось, Ник сказал:

— Не бойся. Что встала так рано?

— Не спалось, за водой пришла, — хрипло ответила Алеся, переведя взгляд с собак на второго мужчину, спокойно стоявшего рядом со страшными псынами и почесывавшего за ухом ближайшего к нему пса. Собакам этот человек был хорошо знаком, зверей не пугала даже черная маска, закрывавшая его лицо, позволяя разглядеть лишь цвет его глаз в прорезях маски. Глаза были серые. И вроде бы добрые и улыбающиеся... но Алеся невольно отступила на шаг. От незнакомца в маске повеяло чем-то чужеродным, какой-то холодной, нечеловеческой злобой... Или ей померещилось?

Пока Ник тихо объяснял своему раннему гостю, кто такая Алеся и в чем заключается ее особенность, этот гость сверлил девушку пристальным взглядом. Когда Ник закончил свою речь, он кивнул и сказал:

— Хорошо, что иномирная гостя так благородна, что думает не только о собственной шкуре, но и о спасении своих друзей. Ее должна заинтересовать возможность запуска стационарного межмирового портала, способного вернуть домой всех рабов Греблина. Не так ли, Алеся?

Дождавшись ее подтверждающего кивка, человек в маске сказал:

— Предлагаю подумать, как использовать уникальное свойство Алеси для благого дела. Уметь начисто стирать память и при этом не излучать магии — идеальное сочетание для шпионки. Алеся, что вы знаете о верхушке тайной канцелярии помимо того, что ее главой является ир Хальер?

— Ничего.

— Тогда давайте побеседуем и немного повысим уровень вашей осведомленности, наш гостеприимный хозяин выделит нам место в гостиной. В данный момент вам важно знать, что первого дознавателя зовут Лоурес и он предпочитает не содержать постоянных любовниц, а встречаться с дорогими куртизанками. И еще один важный момент: я хорошо знаю того, кто подвозит к нему девушек, и могу дать вам соответствующую рекомендацию. Готовы проникнуть в логово врага под видом легкомысленной особы?

Ник недовольно нахмурился и хотел вмешаться, но его остановили повелительным жестом:

— Алесе ничто не угрожает, ей достаточно скрыться в ванной комнате на три минуты — вполне обычное дело для дамы перед встречей с клиентом — и Лоурес забудет о ее существовании, а уж дальше надо действовать по обстоятельствам. Я начерчу план комнат в доме Лоуреса и мы обсудим пути вашего ухода из него и как нам выманить первого дознавателя из его комнат, давая Алесе время осмотреться и сбежать. Ник, ты прекрасно понимаешь, как важно нам заполучить эти бумаги: единоличное владение тайной портала слишком сильно укрепит власть Хальера.

Ник потемнел лицом, согласно кивнул. Желание насолить давнему врагу, подозреваемому в убийстве дочери, пересилило в нем прочие чувства.

— Никогда не пробовала себя в роли шпионки, — дрожащим голосом заметила Алеся, сообразившая, что ее хотят использовать для кражи важных документов.

— Необычные обстоятельства требуют нетипичных действий. Вы же хотите спасти своих друзей? — Голос незнакомца зазвучал проникновенно и сочувствующе.

— Да, но что именно я должна найти в доме первого дознавателя?

— О, это я объясню.

Слуги бегали по дому в суете каждодневных дел, солнце вовсю заливало светом зеленый сад, когда гость в маске наконец-то сбежал со ступеней крыльца и скрылся во мраке кареты без опознавательных гербов и монограмм. Ник с Алесей остались стоять на верхней ступеньке. Развернувшись, Ник обхватил Алесю за плечи, прижал к себе и взволнованно прошептал, склонившись к ней:

— Если что-то пойдет не так, как мы задумали, и ты останешься наедине с ищейкой, не сумев вовремя скрыться, то помни: Лоурес — благородный, добропорядочный человек, тебе достаточно будет сказать «нет» и он отпустит тебя.

«Хорошо рассуждать о благородстве мужчины, которого знаешь лишь по встречам в высшем обществе и отзываю равных ему по положению людей. В общении с представителями низов он может быть не столь благородным», — хладнокровно размышляла Алеся, не верившая в сказки со счастливым концом и добропорядочность власть имущих.

Ник заметил ее скептицизм и сказал еще тише:

— Тебе вообще нет нужды так рисковать, кустарное производство порталов ликвидировано подчистую тайной канцелярией только в Велейской империи, а на другом материке портал можно нелегально достать. Я арендую скребл, отвезу тебя в Лирмийскую империю и куплю тебе одноразовый портал. Ты вернешься домой и забудешь наш мир, как страшный сон.

— Я давно знаю об этой возможности сбежать, я читаю газеты, книги и слышу много разговоров, — усмехнулась Алеся. — У меня достаточно средств, чтобы самой купить портал, не хватало только официальных документов для аренды скребла, но... дело не только во мне.

— Ты готова рискнуть ради незнакомых тебе людей, заточенных на острове, — по-прежнему тихо обронил Ник, все также склонив к ней темноволосую голову.

— Это действительно уникальные научные разработки? — только и прошептала Алеся, не желая обсуждать очевидное.

— Да, это формулы гениального изобретения, заклинания, активирующего древний портал. Имея на руках эти формулы, мы сможем открыть стационарный портал в другие миры. — Ник распрямился и широко улыбнулся.

— То есть, мне реально предлагается украсть последнее изобретение Хальера? — У Алеся вырвался нервный смех.

— Да! — торжественно подтвердил Ник.

«Если мне это удастся, то на быструю и безболезненную смерть в лапах главы тайной канцелярии можно не рассчитывать, мне гарантированно уготовят долгие муки, чтобы тысячекратно успела раскаться в содеянном», — признала Алеся и сказала:

— Не забудь записать это в своей тетради и прикрыть мое отступление. Пошли тренироваться в управлении глайдером — я видела, как это делал Рис, и в своем мире умела водить автомобиль, так что в этом запасном пункте плана проблем не предвижу.

В густых сумерках Алеся, кутаясь в яркую накидку, стояла рядом с Рисом у входа в небольшой сквер в центре столицы. Из Кресси она ушла подземным ходом, а на лесной опушке ее поджидали Ник и Рис. Отвезти Алеся к «клиенту» должен был Рис, богатый и знатный рейт Дирас был слишком известен в столице и выглядел бы странно, поставляя знакомым «девочек по вызову»

Если бы не зародившиеся в Кресси дружеские отношения, Алесе стоило бы поразмыслить о переезде в другой город, но Кресси стал уже знакомым и почти родным городком, в котором ей столько довелось пережить, что жаль было с ним расставаться. После тысяч жалоб горожан активность ищек пошла на убыль, все улочки и переулочки городка она успела хорошо изучить на карте и осмотреть их в реальности, чувствуя себя увереннее в знакомой обстановке, а переселяться в другое место — какой смысл? Если сегодняшняя шпионская вылазка пройдет успешно, тайная канцелярии будет в курсе, что она покинула Кресси, так что усиленно искать ее именно там перестанут.

Смотря на столичные огни, Алеся собиралась с духом для предстоящего дела. Да, они постарались всё учесть, тайный покровитель в маске поклялся сделать все мыслимое и немислимое и после обеда сообщил по амулету, что бумаги вынесены из управления тайной канцелярии и находятся в доме первого дознавателя, так что всё идет по плану.

«Лотерея тоже была опасной аферой, но не настолько, — дрожала Алеся, зябко кутаясь в накидку. — Зачем я согласилась?! А что мне оставалось делать? Постараться трусливо улизнуть на Землю и влачить там тихое существование в компании кошек? Или не рисковать с нелегальными порталами, а смириться с тем, что навсегда останусь в этом мире и мыкаться тенью по углам всю жизнь, обманом зарабатывая на хлеб и прячась от ищек? Незнакомец в маске мигом сообразил, как по максимуму меня использовать, и я не верю ни на грош его добреньким глазам — в случае чего он без раздумий избавится от меня как от опасного свидетеля. Моя интуиция буквально вопит, что от этого типчика надо держаться как можно дальше, а я привыкла доверять ей. В этом незнакомце в маске я не уловила никаких эмоций, он менталист и умеет их так прятать, словно эмоций и вовсе нет, но настораживает именно то, что он считает нужным их скрывать. Эх, если бы я могла положить ему руку на грудь, как советуют учебники магии для усиления степени

«прочувствования» человека, то имела бы шанс пробиться под его блоки, наверное, все-таки много сходства у моих способностей с ментальной магией. Но кто бы мне дал положить руку на грудь? Незнакомец в маске — менталист и сразу распознал бы мои мотивы. Плохо, что Ник стихийник, он не ощущает ничего подозрительного в своем высоком покровителе, искренне верит в его стремление сделать мир лучше.

Нику не следовало связываться с этим коварным «благодетелем», но ему затмили разум жажда мести и красивые слова о благе для страны и народа, о свободе для рабов Греблина. Куда ни кинь — всюду клин: с одной стороны ищейки Хальера, с другой — не менее опасный высокопоставленный сообщник, точно преследующий собственные цели, никак с моими интересами не связанными, да и с интересами Ника, полагаю, тоже. Кругом одни темные личности, только ребята подпольщики честные, но наивные юнцы, которых используют стремящиеся к власти корыстолюбивые негодяи. Я вляпалась не просто в феноменальные неприятности, а в смертельную борьбу в самых верхах местной элиты».

Размышления Алеси прервал остановившийся рядом крытый конный экипаж. Кучер окинул ее взглядом и довольно присвистнул:

— Да, красotka, чего и говорить. Ждать ее будешь, парень, или на всю ночь девица у первого дознавателя останется?

Рис удержал на лице каменное выражение начинающего сутенера и отрывисто ответил:

— На всю, ждать не надо.

Он посадил Алесю в карету, залез следом, сжал ее ладошку.

— Ох, не следовало нам вовлекать тебя в это дело, — прошептал он, — век себе не прошу, если что с тобой случится.

— А ты не записывай ничего и прощать будет нечего, всё мигом забудется, — не удержалась от едкой шпильки Алеся и тут же раскаялась в сказанном, увидев его искажившееся лицо: — Прости, формулы активации портала действительно нам необходимы, лично мне необходимы! Я сама приняла это решение, сама его реализую. Я хочу вернуться домой и ребят спасти, я поклялась себе сделать всё для этого еще до того, как встретила с тобой, и не откажусь от дарованного судьбой шанса. Мне терять нечего, Рис, так что выше голову. Добро всегда побеждает зло, верно? Так что мы на стороне победителей!

— Мы не бросим тебя одну, всё хорошо продуманно, — как заклинание повторил Рис. — На рейте Дирасе лица нет, так он за тебя переживает, ты ему очень нравишься, Алеся.

«Нет, мужчина, которому очень нравится девушка, не отправит ее в спальню другого мужчины», — с горечью ответила про себя Алеся, но встряхнулась и приготовилась действовать.

Она — одиночка! Ей нужен межмировой портал. Она добудет формулы его активации. Все остальное — второстепенно. Она потом хорошенько подумает, кому стоит отдать формулы секретного открытия Хальера.

Карета остановилась у богатого дома, похожего на дом Ника в Кресси. Пока Рис выходил и открывал Алесе дверцу, к крыльцу подлетел и осадил взмыленного коня всадник, держащий в руке тонкую папку.

— Последний отчет из Греблина, господин первый дознаватель велели доставить на дом! — крикнул всадник.

К нему вышел степенный дворецкий и принял папку, а к Алесе уже спешил молодой высокий мужчина, бросивший на ходу курьеру:

— Почему так поздно?

— Вносили изменения, ждали завершения какого-то эксперимента, — ответил курьер, коротко поклонился и усакал.

Мужчина, подойдя к Алесе и поцеловав ей ручку, велел дворецкому:

— Отнеси отчет в мой кабинет и больше меня не беспокоить! — После чего кинул Рису блеснувший в свете магических фонарей золотой рох: — Свободен! Девушку отвезут, куда она укажет.

Рис поспешно отвернулся, скрывая зло сжатые челюсти и недобрый блеск в глазах. Махнул рукой, забрался в карету и уехал, а Алеся посмотрела в лицо того, кому, возможно, ей вскоре придется

говорить несколько запоздалое «нет».

«Ага, скажу «нет» и верну ему золотой, благо все мои сбережения при мне, я лиса пуганая» — усмехнулась про себя Алеся.

Лицо первого дознавателя было сухим, суровым, приветливая улыбка мало смягчала жесткость черт. Да, не хотелось бы Алесе проверять его реакцию на свой отказ от интимного продолжения встречи!

— Добро пожаловать в мой дом, вы дивно прекрасны, — произнес первый дознаватель. — Я планировал работать до поздней ночи, но рад, что Кравер меня переубедил. Меня зовут Лоурес, прелестная незнакомка.

Алеся улыбнулась, смотря в темные глаза:

— Алеся, — представилась она.

— Удивительное имя, не слышал такого раньше. Но в таинственной красавице все должно быть необычным, не так ли? — ответил на ее улыбку Лоурес. Он явно решил, что имя вымышленное.

Он повел Алеся в дом, галантно поддерживая под руку, словно встречал не куртизанку, а дочь богатого соседа. Правда, дочь соседа он бы точно не привел прямиком на второй этаж в свои личные комнаты, в небольшую гостиную, где распахнутая дверь демонстрировала убранство спальни и широкую кровать под парчовым одеялом. Надежду, что на Алеся не накинута с порога, внушал столик, сервированный вазочкой с печеньем, коробкой конфет, бутылкой вина, двумя бокалами и свечами.

— Позвольте помочь, — жаркое дыхание коснулось шеи Алеси, когда Лоурес, стоя за спиной, склонился к ней, снимая с девичьих плеч накидку и бросая ее на спинку стула.

Обнажившегося плеча коснулись горячие губы и Алеся непроизвольно вздрогнула от страха.

— В самом деле новенькая? — мурлыкнул Лоурес. — Что-то ты слишком пугливая, от тебя хоть и не сильно, но веет страхом.

«Дурочка, забыла, что он менталист? Алеся, соберись немедленно! Первое — нельзя оставлять накидку на видном месте у входной двери! Второе — открыто смотри ему в глаза!»

Ищейка развернул ее лицом к себе, взгляд его стал цепким и очень серьезным.

— Тебя же не заставили прийти ко мне? — спросил он.

— Нет, я пришла по собственной инициативе, — исключительно честно ответила Алеся, помня, что не стоит лгать менталисту. Некоторые моменты они ощущают в фоновом режиме, не активируя магический резерв, и ложь — один из таких моментов.

Ее правдивость действительно заметили, и мужчина расплылся в довольной улыбке.

— Тогда поднимем бокалы за знакомство и переход к дружескому «ты», — предложил Лоурес, усаживая ее к столику, зажигая свечи и разливая вино.

Протягивая бокал, он окинул ее довольным взглядом, каким смотрят на лакомый десерт, готовясь его испробовать. Алеся впервые ощущала на себе столь откровенно вождедеющие мужские взоры и по ее напряженно выпрямленному позвоночнику скатывались холодные капельки испарины. Бокал дрогнул в руке, она торопливо поставила его на стол и попросила:

— Можно мне руки после дороги вымыть? И позвольте, я накидку аккуратно сложу, чтобы она не измялась.

Лоурес вежливо помог ей подняться со стула, посмотрел, как она сворачивает блестящую ткань, что прикрывала ее плечи, и беззастенчиво шагает в мужскую спальню, кладя накидку на тумбочку в дальнем темном углу. Лоурес повел ее через спальню к двери в ванную комнату. Пропуская ее в ванну, он тесно прижался к ней твердым мускулистым телом и шепнул:

— Не долго, моя прелесть, ты так хороша, что хочется съесть тебя немедленно.

— Я на три минутки, — опять исключительно честно ответила Алеся, сдерживая нервную дрожь.

Прикрыв дверь, она осмотрелась. В этой ванне, как и в доме Дираса и в других очень богатых домах, был водопровод. Внешне его устройство было похоже на земное, только все механизмы, включая насос для нагнетания воды, работали на законах магии, а не физики, и потребляли не электрическую, а магическую энергию.

Алеся включила воду и немного поплескалась.

Отчёт времени пошел.

Лоурес потоптался под дверью, потом вернулся в гостиную, звякнул бокалом. Выглянув в оставленную щелку неплотно прикрытой двери, Алеся увидела, что он отпил из своего бокала и вновь наполнил его до краев. Распахнул дверь в кабинет с противоположной стороны гостиной, подошел к столу, взял в руки папку, переданную курьером.

Алеся затаила дыхание, словно воочию видя, как в трехминутных песочных часах падают вниз последние крупинки.

Лоурес шагнул к металлическому сейфу на стене, приложил к нему поочередно несколько амулетов, делая при этом сложные пассы руками. Дверца сейфа открылась, а Алеся погасила свет и выключила воду, замерев за дверью ванной. Время ожидания вышло, настало время действовать. Ее успели забыть все, так же как и приказ не беспокоить хозяина, отданный из-за нее. Она нажала одну кнопочку на амулете, выданном ей незнакомцем в маске. Минимальный выплеск магии, не определимый на расстоянии в несколько метров.

В тот же миг с первого этажа раздался крик:

— Магическая почта!

И чуть позже стук в дверь гостиной и сухой голос пожилого мужчины:

— Рейт, срочная депеша из тайной канцелярии.

Лоурес ругнулся, кинул папку в сейф, но длинную процедуру его закрывания производить не стал, а просто прикрыл плотно его дверцу и вышел в гостиную, бормоча себе под нос:

— В моих покоях никого нет, на окнах защита, достаточно зачаровать входную дверь.

Стоило двери закрыться, как Алеся метнулась в спальню, схватила свою накидку, затем бросилась в кабинет, закрыв за собой его дверь, выхватила из сейфа папку с отчетом, бросила на стол и всмотрелась в лежавшую под ней стопку тонких листов. Да, это были те самые формулы, двадцать штук, за которыми она пришла. Дальше шли досье с личными данными ищеек, не представлявшие интереса. А вот отчет по Греблину... Не удержавшись, Алеся раскрыла папку. В ней было три листа, на каждом таблица с четырьмя колонками данных: имя, две даты: прибыл и убыл, объем магической энергии в стандартных, принятых здесь единицах ее измерения.

На последнем листе в нижней строке стояло имя:

Владимир Конев.

Дата прибытия: 2 июля 4250 года.

Это был день, когда Алеся попала в ловушку охотников и перенеслась в этот мир. Парней, пойманных вместе с ней, звали Володя и Олег.

Холодея, Алеся перевела взгляд на графу «убыл». Там стояло сегодняшнее число.

Убыл...

Вспомнились слова курьера: «Вносили изменения, ждали завершения какого-то эксперимента». В последней графе напротив имени землянина стояло огромное число, отражающее забранную у него энергию. Гораздо больше, чем у всех остальных, с еще не закрытой графой «убытия».

Убыл...

— Твари... Ненавижу!!!

Сунув листы с формулами в папку с отчетом, она захлопнула сейф, погасила свет в кабинете и открыла окно. Магическая защита срабатывала только при проникновении снаружи, а не при открывании изнутри, так было и в ее доме в безлюдном переулке. Под окном мягкая рыхлая клумба, высота — около четырех метров.

Приземление прошло удачно и тихо. Теперь спрятаться в зарослях акации и пробраться к задней калитке. Человек в маске обещал, что ее оставят открытой.

Так и есть! Круто быть менталистом, кого угодно заставишь сделать что угодно и позабыть об этом, жаль, никому не хватит сил велеть Хальеру самоубиться. Облегченно выдохнув, Алеся выскользнула за ограду и побежала на противоположную сторону улицы в городской парк.

За ее спиной над особняком первого дознавателя развернулся радужный магический купол, разнесся грозный рёв до ужаса знакомого голоса ира Хальера:

— Всем оставаться на своих местах!

Обхватив руками шершавый ствол какого-то дерева, Алеся изо всех сил старалась выполнить этот приказ, но оставаться на месте было сложно, очень сложно. Хальер был зол, как никогда, и магия его влекущего голоса звала к себе, манила, требовала бежать к нему, а не от него. А добежав, простереть к нему руки и умолять взять ее всеми способами, забрать себе ее тело, магию и жизнь (или хотя бы то из этого, что имеется в наличии).

Разум переборол тягу глупого тела, и Алеся понеслась к глайдеру, ожидающему ее у выхода из парка.

Ник ждал ее, неотрывно смотря на магическое зарево над домом Лоуреса. При виде бегущей к нему блондинки по лицу его разлилось нескрываемое облегчение.

— Ты Алеся? Ты в порядке? — бросился он к ней.

— За мной гонятся, задержи их! — выкрикнула Алеся, подбегая к машине.

Ник без раздумий метнулся в сторону выдуманных преследователей, а Алеся села за руль, кинула на соседнее сиденье папку и накидку, включила старт и понеслась по ночным дорогам. Она хорошо изучила путь до Кресси.

— Прости, Ник. Ты этой подставы не вспомнишь, но всё равно прости, — прошептала она. — Тебе же хватит ума не соваться к дому Лоуреса, верно? Постоишь, посмотришь, почешешь в затылке, забыв нашу встречу, и в свой столичный дом пойдешь, не обнаружив глайдера. А мне подумать, надо, Ник, в одиночестве и крепко подумать.

Алеся сунула стражникам на выезде свои фальшивые метрики о рождении, врученные ей сегодня, и скрепленное магической печатью разрешение от Ника Дираса водить его глайдер, зарегистрированный в общем реестре магических машин: одиноких путников проверяли до сих пор. Ее пропустили, Хальер еще не успел отдать приказ закрыть ворота.

Она только успела отъехать от города, когда над центром столицы мелькнула молния и шарахнул раскат грома — глава тайной канцелярии уверился в пропаже своих гениальных формул и бегстве иномирянки.

«В этом мире мне удалось добиться того, чего от рождения не имела на родине: реальных товарищей, которые стараются меня помнить, и реального врага, который точно обо мне не забудет», — думала Алеся, гоня глайдер к Кресси.

Эпилог

Разъярённый глава тайной канцелярии ворвался под заграждающий магический полог, растянутый им над домом первого дознавателя. Недолгое сканирование местности — и все обнаруженные разумные объекты, обвитые голубоватыми сетями воздушной стихии, слетаются перед крыльцом, бесцеремонно вытаскиваемые из дома в яркое пятно света от фонарей во дворе.

Повариха с мокрыми руками, горничные со швабрами и тряпками, занимавшиеся вечерней уборкой дома, детишки экономки в ночных пижамах, прижавшиеся к матери и ревушие в три ручья, сторожа, садовники, дворецкий — все сбились в одну кучу, удерживаемые на месте магическими путами. Впереди всех высился хозяин дома Лоурес, первый дознаватель тайной канцелярии.

Убедившись, что ни других разумных существ, ни крупных живых объектов, что могли бы притворяться неразумными, в доме нет, ир Хальер окинул взглядом всех собравшихся и избавил от магических пут женщину с детьми, отрывисто бросив:

— Ступайте обратно, вы не нужны.

Обойдя вокруг оставшейся толпы и убедившись, что содержание памяти людей соответствует их внешнему виду, глава тайной канцелярии освободил слуг, задержав для более тщательной проверки только одного из садовников и хозяина дома. Отпустив наконец и их, он молча, без объяснений, прыжками поднялся по лестнице на второй этаж и вошел в личные комнаты Лоуреса. Сам Лоурес с потеряннм и обреченным видом шагал вслед за своим начальником, боясь раздумывать о своей дальнейшей судьбе.

Хальер остановился на пороге, втянул носом воздух. Его синие глаза засветились неестественно ярким светом и Лоурес замер у двери при виде этого свечения, судорожно сглотнув. Окутавшись дрожащим маревом магической энергии, глава тайной канцелярии прошел к столу с вином и сладостями, потом в спальню и к двери в ванную комнату. На пороге ванной он издал устрашающий рык, синхронно с которым сверкнула молния за окном и разнесся гулкий удар грома. Невидимая сила приподняла Лоуреса над полом, сдавливая его горло.

— Ты желал её, — угрожающе пророкотал стремительно перенесшийся к дознавателю Хальер. Лоурес в ответ беспомощно захрипел, не в силах вымолвить ни слова. — Тебе очень повезло, что она осталась безответной и я не ощущаю в воздухе флюидов женского влечения.

Магическая удавка исчезла с горла Лоуреса, и он кулем рухнул на пол, кашляя и глубоко дыша. Сияние глаз Хальера пропало, он спокойно прошел в кабинет, рассматривая открытый сейф, разбросанные папки с личными делами сотрудников сыска, переворошенные Лоуресом в тщетной надежде отыскать доверенные ему секретные бумаги.

Отдышавшись, первый дознаватель вошел следом за главой в свой кабинет и сказал мрачно:

— Она ушла через окно, внизу клумба смята. Ушла вместе с вашими формулами, ир.

— Да, я вижу, — задумчиво согласился Хальер.

Лоурес потер ладонью саднящую шею и спросил:

— Считаете, она могла бы выпить мой магический резерв и лишит меня жизни, если бы... хм-ммм... почувствовала ответное влечение? Думаете, она настолько развила свои магические способности?

— Нет, я не считаю, что ее магические способности достаточно развиты, чтобы убить тебя, а вот мои — более чем, — меланхолично ответил Хальер, погруженный в раздумья.

Лоурес сделал собственный вывод из слов главы:

— Отдадите меня под трибунал за утерю секретных бумаг? — с деланным спокойствием спросил он, морально готовясь к закономерному итогу своей непростительной оплошности. — Мне пора писать завещание?

Хальер опустился в хозяйское кресло и заговорил, сложив ладони вместе перед собой и постукивая пальцами:

— Твой разум испытал сегодня воздействие двух менталистов: днем первый маг внедрил в твой мозг идею вынести бумаги из управления тайной канцелярии и след этого воздействия остался, хоть ты воспринял это намерение, как свое собственное. А вечером с твоей памятью поработала хорошо известная нам беглянка и следов ее влияния, как обычно, нет. К слову, с садовником, оставившим калитку открытой, поработал первый маг и след опять-таки заметен, я его хорошо запомнил и по нему в будущем смогу идентифицировать сообщника беглянки, когда мы его поймем. Чертовски

жаль, что у людей в момент смерти исчезает вся их память и никаких следов индивидуальной магии менталиста в их головах не остается, заметны только отпечатки имевшего место некоего неопределенного магического воздействия. Ментальная магия затрагивает лишь тонкие структуры высших психических функций человека и не отражается на их материальном носителе — центральной нервной системе. Очень неудобно для работы сыска.

Лоурес почтительно выслушал учёные рассуждения начальства и вернулся к насущному для него вопросу:

— Как вы поступите со мной? Мне идти в камеру смертников?

Ир Хальер оторвался от задумчивого созерцания собственных постукивающих пальцев, удивленно приподнял брови и ответил:

— Твоя вина заключается в том, что у тебя недостаточно сил для противодействия сильнейшим менталистам империи. Если бы я подписывал людям смертный приговор только на основании этой причины, то мне пришлось бы казнить все население страны.

— То есть..., — осторожно заикнулся Лоурес и выжидательно замолчал.

— То есть ложись спать, утром жду тебя на рабочем месте. Я отправлю запрос по всем постам на выезде из города на всякий случай, но мою беглянку как всегда никто не вспомнит. На следующем заседании рейтната я потребую обязательной письменной регистрации всех въезжающих и выезжающих из городов лиц.

— Это сильно замедлит поток людей через ворота, — осмелился заметить Лоурес.

— Это сильно облегчит работу сыска, — ответил Хальер и поморщился: — но рейтнат в точности повторит твои слова.

Видя, что глава тайной канцелярии не намерен немедленно сжечь его заживо за утерю бумаг, Лоурес поинтересовался:

— Что нам грозит в связи с моим недосмотром за формулами активации портала?

— Полагаю, что ничего страшного. Во-первых, набор формул не полон, никто не сможет с их помощью активировать портал, даже если прорвется сквозь установленную мной защиту. Во-вторых, мои листки унесла с собой иномирная магиня, а не первый маг. А как я уже неоднократно убеждался, моя беглянка — весьма неглупая особа.

Лоурес не увидел логики во второй части выводов главы, но с огромным облегчением понял, что вешать на рассвете его не собираются.

«Я с наслаждением передам эту неглупую девицу в руки ира, когда ищейки ее поймают!» — подумал он, а Хальер тем временем продолжал рассуждать об исключительности беглой иномирянки:

— Слышал, что в этот выходной семь шахматистов из центрального сквера столицы заявили о пропаже у них денежных средств в размере ровно одного гроха?

— Думаете, деньги были просто проиграны ими иномирной магине?

— Уверен. — Кривую улыбку Хальера сторонний наблюдатель мог бы назвать мечтательной, но Лоуресу никак не могло прийти в голову связать подобный эпитет с главой тайной канцелярии. — Жду не дожусь, когда мы с ней встретимся лицом к лицу. Честно говоря, я впервые в жизни с таким страстным нетерпением предвкушаю личное знакомство с женщиной.

Хальер задумчиво провел рукой по подбородку и приказал:

— Немедленно объяви по всем городам и поселкам, что тайная канцелярия выплатит десять золотых тому, кто поймает беглую магину, и по десять грохов — за достоверные сведения о ней, и этого пока довольно. Относительно Рислирина Хорса указания прежние.

Он встал и, покидая дом своего заместителя, велел:

— Ты с завтрашнего дня начнешь заниматься поисками того, кто внедрил в твою голову идею вынести бумаги из управления. Радиус действия ментальной магии не велик, он должен был находиться в тот день в управлении недалеко от твоего кабинета. А беглянка отныне — только моя забота, все сведения о ней сразу направляй ко мне.

Алеся была права, когда размышляла о том, что в новом мире ей удалось добиться того, чего от рождения не имела на родине: реального врага, который точно о ней не забудет. Ее противостояние с главой тайной канцелярии вышло на новый уровень.

Конец